

ИСТОРИЯ

СЕМЬЯ АПАНАСЕНКО

ИЗ КУБАНСКОГО ХУТОРА
БРАТСКОГО

Апанасенко В.А.

СЕМЬЯ АПАНАСЕНКО

из кубанского хутора
Братского

*Страницы жизни и быта одной кубанской
семьи, основанные на рассказах старожил, на
воспоминаниях близких и родных людей,
на архивных материалах*

2008 г.

На правах рукописи
записал всё о своих родственниках
Анасенко Вячеслав Анатольевич 1951 г.р.,
сын Анатолия Ивановича 1927 г.р.,
внук Иван Кононовича 1908 г.р.,
правнук Конон Корнеевича 1866 г.р.,
праправнук Корнея Тихоновича 1839 г.р.,
прапраправнук Тихон Феодосовича 1812 г.р.
прапрапраправнук Феодоса Титовича и т.д.

г. Краснодар

У каждого из нас огромное количество древних предков. Но именно понятие «родная семья» складывается у всех за какое-то последнее столетие. К сожалению, у многих из нас сведения о своих родственниках бывают, как правило, чрезвычайно скудны: продолжительность их жизни или только год рождения. Но проведённые современными учёными исследования показали, что жизнь определённых предков оказывают весьма существенное влияние на развитие их внуков - вплоть аж до десятого колена. Каждое поколение вносит разный вклад в развитие последующих детей. Оказывается, наиболее сильным влиянием обладает четвертые и пятые колена: деды и бабки наших дедов. Поэтому я попытался определить возрастную связку поколений своих предков по возможности подальше. Имея дело с разрозненными документами, приходилось скрупулёзно распутывать и составлять картину их жизни в контексте прошедших в прошлых веках событий.

Исторически сложилось так, что генеалогия любого рода прослеживается по мужской линии, тут уже ничего не поделаешь. И я рассматривал таковые события исходя из таковых основоположений. Хотя истории всех семей, как показывает опыт, все же больше сохраняются женщинами. Женщины и живут дольше мужчин, и память у них в старости помнит то, что у мужчин с годами совсем стирается. Так и у нас многое, что мною написано, услышано было в основном от бабушек. А написано это всё для того, чтобы живущие ныне мои молодые родственники вспоминали своих предков, знали нынешних братьев, сестёр, племянников и племянниц, не забывали друг о друге и может быть, хотя бы изредка, виделись. А возможно, кому-то ещё про всё это будет просто интересно почитать, может что-то поправить или же дополнить...

Анасенко Вячеслав Анатольевич

1 РАБА

По поводу родословных семей Апанасенко, что я узнал сам или слышал от своих предков об их жизни в прошлых веках

Сами прозвища у людей, которые позднее стали использоваться в качестве фамилий, возникли задолго до того, как они были письменно закреплены за ними. А окончание таких слов на «**ко**» очень древнего происхождения – на скифских, а затем уже позднее и на славянских диалектах означало принадлежность к родителю. Такие семейные прозвища бытовали в XIII-XV веках на землях Белой, Киевской и Московской Руси. Так в Киеве это окончание прибавлялось к именам детей князей (Владиславко, Святославко, Володымырко). У всех южных славян такое окончание имело смысл как «дитя такого-то». Позднее этот древний уменьшительно-ласкательный суффикс утратил своё прямое значение, превратился в фамильный «енко», но он и теперь остался созвучен современному украинскому «сынко».

Если взять средний срок рождения очередных детей в 25 лет, то наверняка десятка два поколений уже прошло после того, как вообще впервые на свете появилась фамилия Апанасенко. Носителями её впоследствии стали десятки тысяч людей по всему миру. Сейчас только на Кубани их проживает свыше 500 человек. Такая фамилия имеется у украинцев и белорусов, русских и болгар, греков. Представители её обитают в северной Америке, в Бельгии, в Польше и даже Австралии. Среди её носителей сегодня есть весьма известные учёные, артисты и адмиралы, сейчас можно найти ныне здравствующих внуков известных военных и легендарных командующих. У многих обладателей нашей фамилии имеются древние казацкие корни, а их прадеды были владельцами больших земельных наделов в Малороссии.

Фамилия «Апанасенко» относится к весьма распространённому типу существовавшему XVI веке в Киевской Руси и образовывалась от старинного крестильного имени **Ἀθανάσιος**, что в переводе с древнегреческого означает – «бессмертный или вечный». Первая буква **Ἀ** в нем – это частица отрицания, вторая **θανάτος** (птанатос) – «смерть». Первично взятая от имени православного греческого святого Ἀθανάσιος, сама фамилия родилась присоединением к его начальной основе общепринятого надднепрянского патронимического суффикса «енко».

Кто же такой Святой (Ἅγιος) Ἀθανάσιος и что с ним связано? Древние легенды гласят, что ещё до рождения Христа такими кличками или именами довольно часто греки называли своих воинов, выживших после каких-то грозных битв. А из истории христианства известно свыше сорока святых с таким именем из разных времён и мест. Но одними из первых Ἀθανάσιος – святыми мучениками за исповедания того, что Христос есть Бог, были несколько греков во времена царствования римского императора Домициана (81—96 гг.), весьма усердного гонителя христиан, по приказу которого их всех обезглавливали.

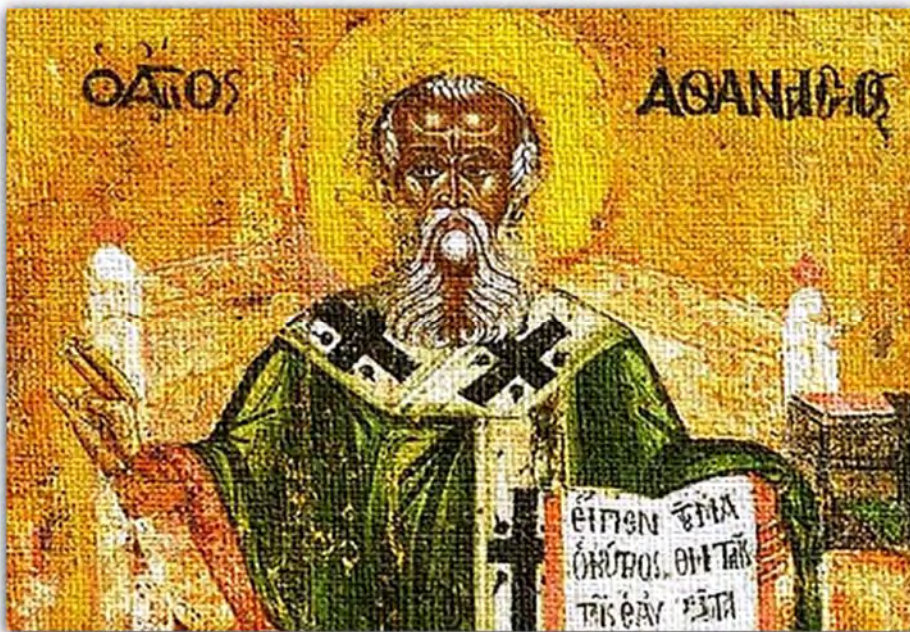

Остатки церкви преподобного Ἀθανάσιος, построенной в 1100 году на месте его усециения в Μίθραον Ελληνων (около Афин). Фото из альбома архимандрита Стергия (Греция)

В начале 300-х годов в провинции Кападокия Римской Империи (юго-восточная область Малой Азии при Средиземном море, сейчас Турция) жил почитаемый всеми мудрец Ἀθανάσιος ὁ ἀπὸ Μάγων – Апанасий из волхвов. Его тоже за веру во Христа обезглавил римский император Диоклетиан (284-306 гг.). В эти же времена узурпатора Максимиана (250-310 гг.) довольно известен был комментарисий (смотритель тюрем, ведущий учёт узников) Ἀθανάσιος родом из Киликии Римской Империи (сейчас Турция), который во время пыток в тюрьме преподобномученика Зосимы стал свидетелем чуда Божия и тогда поверил во Христа. Затем сам чудесным образом избавившись от смерти, вместе с этим Зосимой

удалился в пустыню, поселившись в расселине горы. Истинно уверовав во Христа, был там преподобным крещён. С молитвенными подвигами перед людьми он долго не предавал душу Господу.

Но самым почитаемым христианской церковью святым, одним из отцов правоверной христианской церкви, был Ἀγίος Ἀθανάσιος Μεγας Ἀλεξανδρείας – Апанасий Великий Александрийский (298–373г.г.). Как Архипастырь Александрии, где тогда в большинстве своём проживали одни греки, он строго соответствовал идеалу праведника и боролся с ересью. В 350-х годах был единственным правоверным Архиепископом в восточной половине Римской империи. Несмотря на свою маловнушительную наружность он хорошо умел господствовать над умами и оставил от того времени большое письменное наследие для всей христианской церкви. Труды его и типиконом (завещанием) церковники пользуются до сих пор, они переведены на русский язык.

Ἀγίος Ἀθανάσιος Μεγας Ἀλεξανδρείας - Святой Апанасий Великий Александрийский благословляющий именословным перстосложением. Список с почитаемой старинной афонской иконы XI-го века выполненной из яйца и темперы.

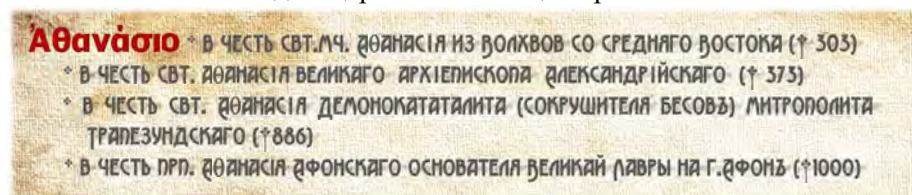
Вот от него греческой и позднее уже потом и славянской Церковью, 18 января (стар. стиля, 31-го по-новому) началось почитанье дня памяти Ἀγίος Ἀθανάσιος (Св. Апанасия, Атанасия, Афанасия). Этот день считается у всех семей Апанасенко «Крестной Славой» – днём Святого своего рода.

Сами же древние греки, а потом и славяне чествовали ещё этот день как праздник долголетия. А согласно уже более поздней легенде, распространённой у южных славян, Святой Апанас на свой праздник снимал шубу, надевал рубашку-расшиванку и на белом коне ехал в горы. А когда Святой Апанас шествовал по полям, то он громко кричал: «*Тикай зима, хай вже приходэ літо*». В народных поверьях только после этого дня мог начинаться поворот зимы на весну. На Апанасов день женщины не должны были шить – если уколется, то рана точно долго не заживёт. Нельзя было варить фасоль и чечевицу – это чтобы дети не болели. В этот день приготавливали обрядовый хлеб с украшениями, символами будущего плодородия. Этот очень вкусный белый хлеб называли «богача» – божья булка, она служила знаком того, что бог бессмертен и людям он тоже может даровать Царствие Небесное.

А ещё в этот день скреплялось новое родство. Родными становились два человека, не имеющих кровной связи – побратимами. Ритуал побратимства можно было исполнять только на этот праздник, так как верили, что Святой Апанас является побратимом Святого Антона, чей день отмечался на день раньше. А по поверью оба они имели власть над болезнями и были долгожителями. Кто становился побратимом, скреплял своё родство небольшими священнодействиями. Сначала обменивались зажжёнными свечами, а потом эти свечи закрепляли с двух сторон печки. Так побратимство скреплялось огнём – самой божественной и животворящей силой. Затем двое побратимов разламывали на равные половины богачу, на которой вырисован тестом знак побратимства – две нити, переплетающиеся в одну, рядышком вместе садились за стол, до дна выпивали с одного кубка красное вино и закусывали его богачей.

Появление греческого имени Ἀθανάσιος в среде южных славян (Апанасий-малоросс, Атанасий-болг, Афанасий-рус.) связано с принятием ими христианской веры. Всем из древности известно, что каждый христианин во время официальной церемонии крещения хотел бы взять себе имя какого-то Святого Покровителя для благоприятной дальнейшей жизни. Крестильные имена греческого типа в землях, лежавших юго-западнее рубежа Московского государства, ведут свою историю от принадлежности Киевской митрополии, основанной после крещения Киевской Руси, к греческому Константинопольскому патриархату и с самого начала повсеместными там богослужениями по византийскому обряду. По каноническим правилам, крещённого принято было называть именем календарного святого, чей день соответствовал появлению малыша на свет или же следовал за ним. Во время крещения право подбирать такое имя ребёнку тогда принадлежало священнику – а

он ориентировался на свои святцы. Греческий язык повсеместно употреблялся в тогдашней церкви большинства южных славян. При крещении в основном применялись имена греческие, иногда старославянские, редко писались прозвища. Использовались они в именительном греческом падеже: мужские – Πέτρ, Φίλιπ, Κωνσταντίν, Γαβριήλ, Μιχαήλ или клички – Ζωγναράς (Свинопас); женские – Μαρία, Σοφία, Ελένη, Αικατερίνη. Большая же часть крестильных мужских отчеств писалась в родительном падеже, то есть чей: Ιωάννου или Πέτρου т.д. Но для мужчин, к которым переходили имена греческих святых, обычно имелось окончание их имени по происхождению от очень древнего дательного падежа – Ἀθανάσιω, Ἀνατόλιω. Окончание таким дифтонгом «ио» произносилось близким к русскому «йи» (ї – малорос.). Вот что писалось тогда в церковных святцах про имя Ἀθανάσιω:

Непосредственное же образование фамилий Апанасенко (Απανασενκο) от имени Ἀθανάσιω было массово отмечено в конце XVI века на самом юго-востоке тогда польской Вкраїні. Во многих случаях такое крестильное имя там любили давать воинам Гетманщины и Сечи Запорожской. А чтобы отличать наследных козаков от пришлых, их детям добавляли суффикс «енко». Таким способом закреплялось наследственное имя в третьем поколении и уже впоследствии обозначало семью одного корня.

Пока нам не известно самое первое письменное использование фамилии Апанасенко, но окончательному их закреплению за людьми на бумаге положило киевское духовенство, в частности митрополит Петро Могила, который в 1632 году поручил всем священникам вести метрики рождённых, замужних, умерших. В тогдашних статистических описаниях такие фамилии были распространены среди куренных «*козацких героєв-лицарей*» Сечи Запорожской. По реестру казаков левобережного Днепра от 1649 года фамилии с наследным окончанием «енко» от имени Ἀθανάσιω там встречается у 37 лиц. Это в Чегиринском, Прилукском, Киевском, Черкасском полках, а больше всего в Ивангородской сотне Черниговского (с 1654 Нежинского) полка. По разорении старой Сечи в 1709 году многие престарелые казаки расселились по хуторам Слобожанщины, неся свою фамилию. Местное наречие тогда сохраняло свои старые дохристианские традиции и не допускало применение в

словах начального предударного «А», поэтому в сечевых записях писарями имя или фамилия начиналась преимущественно с «О» или вообще совсем опускалась. В таковой транскрипции она сохранилась у многих людей до сих пор. А уже позднее, в первых российских ревизских сказках по Малороссии отмечено, что одни и те же лица там вначале писались с первой буквы «О», а в более поздние годы они стали «*церковныя россійскія*» – и начинались уже с «А». Видимо тогдашние служители православной церкви, отстаивающие там свои византийские традиции и понимающие их смысловую составляющую, старались производить более правильные записи в своих метрических бумагах. Правописание же в фамилиях второй буквы «θ» (фиты) в местном транскрибировании в большинстве случаев шла как русская «п».

Откуда же взялось звучание второй буквы именно «п», а не какой-то там другой? Известно, что сам древнегреческий алфавит возник ещё в 400 годах до н.э. на основе финикийского письма, в котором каждый знак обозначал один определённый звук речи. На нем межзубный звук ⊗ – тета, а позднее византийский Θ – фита, произносился где-то близко к английскому «the», только значительно мягче и чуть глуше, больше похож на русский заднеязычный фрикативный диаграф – «пт». А далее при переносе этого звука на другие говоры те традиционно стали использовать близкие буквы своих алфавитов – «θ, t, ρ, т, п, ф». В грамматике малороссийского наречия вообще не было такого знака, как «θ» (смотри, например, издание Павловского за 1826 г.) Поэтому и был общепринят обычный для них звук старославянской фиты Θ, который по произношению весьма похож на финикийскую «тету», а после языковой редукции малороссами он стал просто – «п».

А ещё известно из старых документов XVIII века, что при призывах на регулярную службу хлопцам из крестьянских семей *Беларуской Вкраїны* писарями писалась в призывных документах фамилия Апанасенко по имени их деда – *Апанаса*. Они участвовали в войнах, походах и сражениях, удостоивались высочайших милостей, даже с получением земельных наделов. Многие из них потом по окончанию службы обосновывались в Мглинском уезде Малороссийской губернии. По сословию – казаки и их имена сохранились в российских архивах. Только вот более позднее правописание их фамилий стали больше походить на местные – «*Апанасенковы*», но в их языке и говоре до сих пор явственно ощутимо южнорусское влияние. Нужно отметить, что фамилии с окончанием на «енко» по-правильному не должны склоняться, особенно в документах, но в бытовой разговорной речи русского языка разного рода склонения у людей все же довольно частенько могут присутствовать.

По многочисленным рассказам родственников, какой-то один из наших древних предков, имевший весьма много детей, идейно разошёлся с ними на религиозной почве. На это часть сынов ответила ему протестом, и вообще перестала с ним общаться. Вот они и разъехались по разным уголкам Запорожья. Разругались до такой степени, что даже не захотели носить фамилию отца и решили убрать в ней первую букву «А». Это для того, чтобы ничего общего с ним не иметь. Со временем эта ветвь общего фамильного начала так и приобрела звучание – «Панасенко». У греков начало слов на предударное «А» всегда носило значение отрицания, и если произносить нашу фамилию без неё, то она будет иметь другой лингвистический смысл, что канонически не совсем верно.

Начиная с 1770 годов, система государственных ревизий была уже довольно распространена на юге России. Согласно самым первым ревизским сказкам того времени фамилия *Апанасенко* больше всего встречается по селениям Слобожанщины, на хуторах у шляхов Черниговского, Миргородского, Хорольского и Белопольского уездов, а чаще всего – по трактам Украинской Линии проходившими в Московию с Екатеринославля и Константинограда через Ахтырку, Грайворон и Мирополье – это Павлоградский, Суджанский, Корочанский, Рыльский, Путивльский, Сумской и Грайворонский уезды Слобожанщины. В последующих поколениях по церковным метрическим книгам такая фамилия начала отмечаться в селениях, которые находились в Бахмутском и Мариупольском уезде Екатеринославской губернии.

НЕМНОГО ЭКСКУРСА В ИСТОРИЮ КАТАЕЛЬНО МОИХ ДРЕВНИХ ПРЕДКОВ

Почти все мои непосредственные родичи в прошлых веках были «*истинно правоверными христианами греческого закона*». Как это понимать? Ко времени рождения Христа Греция двести лет была частью Римской Империи. Само Греческое Христианство возникло в 50 годах н.э. благодаря миссионерским трудам Святого Павла, хорошо говорившего на греческом языке. Начало же христианского периода в Римской Империи связано с правлением императора Константина Великого в 330 годах. Христианская вера, поселившаяся в его сердце, подвигла Константина на разрыв с римским язычеством. Он перенёс столицу империи из Рима в Византию и дал ей название Константинополь. В те давние времена южные славяне имели письменностью глаголицу и были язычниками. По прошествии тысячи лет Византия, обратив славян в христианство, под властью турок прекратила своё политическое существование, но сам Константинополь всё ещё долго играл роль духовного центра в сознании истинно верующих христиан, вокруг которого вращалась вся их духовная жизнь – они многие службы правили на греческом языке.

Через 5-столетий после крещения Руси, в 1596 году, большая часть епископов Киевской митрополии, входившей в состав Константинопольского Патриархата, приняла решение о признании верховной юрисдикции римского Папы. Но в обществе тогда ещё польской *Вкраїні* многие к этому отнеслись резко отрицательно, что стало причиной возродившихся казачьих вольниц и массовой миграции населения за левый берег Днепра, где не было никаких гонений. Впоследствии, грекокатолическая (униатская) церковь укоренилась в восточных областях польской *Вкраїні* и стала там традиционной религией для большинства жителей, в то время как на западе русской *Украины* и в Киеве оставалось неприкасаемым старое византийское правоверие.

В 1649 году Богдан Хмельницкий, гетман войска Запорожского, из-за обид на чиновников польской короны поднял на восстание всю Гетманщину и Запорожье. К ним примкнули верники киевского правоверия. После войны в 1654 году отделившаяся Хмельницким от поляков часть русского народа вошла в состав России, а та территория, которая раньше была в составе Польского королевства, стала именоваться константинопольскими епископами «*Малой Россией*», так это название потом и укоренилось. Языковых, бытовых и обрядово-

социальных отличий между малороссами и великороссами было гораздо меньше, чем с поляками и правоверный народ с Днепра целыми толпами потянулся «*β дикця никем не занята и никому не принадлежаща места, находящаяся к югу от рубежа Московскаго государства, лежащая по местности, где позднее была построена Белогородская черта*». Уходили на новые места разумно, со скотом, с деньгами и одеждой, с попами и церковным имуществом, с богослужебными книгами старинных киевских изданий. Начали они селиться по течению рек Ахтырки, Сулы, Псла и Ворскле, создавая новые хутора и казацкие слободки. Отсюда и пошло название местности – «Слобожанщина». Основную массу переселенцев составляли посполитные крестьяне и казаки. Вот среди них и были мои предки, осевшие в самих верховьях речки Хорол. В 1650-х годах жили они на землях слободы Апанасовки (сейчас это Опанасівка Липоводолинський р-н Сумской обл.). Вероятно, это их фамилии имеются в реестрах по Лохвицкой сотне (уезду) Черниговского полка (Моисей и его дети).

Церковно-обрядовая практика малороссов в то время больше сходилась с тогдашнею греко-католической и немного разнилась от московской. Она больше следовала практике, установленной Петром Могилой – *Трафославыи Кієвскім Архієпископом, Екзархом Святійшого Константинопольскаго Патріаршаго Престола*. Различия накапливались почти 300 лет и за это время стали весьма ощутимыми. Малороссы не только осеяли себя троеперстно, но и службы правили немного иначе. Московия же потребовала полного отречения от любого иного обрядового толкования и вместе с московским подданством принять веру Москвы. В течение десятилетий происходило замещение церковной практики киевщины и не всё население Малороссии её тогда приняло.

В наше время мало кто знает, что до начала правления в Московии царя Алексея Михайловича Романова, на русских землях существовало некое двоеверие и что изначально православие – это древнерусское понятие, насчитывающее тысячи лет и берущее свои корни ещё из Ведической религии древних предков. Простой народ в своей основной массе хоть тогда уже и исповедовал Христианство греческого обряда, пришедшее из Византии, но при этом всю обрядово использовал и старую дохристианскую веру своих предков – правоверие, т.е. *правильно славящую богов*. Вот это двоеверие сильно волновало царя Алексея Михайловича и его духовного христианского наставника Патриарха Никона. Как только в 1660-х годах Никон стал Патриархом, то он решил покончить с этим и как-то соединить воедино старую веру с христианством. Под влиянием своих монахов и киевских служителей Греко-Славяно-Латинской Академии он инициировал перевод

богослужебных книг по новомодным греческим правилам. По причине не столь полного соответствия греческих и славянских текстов, большинство канонических книг были вновь переведены на тогдашний русский язык, при этом иногда подменялись церковные понятия «правоверие» и «православие». А затем стали вводиться проповеди – вещь немыслимая в великорусской церковной среде XVII века. Это навязывало простому народу немного иное мировоззрение. «*Да разве можно какому-то там человеку толковать откровения Божьи*» – считали многие тогда.

Патриарх Никон, подобно римскому папе, стал вводить поповские чины и новые обряды, установил иерархии по церкви. Желая объединения воедино все славянские церкви, он приказал киевлянам сравнить руководящие документы со своими и привести их к одному общему знаменателю, но только по новым византийским правилам. «*Религия должна быть единой везде, а не каждый понимать её как ему хочется*» – считал он. В то же самое время, отвергая церковную реформу, предпринятую Патриархом Никоном и самим царём Алексеем, многие люди несогласные с ней были подвергнуты откровенным гонениям и вынуждены были даже покидать свои постоянные места жительства. Попытка Патриарха Никона силой изменить старое мировоззрение привело к значительному расколу русской церкви на несколько неудобных властям течений. Многие люди жили тогда по своим старым устоям и не признавали никакой верховной церковной власти над собой. Некоторые киевские правоверцы, возражая против новых и чуждых им обычаев, видели в них угрозу потери самобытности и особо не стали подчиняться этим веяниям. Их принявших верховную власть Москвы, но исповедавших «*греческий закон*» стали называть «*старообрядцами*».

Малороссийские старообрядцы в отличие от великорусских староверов-раскольников, не отличались крайним религиозным фанатизмом и склонностью к самоизоляции. Но предания апостольского православия и древнегреческий язык занимал у них важное место, поскольку считали, что первые книги Ветхого Завета были написаны на нем. Они следовали греческой Библии, точнее её первому переводу, сделанному в III веке с семитского языка на греческий – Септуагинты. Авторитет Библии как Слова Божьего для них стоял выше любой церковной традиции. Они считали, что первоначальная чистота её скрыта от большинства людей в сложных ритуалах новой церкви. А любой истинно верующий человек сам должен понимать Заповеди Божьи, которые писаны в Библии. Не признавали они святоотеческие богослужебные книги, считали их все сомнительными по знанию древнегреческого языка, переведёнными с ошибками, искажающими логический смысл некоторых Заповедей

Божьих и вообще не боговдохновенными. Поэтому службы они правили по своим древнегреческим богословским книгам и старопечатным служебникам. Книги у них библейские и канонические восходили по своей древности к VII-VIII векам и соответствовали полученным когда-то Киевом из афонских и иверских монастырей. Хотя и принимали их все тогда единоверцами – они значились православным и были зависимы от новообрядческих попов, но старообрядцы верили, что согласно Слову Божьему все правоверные призваны ему служить, т.е. сами и есть священники. Поэтому многие скрывали свою принадлежность к старообрядству и особо не находили нужным исполнять обряды в новых церквях и проводить там метрическую регистрацию. Метрические книги старообрядцев в некоторых местах вообще велись полицией. Поэтому мало каких письменных сведений по тому времени удаётся разыскать. Кстати, до сей поры у южных славян за рубежом, да даже и у нас, ещё осталось много истинно правоверных церквей, которые называются Ортодоксальной церковью греческого обряда. Службы там проводятся только на старинном церковно-греческом языке.

В 1666 г. после решения Церковного собора о казнях и ссылках противников всех новых реформ, репрессии начали приобретать массовый характер. Гонения на старообрядцев были вызваны в основном их нежеланием помянуть царя в молитвах. Мои предки в большинстве своём поддерживали старые порядки. Они видимо хотели избежать расправ и шли на службу в казачество, в защите которого видели своё спасение. Малороссия тогда более-менее сохраняла автономию по отношению к России и население Черниговской губернии довольно долго проживало спокойно. Но с началом 1700-х годов и там пошла волна гонений на «*ортодо́с*» (правоверных). Возможно больше руководствуясь экономическими мотивами молодые семьи Апанасенко постепенно стали расселяться по разным уголкам Слобожанищины. Часть семьи подались к черкасам на южный берег речушки Быхалки Белопольского комиссарства Слободско-Украинской губернии, на земли канцлера Краснянского. Там они определились в казённые войсковые обыватели (помощники казаков). Но потом в 1769 г. их разграбили при набеге татары, многих поубивали. Одна часть семьи двинулись дальше на восток за Суммы в Мирополье. Моя же линия, спасаясь от варварских налётов успела сбежать за Украинскую Линию на юг, в практически безлюдные степи, оставшиеся между Русью и Крымом после распада Золотой Орды, в так называемое Дикое поле (Приазовье). Там они осели на берегах маловодной речки Шайтанки, где колонисты-старообрядцы уже начали осваивать пустующие земли, сплошь заросшие тёрном.

В XVIII веке на территории Дикого поля было построено много всяких слобод и хуторов из различного рода людей. Для Московии они были охранной зоной её южных границ от набегов крымчаков и ногайцев, поэтому правительство особо не беспокоило это население, позволяя им свободно заниматься земледелием или промыслами. В те же самые времена, т.е. уже после падения Византийской империи, остатки греков-христиан проживали на берегах Чёрного и Азовского морей. Прибывшие в эти места ещё когда процветала Византия, они почти триста лет проживали там оседло. Чтобы не оставлять их под властью турок и не подвергнуть население насильственной ассимиляции, Екатериной II в 1777 году было принято решение о переселении всех христиан Крыма в Приазовье. Переселенцы царским указом освобождались на десять лет от государственных налогов и на сто лет от рекрутской повинности. И греки-переселенцы стали получать в этих краях земли в свою собственность. Но отведённые им земли кое-где уже были заселены колонистами. Хочешь, не хочешь, а проживавшим здесь поселянам надо было освобождать эти земли, на которые они как не бились, так и не смогли получить у правительства владельческого документа. Им разрешили остаться там лишь до снятия урожая 1780 года.

Часть пришедших в эти места с Крыма греков – ромеи, обособленно поддерживали свои старые традиции, быт и религию предков. Они считали, что под турецким игом многие их сородичи – греки-урумы, изменили христианству, предались басурманству и в этом отношении были склонны к наименьшему общению с ними. Те говорили, в основном, по тюрски, а у ромеев же литературным языком был древний *«церковно-греческий»*. Учитывая то, что с ромеями у малороссов не было практического различия в обрядах и разночтений в богословских книгах, обе части этого населения охотно сошлись во взглядах и стали проживать вместе. Отданные грекам земли не осваивались в полной мере из-за полного отсутствия у них орудий труда. В большинстве своём они все занимались скотоводством. И местные колонисты, прибывшие в эти края раньше, вынужденно стали брать у них в аренду земли, довольно часто начали родниться с ними. Пошли совместные смешанные браки. Вот таким образом, на юге бывшей Екатеринославской губернии, кровно пересеклись мои предки с греками.

Обо всём этом можно судить исходя из многочисленных рассказов моих прабабушек о том, что хоть род у нас и малороссийский, но когда-то имелись *«греческие кровя»*. Греческого типа носы у некоторых женщин и зелёно-кареглазость мужчин в наших предыдущих поколениях явственно прослеживаются. Да и по внешности большинства из них

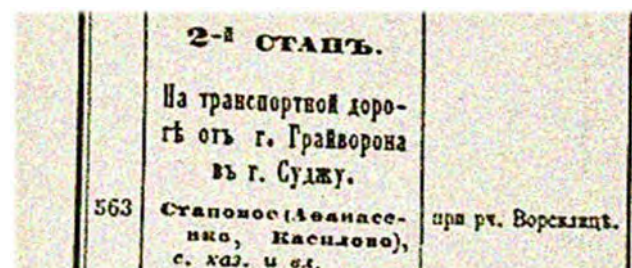
имеются отличительные родовые особенности: высокий рост, умеренная ширина лица, крупный нос прямого профиля, впалые без эпикантуса глаза, каштановые кучерявые волосы, большая физическая сила. У всех мужчин нашего рода были весьма старинные крестильные греческие имена – Герий, Макарий, Мефодий, Тит, Феодосий, Тихон, Корней, Конон. Все они могли читать библии на древнегреческом языке.

После столетнего перерыва пересказы чьих-то воспоминаний вторыми и третьими лицами не всегда могут быть достоверными, но похоже, что первое письменное упоминание именно моих родичей было обнаружено в ревизских сказках по новым поселениям греков, переселившихся в приазовские степи. Фамилия Апанасенко имеется там по селу Салгир Янисала (позднее Большой Янисоль – совр. Великая Новосёловка, Донецкой области). С большой долей вероятности можно говорить о том, что род мой прошёл именно там, и видимо, связан с русскими отцами и греческими матерями. По этим документам есть основание предполагать, что оказавшийся на выделенных грекам землях старообрядец Евреим Васильевич (совр. – Ефрем) носивший фамилию Апанасенко (Εφραίμ Αθανασίου) 1751 г.р. имел несколько жён. Первая Мария умерла рано при очередных родах, оставив ему троих ребят. А со второй он сошёлся из греческой семьи – вдовицей Софьей Константиновой (1756 г.р.). Поскольку семья Евреима слилась в одно общее большое хозяйство с греками, то часть неженатых пасынков приняли фамилию приёмного отца – «Апанасенко». Сам Евреим прожил недолго, но оставил потомство. По рассказам, всего детей в той большой семье было больше десятка. В первых ревизских сказках по этому селению (р.с.1811г., ГАЗанОбл, формуляр 12, опись 2, дело 32) обнаружено несколько подтверждающих записей об этом. По следующим ревизиям (ГАДонОбл, р.с.1816 г. - ф.131. оп.1. д.46, р.с.1835 г.- д.83 и р.с.1850 г.- д.129) все их дети были записаны под фамилией «Апанасенко», хотя по крови не все таковыми являлись. Род этот довольно многочисленный прожил потом на южной окраине поселения Большой Янисоль до самой революции 1917 г. Владели они большими участками земли при речке Шайтанке, имели паровую мельницу и магазин. Дом, в котором жила та большая семья, сохранился и до наших дней.

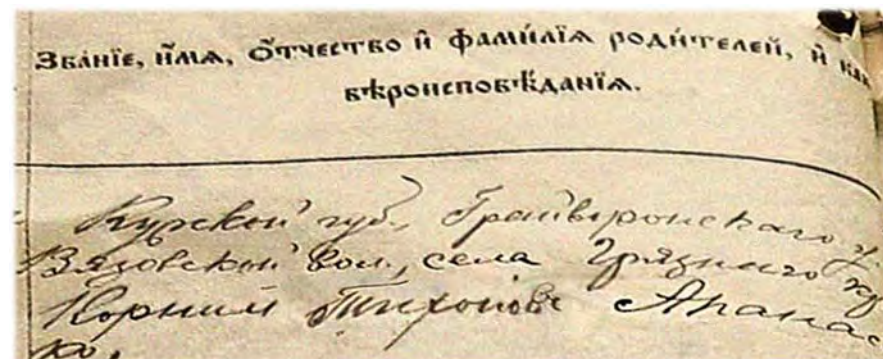
Один из внуков Евреима Апанасенко из Большого Янисоля - Герий Васильевич, 1811 г.р. Фото конца XIX века.

Известно, так же по рассказам, что несколько старших детей Евреима: Тит, Федор и Феодос как-то так тогда не прижились в Янисоли. Весьма сурова была среда обитания с её засушливым климатом, ветрами, неурожаями и постоянно возникающими этническими проблемами с отуреченными урумами. Земельные вопросы решались постоянно не в пользу малороссийских колонистов. Посему по дозволению Янисольского общества они подались искать счастья в других краях. Феодос осел на хуторе Кочережки Павлоградского уезда, а двое других сынов чуть подальше – на Грайворонье. С 1804 года и начала появляться там фамилия Апанасенко в книгах церкви селений Станового, Вязового и Колотилówki. В середине позапрошлого века эти мои предки жили на Апанасенковском хуторе недалеко от поселения Станового при речке Ворсклица, по шляху из Грайворона в Суджу между селениями Становое и Вязовое Грайворонского уезда Екатеринославской, а позднее Курской губернии. Сейчас это Краснояружский район Белгородской области.

Хутор Апанасенко около селения Станового в списке мест Грайворонского уезда за 1859 г.

Причина, по которой через какое-то время семьи Апанасенко стали разбегаться с этого хутора мне пока неизвестна, но отсюда родом были мои прямые родственники, расселившиеся в более позднее время по Грайворонщине и Кубани. Прапрадед мой Корней Тихонович родился в январе 1839 года на хуторе Грязный, что в восьми вёрстах от этого места.

Запись о Корнее Апанасенко в метрической книге Митрофановской церкви хутора

Хутор Грязный (позднее село) был основан в начале 17-века черкасами – славянизированными христианами древнесарматской группы, живущими по своим обычаям и исповедующие греческую веру, службу церковную отправляющие на славянских языках, которыми давно и повсеместно пользуются. Хутор этот на границе малороссийского захолустья располагался вдоль Харьковского шляха, проходившего через Грайворон в Мирополье, и назывался по имени протекавшей через него маленькой речушки «*Грязный колодец*», левого притока р. Псел. Уездным центром там был городок Грайворон, основанный малороссийскими казаками-ахтырцами вблизи устья одноимённой реки, при месте её впадения в реку Ворскла. Позднее все эти селения стали как раз на границе Харьковской, Курской и Белгородской губерний в Вязовской волости. А хутора этого как такового не стало существовать со второй половины XIX века. Земли их скупил граф Вольконштейн Абрам Гаврилович и слободской люд в них само-собой поразбежался. В настоящее время это место находится на границе Белгородской и Курской областей с Украиной. Ближайшее крупное поселение – село Графовка Краснояружского района Белгородской области. Оно объединило в себе две части по берегу речки Грязной, ранее бывших в разных волостях и разных губерниях – Графовки, которая входила в состав Гоптаровской волости Суджанского уезда бывшей Киевской губернии и села Грязного Вязовской волости Екатеринославской (позднее Курской, а затем Белгородской) губернии.

Приблизительно до середины XIX века слободские обыватели (казаки и их помощники) составляли значительную часть коренного населения по старой Украинской линии и прилегающих к ней земель Грайворонщины. Семейный уклад их не отличался от казачьего – кое-кто по жребию служил в территориальных полках постоянного состава. Жили они своими небольшими хуторками, иногда уходя в походы для спасения местных жителей от басурманских налётов. Но постоянная угроза войны с Турцией и нехватка регулярных войск на юге России заставляла правительство создать новые формирования. Так по указу 1850 г. часть молодых однодворцев обратили в казаков и составили из них казачьи корпуса. В корпус, именовавшийся Малороссийским казачьим войском, были так же включены приемлющие священство старообрядцы, среди которых видимо попали какие-то мои предки. В 1855 г. фамилия Филиппа Тимофеевича Апанасенко из одноименного хутора была известна среди приписных казаков 4-го взвода 3-й сотни 5-го Малороссийского конно-казачьего полка, которому жаловалось довольствие за участие в военных действиях во время Крымской войны.

Ещё до окончания второй Крымской войны по старой Украинской линии началось полное расформирование войсковых обывателей Екатеринославского и Малороссийского Казачьих Войск. Помощников и подпомощников казаков начали переводить в податное сословие. Их фактическое положение приближалось к государственным крестьянам – были отменены все льготы. По соображению тогдашнего правительства, войска совсем потеряли способность к интенсивной и полезной в воинском смысле службе государству и потому упразднились. Активно началось насаждение феодальное землевладение. Казачье старшинство было уравнено в правах с дворянством, это потом привело к появлению крупных имений помещиков с Московии, повсеместно скупавшими их земли. В создаваемом обществе многие государственные крестьяне начали терять своё положение, беднели. Земли им не доставалось и приходилось брать в аренду у крупных землевладельцев, которые «драли с них по три шкуры». Наряду с ломкой крестьянской общины московское правительство повело активную переселенческую политику. Расчёт был прост – переместить массу недовольного безземельного населения из губернии на пустующие окраинные земли Империи, где бы они защищали её границы своими силами. Многие недовольные такой политикой государства шли на юг в вольные и свободные земли. Уходили даже целыми хуторами. В это же самое время Россия начала активную колонизацию Кавказа и Кубани.

Многие семьи Апанасенко с Екатеринославской губернии порасселились в конце XIX века по Северному Кавказу. Те, у кого было побольше сыновей, шли на жительство в более свободные земли Кавказского Линейного Казачьего Войска или ещё подальше к более вольным Терским казакам. Один из известных – Тимофей. Его сын Константин служил в Терском Казачьем Войске и был в своё время полным Георгиевским кавалером. Из этого же малороссийского колена пошла и линия Апанасенко Иосифа Родионовича – знаменитого в прошлом советского военачальника. Он известен тем, что устанавливал революционные порядки на Ставрополье, а затем показал себя весьма выдающимся военным в Великую Отечественную войну. Благодаря его деятельности в роли командующего Дальневосточным фронтом, японцы не вступили в войну. Став командующим Воронежским фронтом, он на передовой получил смертельное ранение. Бывшая станица Митрофановская в Ставропольском крае, в которой он родился, с 1935 г. носит имя «Апанасенковская», сначала в честь жестоко убитого там во время революции военного комиссара района Д. Г. Апанасенко, а после войны и самого генерала Иосифа Родионовича.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МОИХ ПРЕДКОВ НА КУБАНЬ

Во второй волне переселения из Малороссии попал на Кавказ и мой прапрадед Корней. Прибыл он на Кубань для отходных заработков, судя по рассказам, в год смерти царя Николай I (это 1855 год) в таборе нескольких семей состоящим из 25 человек на шести подводах. Братья, их дети и жены, племянники, все те, кто хотел лучшей жизни и достатка, собравшись по окрестным поселениям волости, двинулись в дальние края на отходные заработки. Среди них и был 16-ти летний мой прапрадед. Рассказывали, что к тому времени он был сиротой. Насколько известно из рассказов, табор начал свой путь с хутора Кочерёжки Вязовской волости Павлоградского уезда (*Кочеріжки, Катеринославської губ*). По смутным воспоминаниям родственников на этом хуторе проживала семья офицера Апанасенко, какого-то дальнего родственника отца. По обычаю, ехали все с чумацким обозом (перевозчики соли), который с десятков раз уже бывал в южных краях, от которого они получали какой-то заработок на еду и корм быкам. Дорога на юга занимала где-то с месяц.

Прибыли они в итоге после длительного путешествия на Кубань, где продав привезенное, захотели вступить в Кавказское Линейное Казачье Войско. Но, судя по всему, не всем их мечтам о своей земле на Кубани было суждено сбыться. При всём их стремлении к новой жизни, удачным переселение получилось далеко не у всех. По документам числились они как подданные малороссияне Курской губернии. Но пришлое элементы могли тогда зачислиться в Войско только в том случае, если у них была справка о том, что у них нет рекрутской очереди в той волости откуда они пришли и недоимок по прежнему месту жительства. Таких бумажек прибывшие не имели и их везде отправляли восвояси. Проехали они станицы Кавказскую, Ладожскую и Усть-Лабинскую. Двинув дальше за Кубань по Лабее, они почти сразу смогли там как-то получить разрешение некрасовского атамана Хлистенко разбить кош в урочище между речками Терс и Талп (сейчас это Зеленчуки) на юрте (общественной земле) 1-го Лабинского полка 2-й бригады Кавказского Линейного Войска.

В дальнейшем, судя по найденным документам, некоторые из родственников прапрадеда изъявили желание идти на заселение в новые станицы по Лабинской линии, вместо выдворяемых туда казаков. Видимо, получив отступные от назначенных по жребию казаков 2-го Кавказского полка Линейного Войска, они попали в списки переселенцев станицы Ново-Урупской (Попутная) – это семья Семеона Апанасенко. Известно так же по документам, что позднее Гавриила с сыном Петром числился в аналогичных списках по переселенцам в станицу Преградную

на Урупье. Несколько двоюродных братьев прапрадеда жили по реке Пшехе в горном хуторе Чернигова и около поселения Ким, что в окрестностях станицы Апшеронской. Хата какого-то Исая – родственника прапрадеда, стояла на окраине станицы Темиргоевской. Говорили в станице Воронежской проживал «братец Роман». Насколько известно по рассказам старших, колено семьи Апанасенко оставшееся на Грайворонщине, поженившись на богатых черкасских невестах Баевых так и живут до настоящего времени в селе Графовка. Почти все наследники этого рода имеют характерные залысины спереди на лбу.

Сразу же по приезду на Кубань мой молодой прапрадед 16-летний Корней, пошёл в работники к зажиточным некрасовским казакам. Подрядился табунщиком пасти и охранять скот семьи Ковалёвых на летниках по Терсу и Талпу. Времена были ещё не совсем спокойные, случались набеги нищих черкесов и разбойничьих шаек перебежчиков, уведивших довольно много скота. Да и волков в степи было предостаточно. Из-за этого несколько лет спустя прапрадед нанимался возить рубеля (длинные отёсанные бревна) из верховьев Лабы в Ладожскую в составе больших обозов с отрядами казачьей охраны. По пересказу, полученному от старика Солодкого, (умершего в 1910 году), известно, что прапрадед мой осел в старообрядческом селении возле бывшей т.н. III-й станицы Некрасовцев. В эти годы старообрядцы начали перебирались на выделенное им некрасовскими казаками новое место, поближе к заарендованным юртовым землям, где потом возник хутор Киевский. Жила его семья на левом берегу реки Терс, за греблей через эту речку по старой дороге на станицу Некрасовскую. Сейчас это где-то в середине улицы Школьно-Киевской теперешнего хутора Братского. В 1858 году прапрадед женился на малороссийской крестьянке из многодетной старообрядческой семьи. Про неё совсем мало что известно, говорят, что звали Параскева (по-гречески Пятница).

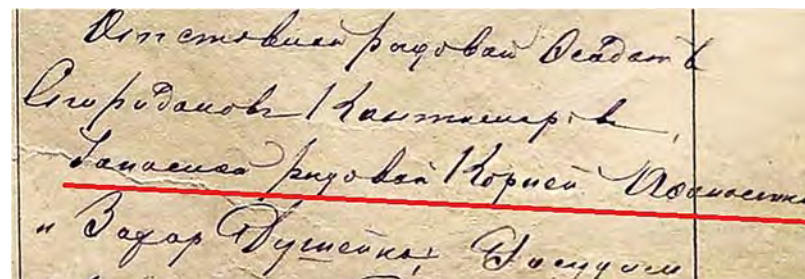
В 1859 году, т.е. ещё до преобразования северных полков Линейного Кавказского Войска в Кубанское Казачье, прапрадеда захотели призвать на службу, но он обратился за поручительством к своему родственнику Роману Апанасенко, который служил в полковом округе №11. От него на руки получил свидетельство о праве выбора места жительства на Кубани и льготе, выданное Войском как сироте государственного крестьянина Курской губернии. В те времена грамотные люди были редкостью и местное начальство за такое содействие решило привлечь его на службу в своей конторе для каких-то своих целей. Известно так же, что из-за раздоров с этим начальством он подал прошение в штаб бригадного округа ст. Новолабинской о зачислении его в Кубанское Казачье Войско.

Это где-то за год до окончания Русско-турецкой войны (1863 г.). Такое его решение предполагало получение после службы земельного надела в нагорной полосе Кубани. Войсковое правление тогда особо не нуждалось в кадрах, но, учитывая набожность прапрадеда и то, что он мог читать и писать, решили приписать его к самой тяжёлой из всех тогдашних служб – на Майкопскую кордонную линию рядовым отдельного отряда Департамента военных поселений. В его обязанности входила вестовая служба при войсковых священнослужителях.

Прослужил прапрадед в этом отряде короткое время – до осени 1865 г. Сама служба, да и отношение там к людям ему сразу не понравились – пришлось участвовать в крещении нехристей. Там малочисленные остатки враждебных к русским черкесов ещё пробирались с высоких гор, жгли казачьи посты и убивали людей. Хотя военные действия везде уже закончились, но его отряду было приказано ещё раз пройти по разным закоулкам северного нагорного плато и вытеснить оттуда враждебных элементов, чтобы окончательно обеспечить тылы заселяемых равнинных станиц. Тогда он и успел поучаствовать в карательных экспедициях по истреблению черкесских аулов, где казаки сжигали их все практически дотла. В те времена это было обычным делом. Поход в горы снаряжался из казачьего отряда и священников, с которыми туда и попал прапрадед. Там казачья цепь окружала горцев и начиналось насильственное крещение, причём почти всегда с обеих сторон предварительно пускалось в ход оружие. Все крещёные таким образом считались христианами. Правда уже потом, после ухода казаков и священников обращённые в христианство черкесы с проклятиями в адрес попов бежали к реке отмываться от святого миро и старались уезжать подальше из своих насиженных мест. А те, кто не хотел креститься, того брали в плен для размещения по мирным аулам на равнине близ реки Лабы, его саклю или же целиком весь аул, сжигали. Весь их скот забирали с собой в качестве трофеев и спускали на равнину.

Так всю весну и лето 1865 года прапрадед проходил по отвоёванным участкам с отрядом, который выгонял за кордоны магометан и случайно оставшихся бродяг. Выполнял поручения офицеров, ухаживал за скотом. Насмотревшись там всяких неприятностей по распределению трофеев, набожный прапрадед откровенно разочаровался в таком характере военной службы и захотел снять «бренные доспехи». Более того дело шло к упразднению или реформированию его отряда, а дальнейшей службы он тогда уже не предполагал. Вероятно, по причине таковых впечатлений прапрадед впоследствии старался держать как можно дальше своих сыновей от действующей казачьей службы. Рассказывают ещё о том, что

его окончательно «добило». Во время поездки в Майкоп с экспропрированными шкурами ему даже не предложили войти в дом какого-то не слишком большого казачьего начальника, которому он их привёз. Прапрадед остался ночевать во дворе в сене на холоде, в то время как его спутник, молодой казак – знакомый хозяина, спал на широкой кровати в доме. После этого он довольно долго болел простудным заболеванием. Обиженный таким приёмом, почти сразу попытался как-то отказаться от службы и ушёл в запасные. Получение казачьего звания и земельного надела в нагорной полосе прапрадеду явно не светило из-за малого срока службы. Но он узнал, что начальнику кордонов полка полковнику Макарову Кавказским начальством выделены большие земли на левом берегу Кубани – это почти там, где он раньше пас скот. Так мой прапрадед Корней где-то в 1867 году окончательно обосновался вместе с приятелем Захаром Душейко в среде «киевских братчиков», выкупивших позднее у полковника Макарова земли, доставшиеся тому в награду за боевую деятельность во время Кавказской войны.

Лист ведомости по передаче личных дел из Майкопского в Закубанский отдел в 1876 году.
Корней Апанасенко - запасной рядовой отдельного отряда Кубанского Казачьего Войска
в списках способных исполнять повинности по Некрасовскому юрту.

О жизни прапрадеда мало какие сведения дошли до нас, потому что все старались поменьше рассказывать обо всех этих моментах, чтобы во времена социализма не навредить своими откровениями детям. Тогда старообрядцы хоть и крестили своих детей в господствующей церкви по её правилам, но без всяких там гражданских условий. Поэтому записей о его семье в метрических книгах того времени мне не удалось обнаружить. К сожалению, совсем нет материалов и о его близких, многие из них умолкли навсегда, а их документы были уничтожены – началась революция, большинство метрических книг церковью окрестных хуторов сгорели в революцию, потом их дожигали в тридцатые годы. Оставшиеся же в районных архивах материалы перед оккупацией фашистскими захватчиками не все были вывезены, а немцы их потом целиком уничтожили при отступлении.

Корней Тихонович Апанасенко по рассказам был приятной наружности, роста выше среднего, крепкого телосложения с большой головой, лицом светловатым, волос чуть кучерявый темно-русый. Глаза карие. Голос у него был громкий, грубоватый. Носил модную по тем временам царственную бороду. Наши же непосредственные родственники, с целью безопасности, все свои старые фотографии того времени уничтожили после революции во времена раскулачивания. Осталась одна единственная малюсенькая фотография с изображением прапрадеда Корнея тех времён, которая сохранилась у одной из его правнучек.

Апанасенко Корней Тихонович
1839 г.р. Фото конца XIX века.

История умалчивает про дальнейшие пути и тропы, по которым хаживал мой прапрадед, особенно про его семью. Но видимо он был человек бывалый, знающий, умел читать и писать – говорили, что отучился в церковно-приходской школе. Ещё известно то, что по молодости он отличался горячностью своего характера и это по жизни ему довольно частенько вредило. Хотя и считали все его семью казачьей, но сословия такового прапрадед официально не получал. Числился везде он запасным рядовым или же крестьянином Курской губернии.

Рассказывали, что семья прапрадеда была не из бедных, возможно что-то из золотишка он всё же привёз со службы. Но уже под старость они особо не выделялись среди местных крестьян. Известно, что у прапрадеда Корнея было двенадцати детей. Все рождённые дети в том поколении от одной матери. Судьбы его детей малоизучены, но дошли только кое какие обрывочные сведения о том, что многие из них умерли в младенчестве. По воспоминаниям старших, несколько его сыновей разъехалась по Кубани и о них тоже мало чего было известно. Девки же рано повыходили замуж за некрасовских казаков-старообрядцев, да там и осели.

Сам прапрадед Корней умер под конец века, едва дожив до 60-ти лет, чуть позднее своей жены. Говорили, что затосковал по ней и слег. У старообрядцев после кончины человека обычно полагается молиться

сорокоуст. Это особое правило поминовения усопшего – в течение сорока дней каждый день полностью вычитывается Псалтырь. Большинство старообрядцев ещё при жизни готовят деньги, чтобы их родные после кончины нанимали желающих для совершения таких обрядов. Так вот рассказывали, что этого у прапрадедов совсем не было – не нашли людей. Похоронены они на одном из степных курганов по левому берегу Зеленчука, используемых местными жителями под кладбища, их там три штуки в окрестностях. По воспоминаниям родичей – на самом дальнем. Дед рассказывал, что на пасху он всегда ходил со своим отцом поминать родителей за речку на курган, где кладбище. Старообрядцы в этот день по своим канонам обязаны были вспоминать и про своих родственников.

По рассказам старших, мой прадед Конон был у прапрадеда Корнея четвёртым по счёту ребёнком в семье. Из документов известно, что родился он в 21 февраля 1866 года на хуторе Киевском Кавказского отдела Кубанского Казачьего Войска. Сейчас это хутор Братский Усть-Лабинского района Краснодарского края. Прожил он на хуторе Братском со всей своей многочисленной семьёй, доходившей порой в 20 душ, до февраля 1930 года, пока не раскулачили. В центре хутора он построил большой кирпичный дом под железом, в котором родились и жили мой дед и отец. Сейчас это место находится по ул. Ленина д.33, как раз напротив правления сельхозкооператива «Восток» хутора Братского.

Улица им. Ленина возле дома №33 хутора Братского в наши дни. Здесь раньше жили мои прапрадеды. Фото 2008 г.

II ГЛАВА

Немного интересных материалов по истории х. Братского собранные мною в архивах и из других источников

До фактического ухода границы России от современной станицы Ладожской (это где-то 1840 годы) на юг за реку Кубань, на землях от неё и до самой реки Лабы (тюрск. - *Лабычик*), с конца XI кочевали половцы, которых в XVI веке сменили ногайцы эдисанской орды правого поколения – крымские степные татары тюрской группы, последние потомки когда-то великой монгольской орды. Названы по имени одного из видных золотоордынских правителей – хана Ногая. Он был прямым потомком седьмого сына Чингисхана. После того, как татаро-монгольское иго пало, остатки воинов Ногая продолжали вести кочевой образ жизни около южных границ русского государства, изредка делая набеги на его южные земли. Сбившись в мелкие орды, они подчинялись своему потомственному мурзе и были подданными крымского хана.

В среде ногайцев в конце XVII века архивными источниками также был зафиксирован факт существования в междуречье Лабы и Кубани с 1680 года нескольких селищ с сотней семей донских казаков-староверов, атаманом которых был Пётр Мурзенко. Вначале староверами на месте античного городища было построено из его камней селище с обзорными постами. К ним затем присоединились бежавшие с Дона раскольники-некрасовцы, которые начали прибывать в больших количествах. Новые станицы некрасовцев имели укрепления в виде валов и рвов, под прикрытием которых со временем в междуречье Лабы и Терса появились хутора беглых донских казаков. Крымский хан, под протекторатом которого находились эти Закубанские земли, указав их атаману Игнату Некрасову место для селения между «*Кобаном и Лабычином*», освободил казаков от всяческой дани, но приказал в случае его любых военных действий выставлять вместе с ногайцами конный полк. В походах и военных конфликтах против христиан старались не участвовать, но в ходе русско-турецкой войны 1710–1711 гг. казаки-некрасовцы выступили на стороне Крыма. Подробности их бытия описаны историком Короленко П.П. в своём труде «Некрасовские казаки». Староверческие поселения на Лабке и Терсе разорили донские казаки после 1711 года, но ещё ранее атаман некрасовцев успел увести всех своих людей в низовья реки Кубани, откуда покочевав спустя время в итоге отправились в Анатолию (Турция), где они практически до нашего времени смогли сохранить вековые обычаи своих предков.

Фрагмент карты Географического департамента Московского университета (И. Трескота) представляющей Кубань в 1783 году. Условными знаками в виде «А» на ней обозначены стоянки кочевников или аулы черкесов, «Гор. Пустой» – бывшее городище некрасовцев.

В начале 1780-х годов для укрепления границы по Кубани от постоянных грабительских набегов ногайцев основная их часть была добровольно-принудительно выселена с этих мест командующим Кубанским корпусом А.В. Суворовым. Но остатки кочевий враждебных ногайцев всё же оставались во всех стратегически важных местах в треугольнике между изгибом Кубани и Лабой. 1 октября 1783 года, после неудачных переговоров по этим вопросам с ногайским мурзой Тавсултаном, Суворовым вместе с донскими казаками была предпринята карательная экспедиция за Кубань на бывшую тюрскую крепость Керменчик-Лабычик. Это как раз недалеко от тех мест где сейчас находится хутор Братский (ближе к ст. Некрасовской). Между речками Тарс (Малый Зеленчук) и Лабой произошёл сильный бой, в котором в итоге полегло убитыми более 5 тыс. ногайцев. Большинство оставшихся в живых после этого сразу предпочло уйти в предгорья Кавказа, а затем в Турцию к своим единоверцам-мусульманам.

Земли эти постепенно освобождались и вошли под войсковой контроль Кавказского Линейного Казачьего войска 2-й бригады 1-го Лабинского полка, образовавшегося в 1840 году на Новой Линии по р. Лабке. Однако пользоваться там участками земли никому не было дозволено, если только лишь на оброчном праве, так как они предназначались для поселения мирных черкесов, выселяемых с гор.

Получить наделы казаки смогли, *«когда бы ясно обозначилось, сколько же земли нужно для туземного населения»*. Из положения о заселении предгорья Кавказа: *«Пространство между сѣверной границей вновь назначаемыхъ для казаковъ земель, р. Кубанью и нижнею частью р. Большой Лабы назначается для поселенія тѣхъ горскихъ племенъ, земли которыхъ поступятъ подъ наши казачьи поселенія.»*

Ещё в начале 1800-х годов в здешних краях донскими и линейными казаками были заселены станицы, находившиеся по правому берегу реки Кубани – Усть-Лабинская, Ладожская и Тифлисская. Казаки со станицы Ладожской сразу постарались захватить удобные места под рыболовные угодья и пастбища при речушках Терс и Талп за левым берегом Кубани. Удалены они были от реки Кубани километров до десяти от её берега, месте достаточно влажном, а потому более урожайном. Но жизнь в закубанских степях тогда везде была суровой и тревожной. Времена всегда там были беспокойные, ещё случались хищнические набеги черкесов. Через ту местность, где сейчас стоит хутор Братский ранее проходила старая колёсная дорога, протоптанная ногайскими кочевыми ордами с их горных пастбищ к реке Кубань, и шла далее на север к реке Ея. На этой дороге в августе 1841 года при переправе через реку Терс колонна из 18 казаков и унтер-офицера Белобоцкого была атакована из засады значительными силами черкесов, которые истребили весь отряд. В сентябре 1842 года в стычке на Темиргоевской дороге погиб хорунжий Юрьев с казаками. В 1850 году на пикетах под станицей Ладожской черкесами были убиты трое казаков. В общем, до 1850 годов в северном междуречье Кубани и Лабы жилых поселений как таковых не было, степь пустовала. Основная масса мусульман всё же не стала переселяться на равнину, а подалась в Турцию к своим единоверцам.

С 1850-х годов началось активное становление новых поселений казаков по Лабе, создалась сильная кордонная Лабинская линия и эти земли оказались тыловыми. Находясь на передовых рубежах, участвуя в колонизаторских войнах против горцев, которые в то время вела Россия, казаки ничуть не забывали о личном благоустройстве и стали постепенно осваивать эти пустующие земли. В то время закубанский край представлял собой совершенно девственное поле чернозёма. Первыми начали освоение степи в восточном направлении и стали ставить на общественной земле Кавказского Линейного Казачьего войска свои хутора наиболее богатые казаки I-го Лабинского полка с новых станиц Некрасовской, Новолабинской и Темиргоевской. Левые берега рек Талп и Терс стали под Некрасовскими казаками. С дозволения атамана

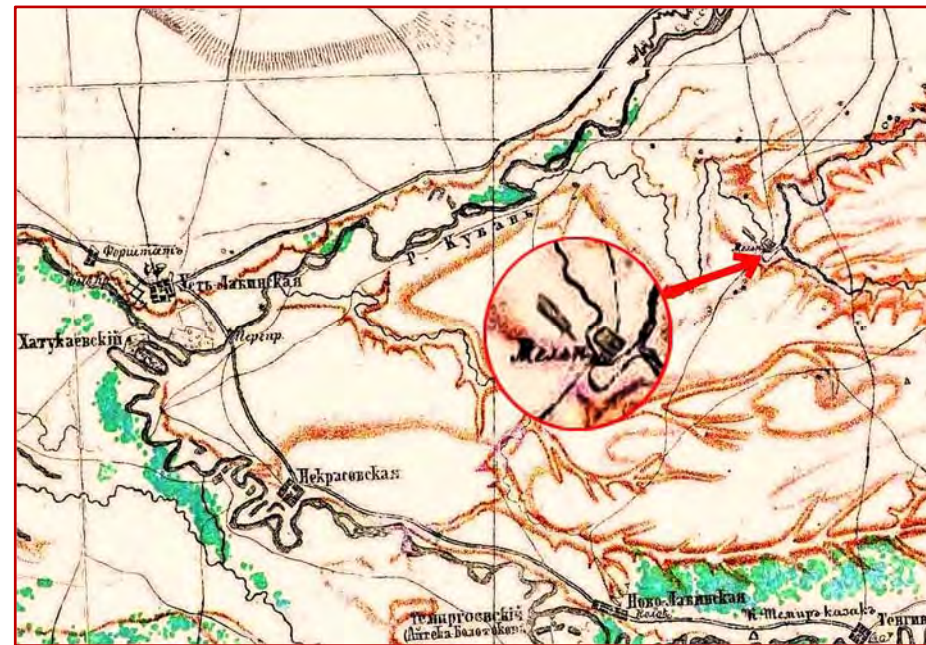
Лабинского отдела юртовые земли (юрт – это общинная земля) начали там делить среди казаков и на них стали активно возникать хутора новых хозяев. Тогда распашка земель вглубь степи везде велась по принципу: «паши, кто где сколько сможет». Но отвоёванные у ногайцев места казаки в основном использовали для пастбищ и сенокосения, не особо торопясь заниматься хлебопашеством.

После создания Кубанского Казачьего войска в ноябре 1860 года, земли в междуречье Кубани и Лабы по речушкам Терс, Талп и Тарс (позднее название – Большой, Мокрый и Сухой Зеленчуги) были переделены и перешли в его Екатеринодарский и Майкопский отделы. По реке Терс стала проходить граница этих двух отделов. Юртовые земли по левому берегу реки Талп поделены на паи казакам 6-й бригады Кубанского Казачьего войска со станицы Некрасовской. Выезжая на лето в степь, казаки сначала начинали рыть там колодцы, возводили землянки и временные постройки для жилья и скотины. Каждый старался жить особняком, земли-то хватало на всех. А потом это место становилось их постоянным жильём. Из таких вот первых дворов и возникло множество мелких хуторов на впадающих в левый берег Кубани речушках Терс и Талп, которые тут же стали обрастать соседями неказачьего сословия. Так и получалось: сколько фамилий основателей – столько и хуторов. На общественной земле войска в документах тогда фигурировали хутора по первой хате: есаула Лободы, ротмистра Ковалёва, вдовицы войскового старшины Ковалёвой, казаков Болговых, Гунькиных, Атапина, Вакуленко, Суховеевых, Александра, крестьянина Бугая, мещан Тесли, Пятиглицева и других. От них и стали доходить весточки о том, что жизнь в приграничных районах налаживается и там имеется много свободных земель. Появились первые доброхоты с Малороссии. И вот вторая волна переселенцев-хлеборобов начала уже селиться на менее освоенных степных просторах между реками Кубань и Лаба. Казачье начальство тогда в основном интересовало исполнение воинских и юртовых повинностей, а живут ли те постоянно на этой территории или только используют землю для каких-то своих нужд, им было всё равно. Через поля этих хуторов раньше проходила тропа на станицу Некрасовскую и ещё старый колёсный путь с Ладожской станицы в Темиргоевскую. Иногородние старались не иметь рядом с ней поселений, так как иногда проходящие казачьи обозы могли требовать подводы с лошадьми для военных нужд или же фураж. Исключением стало селение у песчаного перехода по реке Терс «киевских братчиков» – малороссийских старообрядцев греческого закона, добровольного объединения православных мирян.

Действительно, по рассказам стариков, почти сразу после фактического переноса границы Российской Империи за реку Кубань, это где-то в 1855-х годах, возле бродов через речки Терс, Талп и Тарс (позднее Зеленчуки) недалеко от их впадения в Кубань объявилось несколько семей старообрядцев греческого закона из Чигиринского уезда Киевской губернии и образовали небольшой табор. Некрасовские казаки разрешили им поставить землянки и лёгкие постройки для скота (кошары) около разрушенного каменного селения раскольников-староверов. В обиходе это место называли «III-й станицей Некрасовцев». Туда постоянно приезжал разъезд казаков для осмотра местности с окружающих курганов. Затем к этим поселенцам стали присоединяться ещё переселенцы с Малороссийских краёв и начали ставить рядом хаты. Жившее на левом берегу Терса «киевские братчики» – как их называли, вначале ограничивались вольным использованием сенокосных земель некрасовских юртов, а затем стали потихоньку распахивать – доход от земледелия у них получался весьма хороший. За десять лет старообрядцы освоили 300 десятин пахотной земли некрасовского юрта (казённая десятина земли равнялась 1,093 га или 2400 кв. сажень), насыпали греблю на реке Терс, совместно с казаком Александровым прорыли канал и начали строить водяную мельницу. Спустя несколько лет к ним стали примыкать ещё иногородние крестьяне, прибывающие с Малороссии. Когда в 1860 году эти земли вошли в состав Кубанского казачьего войска и стало в селении 20 хат, хутор назвали Киевским. Позднее на общие средства «гуртом» в нем открыли старообрядческий молельный дом, а при вершине балки построили школу, где главным предметом было Братское Слово Божие.

Старообрядцы на распашке новины. Фото XIX века семьи Маняк.

Карта закубанских земель при устье рек Лабы и Терса на 1867 год.
На ней у слияния рек Терс и Талп уже видны поселения с мельницей

В те года, по сведениям начальника Горского управления Кубанской области, между устьем реки Лабы и Терсом уже практически не оставалось свободной земли для продажи или под образование новых селений. Однако поток желающих переселиться туда не иссякал. На имя начальника Кубанской области все больше и больше поступало прошений от казаков и крестьян об их поселении там на хуторах. Начальник Кубанской области, опасаясь, что подобный наплыв переселенцев может привести к их обнищанию и бродяжничеству, был вынужден своим особым распоряжением известить всех атаманов о приостановке всяческого заселения на юртовых землях. В следствии всего этого «киевские братки» под давлением казачьего начальства были вынуждены в 1867 г. официально взять в аренду у некрасовских казаков 200 десятин уже распаханной ими юртовой земли вдоль левого берега Терса. Тогда же у них и появились разногласия относительно своего местоположения. После долгих колебаний часть старообрядцев отделилась и взяла в аренду 100 десятин земли на правой стороне Терса у полковника Макарова, привилегированного хозяина этих угодий, получившего их в потомственное владение за свою геройскую службу.

В действительности сразу после окончания Кавказской войны лучшим казачьим полковникам и генералам по приказу Кавказского военного округа № 144 от 8 ноября 1865 года там были наделены земельные участки между правым берегом речки Терс и левым реки Кубань. Среди них был полковник 9 бригады 25-го конного полка Кубанского казачьего войска Олимпий Трифанович Макаров, будущий владелец земли на которой потом появился хутор, населённый арендаторами.

Въ приказѣ по Кавказскому военному округу, отъ 8-го ноября 1865 года за № 144-мъ, объявлено о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи въ награду за службу на Кавказѣ и преимущественно за боевую дѣятельность во время Кавказской войны, въ вѣчное и потомственное владѣніе, участковъ земли въ Кубанской области изъ числа свободныхъ земель бывшихъ Натухайскаго и Шапсугскаго округовъ и лежащихъ вдоль лѣваго берега рѣки Кубани, между прочими, слѣдующимъ лицамъ:
Полковникамъ: Пиленко — двѣ тысячи пять сотъ десятинъ; Попель, Крюкову, Нолькину, Семенкину, Короленко, Потуляеву, Кравцову, Демидовскому и Зиссерману — по тысячѣ десятинъ каждому; Лыкову, Урусъ-Бей-Давлету, Чересову, Мотуковому и Макарову — по восьми сотъ десятинъ каждому.
Подлинный подписать: Главнокомандующій Кавказскаго арміею, Генералъ-Фельдмаршалъ: «МЕХАНЪ».

Выписка из приказа № 144 Кавказского военного округа о выделении земли казачьим офицерам.

Старообрядцы с хутора Киевского в количестве 6 семей, в их числе и мой прапрадед, получив от Макарова разрешение, переселились в 1867 году на излучину правого берега Терса на земли полковника, туда, где он им разрешил строить землянки для жилья и официально взяли в аренду оставшуюся часть земли. Но обрабатывать и распахивать всю её своими силами они не могли и население имения Макарова начало расти за счёт прибывающих безземельных крестьян с некрасовского юрта, которые распахивая новину (целину) селились с разрешения полковника чуть ниже по реке Терс. Арендное условие писалось на 6 человек из числа грамотных братчиков, которые потом распределяли заарендованную землю между всеми остальными «по-справедливости». Числилось тогда в имении Макарова 47 взрослых человек в 12 хатах.

В апреле 1868 г. был издан указ, разрешающий лицам вневойскового сословия свободно селиться на казачьих землях. За какие-то пять лет окружающие берега Терса и Талпа стали представлять собой почти сплошное населённое место, густо усеянное поселениями безземельных казаков и крестьян, арендовавших земли у собственников. Так по течению реки рядом с имением Макарова появились ещё большее количество хуторов, множившееся пребывающим иногородним населением в основном с Малороссии.

В то время начальство всем давало разрешение только на временное использование любых земельных участков в этой местности. Размеры даже частных участков тогда ни у кого не были определены в натуре и потому вопрос об их отводе вообще не был решён. Из-за этого нередко бывало вспыхивали ссоры, переходившие иногда даже в мордобой между собственниками или арендаторами. В связи с этим в конце 1867 года межевой комиссией Кубанского Казачьего Войска была назначена топосъемка всех участков земли за рекой Кубань:

Объявление Кубанского областного статистического комитета 1867 г. о размежевании участков земли по Терсу

На правой сторонѣ р. Мокрый Зеленчугъ (Терсъ):
Полк. Фролова 833 д. 1250 кв. с.; Полк. Макарова 815 д. 1500 кв. с.; Полк. Зедергольца 815 д. 800 кв. с.; Ген.—Маіора Добрянскаго 1015 д. 1800 кв. с. (проданъ жевъ: Над.—Сов. Рыковского); Полк. Грищенко 814 д. 2300 кв. с. (проданъ: Ген.—Маіору Рукевичу); Ген.—Маіора Рукевича 813 д. 1300 кв. с.; Полк. Зиссермана 1024 д. 2200 кв. с.; Полк. Демидовскаго 1028 д. 600 кв. с.

Несколько лет проводились межевые дела в этой местности по регистрации земельной собственности. И только в июле 1869 года Макаров смог окончательно закончить официальное оформление всех документов на свой владельческий участок. Так 24.07.1869 г. (по старому стилю) в его имении документально возник Макаровский хутор, по более позднему заселению иногородними названный Братским:

3.	<u>Макарова</u> Олимпіи Трифановича, Полковника.....	1.	1-6	815 1500	1.	24/7м 69г.
----	---	----	-----	----------	----	------------

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) фонд 1354 опись 206. Регистрационная запись о владении Макарова землёй в книге утверждённых межевых планов по селениям Кавказского отдела Кубанской области за 1869 г.

Межевой план владельческого участка Макарова О.Т. за номером 1270

С 1 января 1871 г. все военные округа на Кубани были ликвидированы и владельческие земли имения Макарова с хутором, населённым полусотней иногородних крестьян, попали в новый Екатеринодарский уезд Кубанской области:

2	Брасная, кол. на влд. уч. полк. Сидорского, на- сел. инт.	на лѣв. берегу р. Кубани.
3	Габеева, г.-м. влд. уч. на немъ хут. нас. инт.	на лѣв. берегу р. Кубани.
4	Романова, г.-м. влд. уч. на немъ хут. нас. инт.	на лѣв. берегу р. Кубани.
5	Морландина, кр. хут. на влд. уч. капит-на Мяхи- шева, Вокня, Ближенкова и инт.-кап. Лющен- ко, нас. инт.	на лѣв. берегу р. Кубани.
6	Фролова, г.-м. влд. уч. и на немъ хут. нас. инт.	на прав. берегу р. Зеленчука
7	<u>Макарова, г.-м. влд. уч. и на немъ хут. нас. инт.</u>	на прав. берегу р. Зеленчука (Терсь).
8	Зедергольт, г.-м. влд. уч. и на немъ хут. нас. инт.	на прав. берегу р. Зеленчука (Терсь).

Сам хутор Макарова в то время находился как раз на границе трёх отделов Кубанского Казачьего Войска: Кавказского, Екатеринодарского и Майкопского – границы проходили по Зеленчугам (позднее стали писать – Зеленчук). От станицы Ладожской его отделяла небольшая равнина – левая сторона реки Кубани с долиной шириной километра в три и далее слегка волнистое плоскогорье, почти совершенно ровное шириной до пяти километров, с чуть небольшим уклоном к речке Мокрый Зеленчук. Это и были хуторские земли, не считая небольшого леса с противоположной стороны речки и каких-то плавней, на восток и на запад от хутора, сплошь поросших высоким камышом с лягушками, змеями и черепахами. Но главным богатством нового поселения была земля, которая давала всем возможность хорошо кормиться и снаряжаться. Тучный чернозём был покрыт высокой травяной растительностью. Окрестные земли здесь очень жирные, влажные и почти всегда давали хорошие урожай пшеницы и большое количество кормов для животных. Это позволяло заниматься скотоводством. Ногайцами ещё раньше по реке были сделаны многочисленные запруды. Благодаря им вода в реке летом застаивается, зацветает и сильно зеленеет, становясь рассадником всяческих болезней. Отсюда потом и пошло казачье название реки – «Зеленчук».

Рыбалка и охота на Зеленчуках у местных жителей всегда были источником дополнительного дохода и пропитания. К тому же в реке всегда водилось очень много раков.

Река Большой Зеленчук (Терс) с хуторами по берегу в прошлом веке.

Макаров к тому времени став генерал-майором, постоянно находился на службе и практически свой хутор не осваивал, а лишь сдавал земли в аренду. Казачьему офицерству земли тогда особо не надобились, при наличии у них хороших окладов и пенсий. Макаров поставил себе домик (сейчас это конец ул. Ленина х. Братского) и разрешил детям своих арендаторов строить новые хаты для постоянного жилья по течению реки Зеленчук (Терс), по её правому берегу. Первоначально имение Макарова мало напоминало селение, так как состояло из нескольких небольших кутков и было растянуто на несколько вёрст. Так фактически получилось, что новые крестьяне селились на правом берегу чуть выше имения, от того места где сейчас школа, а «братки» проживали в излучине реки чуть ниже места слияния Мокрого и Сухого Зеленчуков.

Среди самых первых переселенцев в имение Макарова были семьи моего прапрадеда Апанасенко Корнея, семья моей прабабушки Дарьи – Солодкие и родители бабушки Александры – Хоружевские. Подворья их многочисленных семей стояли на Макаровском хуторе по берегу речки Зеленчук в самой её излучине, совсем рядом с домом генерала Макарова.

Из сохранившихся частей метрической книги молельного дома хутора Братского известны так же фамилии семейств тогдашних первых поселенцев в имении Макарова: Душечка́, Не-иш-ка́ша, Рябошапка́,

Кипти́ла, Манько́, Ма́ловик, Долбня́, Дереза́, Горба́нь, Середа́, Сосна́, Соёнко, Семенё́нко, Давыде́нко, Бондаре́нко, Кы́ш, Кри́ничный, Га́рмаш, Чи́грик – это те фамилии, которые ещё как-то удалось прочитать на истлевших за полтора века страницах. Почти все между собой какие-то сваты или же кумовья.

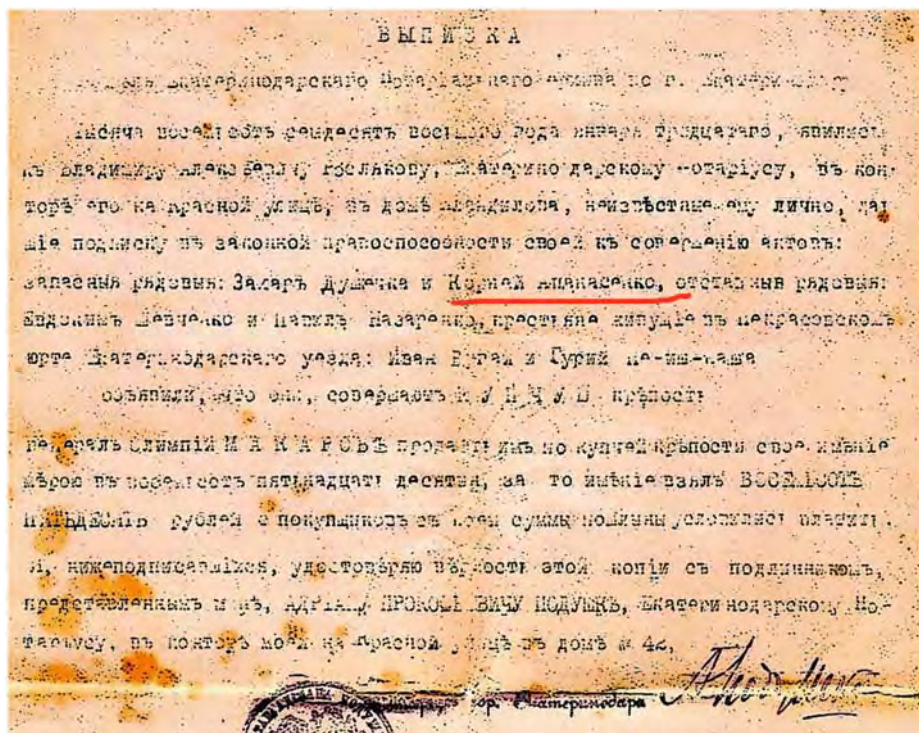
Дошедшая до наших дней метрическая книга молельного дома хутора Братского.

Большинство этих семейств прибыли на Кубань из Екатеринославской губернии, Павлоградского уезда, Вязовской волости, села Кочережки, стоящего на реке Самаре (название села произошло от казака-запорожца Ивана Кочерги, основавшего там хутор). Кстати, в доживших до наших дней метрических книгах Георгиевской церкви по этому селению (*Георгіївська церква, с. Кочеріжки Павлоградського повіту В'язівської волості*), обнаруживаются многочисленные родственники этих самых первых поселенцев, мои там тоже есть, как оказалось.

Самые первые «иностранцы» на хуторе Макарова были в основном чумаками (перевозчики соли). Вереницы их обозов в то время можно было встретить на дорогах, ведущих в новые станицы по Лабе – соль там продавалась гораздо дороже чем в северных районах Кубани, туда они и направлялись. Особенно выгодно её можно было сбыть по адыгейским аулам. Сначала чумаки останавливались на зимовку у земляков: Душечки, Не-иш-каши, Рябошапки и Киптило, благо корма для их волов в окружающей степи было достаточно. Видя, как местные крестьяне неплохо начали осваиваться на арендованных землях, те делались их постоянными жителями, постепенно перевоза суда свои семьи. Рабочих рук в ту пору не особо хватало, казаки воевали, а за выращивание хлеба мало кто тогда решался браться «на этом погибельном Кавказе».

В январе 1878 года пошли слухи, что генерал Макаров присмертѣ. «Братчики» поняв, что наследники захотят продать землю, решились сами выкупить участок, создав общину для её совместной обработки. Для выходцев из Малороссии традиционно наличие таких обществ, исторически восходящих ещё к XVII веку, когда Киевский Митрополит Константинопольского Патриархата Петро Могила на новых землях создавал братства, которые возводили храмы и правили в них службы по христианским канонам. Но это братство больше приобрело характер трудового сельскохозяйственного коллектива по совместной обработке.

Четыре грамотных членов старообрядческого братства: запасные рядовые: Захар Душечка и Корней Апанасенко - мой прапрадед, отставные рядовые: Евдоким Шевченко и Павел Назаренко, вместе с примкнувшими к ним зажиточными крестьянами: Иваном Бугаем и Гурием Не-иш-каша, сговорившись с Макаровым о выкупе его имения за небольшую плату (по 14 руб. 50 коп за десятину), сложились по 150 рублей и передали тому задаток в размере 850 руб., с которого сразу же уплатили пошлин различных на 40 руб.

Выписка из Екатеринодарского Нотариального архива о покупке имения Макарова.

Осенью 1878 года они же окончательно выкупили в свою собственность все генеральские земли. Через кредит в Кубанском Кооперативном банке, вместе с побочными расходами обошлись всё в 12,3 тыс. рублей. Купчая крепость была оформлена в доме Иландилова города Екатеринодара у нотариуса Рослякова, записана в реестре за №233 от 3 ноября 1878 года. Так мои предки с этого года стали землевладельцами на Кубани.

Затем в течение двух лет уже выкупившие макаровское имение собственники передавали части своей доли другим членам братской общины – дробили путём её перепродажи с какой-то небольшой надбавкой. На полученный от этого доход они приобрели паровые молотилки, которые потом использовались для коллективных работ в товариществе. Правда, Назаренко получив деньги почти сразу уехал в Новороссийск, а Бугай, разругавшись со всеми, купил себе 30 десятин земли у другого местного землевладельца.

Желавших прикупить тогда эти плодородные земли, было предостаточно, но приняли в это новое товарищество только 22 семьи из хутора Макарова. Для полного расчёта с продавцами уже иногородними крестьянами была взята ссуда из расчёта 7% годовых. Кто победнее, тот рассчитывал на приобретение земли через само братство под чьё-то поручительство, в этом случае на одну семью выделялось банком 150 рублей. А уже давно живший на Макаровском хуторе смог получить под залог своего имущества до 600 рублей.

В июле 1880 года, вместе с вновь прибывшими в эти края с Малороссии безземельными чинами, в Статкомитете Кубанской области братчиками было официально зарегистрировано Братское поземельное сельскохозяйственное товарищество. Общество заимело свой устав, в котором с подробностью были изложены обязанности его членов. Вся купленная товариществом земля была поделена на пай, в зависимости от вносимых средств и принятых членами обязательств. На один пай пришлось по одной десятине пашни. Некоторые взяли на себя по четыре-пять, а некоторым досталось и несколько десятков паёв. Это были очень хорошие участки по тем временам. Река и территория поселения стали общей собственностью товарищества. У каждого члена товарищества был свой земельный надел, который состоял из приусадебного и полевого. Периодически они подлежали переделу, но усадебные переделы не практиковались. Для того, чтобы всё было справедливо, сенокосы, которые были в небольшом количестве, довольно часто меняли. Любой член товарищества, конечно, мог потом из него выйти и продать пай, однако осуществить это право на практике было нелегко – платежи по переделу отрубного участка были очень велики, а оформление длилось

годами. Первым старостой избрали Андрея Солодкого. В членах правления состояли только грамотные выходцы из «справных» семей.

Со следующего 1881 года в созданном Братском товариществе стал существовать хлебный общественный магазин для обеспечения жителей хутора на случай неурожайного года. В предыдущие года саранча выедала почти весь без остатка хлеб и нуждающимся людям его не хватило, многим пришлось голодать в 1878 году. Поэтому решением схода каждый его член должен был вносить определённую паевую долю своего полученного урожая в этот магазин. Старый хлеб продавался правлением на ярмарке в станице Ладожской, а вырученные деньги шли на общественные нужды членов товарищества. На них производилось содержание правления и писаря (обычно 300 руб. в год в ценах 1880 года), выборному председателю правления (100 руб.), на различные принадлежности для правления с отоплением (100 руб.), доплата казначею (50 руб.) и другие текущие расходы. Всего расходов, покрываемых общественным доходом, было не менее одной тысячи рублей в год. Для сравнения: один мешок пшеницы продавался тогда около 15 руб., кукурузы – 7 рублей. Ещё у товарищества были доходы от арендной платы иногородними, взносы за право торговли, плата за попас скота сторонними людьми или цыганами (в среднем по 5 руб. в месяц с семьи), денежные взносы хуторян вместо исполнения ими хуторских повинностей и пр. мелкие статьи доходов. Взносы от уклонения общественных повинностей несли желающие в размере до 100 рублей с человека, на них нанимались иногородние рабочие. Содержание мостов и дорог так же лежало на товариществе, но оно вынужденно было отрываться на работы по их исправления поголовно всех жителей хутора.

По статистическим сведениям 1882 года на Макаровском хуторе стояло 4 деревянных хаты на версе (полуземлянки), 18 турлучных хат и 9 саманных домов с камышовой крышей. В них проживало 130 человек лиц вневойскового сословия, в основном крестьян, прибывших из Павлоградского (Вязовская волость), Грайворонского и Бахмутского уездов Екатеринославской губернии Малороссии. Вероисповедание большинства хуторян – православные, из них 7 дворов пребывали «в ограде греко-российской церкви константинопольского закона». Были и полуштундисты – семья Рябошапка. В силу того, что на самом хуторе Макарова селились в большинстве своём иногородние с Малороссийских краёв, здесь повсеместно господствовал слобожанский диалект малороссийского наречия, который на Кубани ещё называют «балачка» – разговорно-бытовой стиль языка, который возник вследствие массового контактного многоязычия местного населения.

После окончательного оформления всех вопросов по передаче земельной собственности, кутки иногородних крестьян по правому берегу реки Мокрый Зеленчук в бывшем имении Макарова с разрешения атамана отдела Милешко с конца 1885 года в документах стали именоваться хутором Братским. Сам хутор так тогда крестьянами на сходе и был поименован «Братским» от малороссийского слова «брацкі» - *братки*, товарищи. По их заявке они попали в приказ наказного атамана и были причислены к существующему месту жительства на правах государственных крестьян. В хуторе учреждалось хуторское управление, а население на общих основаниях облагалось податями и другими обязательными государственными сборами. Вот что про него в то время писалось в Справочнике по местам Ставропольской Епархии:

Хуторъ Братскій.

Основанъ въ 1885 г. крестьянами собственниками на землѣ (800 дес.), купленной ими у генерала О. Макарова. Расположенъ въ ровной мѣстности по лѣвую сторону Кубани, въ 8—10 верстахъ отъ ея берега. Чрезъ хуторъ протекаетъ маловодная и болотистая рѣчка Мокрый Зеленчукъ. Древесныя насажденія въ хуторѣ имѣются, но „въ самомъ маломъ количествѣ“ (сообщ. причта). Главное занятіе жителей—хлѣбопашество. Почва черноземная. При среднемъ урожаѣ десятина даетъ около 80 пуд. пшеницы. Климатъ лихорадочный.

Действительно условия жизни первых поселенцев были далеко не благоприятными. Но жизнь на хуторах в те времена была гораздо привлекательней, чем в станицах, по той простой причине, что они к воде были поближе. Местность у реки Зеленчук тогда была слегка приболочена, климат считался не совсем здоровым – часто свирепствовала лихорадка (малярия), комарья очень много было. Весною от таяния снегов и дождей воды Зеленчуков так прибывают, что от их разливов на низменной стороне образуются обширные болота, которые летом застаиваются, потом загнивать и это приводит к жесточайшим лихорадкам. В особенности очень сильный разлив от дождей был, например, весной 1885 года, который причинил много вреда жителям. Дети больше чем мужчины или женщины подвергались тогда всяческим таким болезням и чаще умирали от этой заразы, так как постоянно находились в камышах возле речки, ловя там рыбу и раков на топком дне. Летом иногда тучи комаров и мух до бешенства доводили скот и людей. Только холодной зимой хуторянам можно было хоть как-то от них немного отдохнуть.

Саманная хатка Хоружевского кутка у речки Зеленчук в прошлом веке.

Хаты Братского, как и большинство построек хутора, были тогда из турлука, изготавливаемого из смеси глины и соломы с добавками камыша, редко у кого жилые дома из самана – самодельных блоков необожжённого кирпича. Из этих блоков, хорошо высушенных на солнце, а затем скреплённых глиняным раствором, возводились стены. Кровля – в основном из камыша с речки или соломы. Капитальные кирпичные дома местные жители начали ставить только лет через десять, уже после получения хороших доходов от сельского хозяйства.

Улиц в сегодняшнем понимании тогда ещё не существовало, они появились после 1917 года, но тем не менее, хутор делился на кутки. Подворья кутков были не безымянные, каждый из них имел какое-то своё устоявшееся название. Место у гребли называли «Макаровка». Там стоял дом полковника Макарова, а позднее лавка господ Рябошапок. Куток на конце излучины речки Зеленчук – «Хоружевкой», вероятно потому, что там проживало много Хоружевских. Чуть выше по реке «Кочерёжка» – там стояли хозяйства Рябошапко, Манько, Киптило, Маловиков, Москаленко, Горбань, Криничных, Кияновых и др. прибывших с малороссийского хутора Кочережка, в центре «Городские» – вероятно от мещан Муравенко. Известны ещё окрестные подворья по реке: сразу за греблей «Мельница», далее в некрасовском юрте проживали: «Киевские», «Школьные», «Семеновские», «Орловские», «Херсоновские». Выше в имении Зедергольма Альберта Карловича – «Задиры» («Согласные») и «Муравейки», ниже в имении Фролова Николая Петровича – «Катериновка» и «Мироновка».

Интересно то, что оставшиеся на хуторе Киевском братчики, после так и не смогли никаким образом развиться. В 1882 году у них пошли большие разногласия с казаками, те требовали освободить станичные земли под хутора своих офицеров. А когда попытались проводить вспашку ранее использованных земель, то приехал отряд некрасовских казаков и плётками стал их разгонять. В итоге часть из них во главе с Акимом Стародуб покинула эти места и переселилась за реку Лабу. Там они взяли в аренду земли у подполковника Догужиева, организовали товарищество и дела у них пошли получше. С 1883 года возникло несколько их хуторов на владельческой земле: одноименный Киевскому и Стародубов (в 1975 году после разрушительного наводнения реки Лабы эти хутора смыло, а все жители были переселены на хутор Саратовский-2). Не ушедшей в 1882 году части крестьян хутора Киевского как-то удалось договориться с некрасовским атаманом и взять в субаренду 100 десятин юртовой земли станицы Некрасовской.

Следует отметить поголовную безграмотность крестьян хутора Братского того времени, что не мешало им спокойно вести своё домашнее хозяйство, но вот производить какие-то финансовые дела было для них весьма проблематично. К просвещённым слоям населения тогда относились старообрядцы, у которых была необходимость чтения своей старопечатной церковной литературы. Они же были и руководящей силой Братского товарищества. Считались они православными, но религиозный культ у них больше сводился к молениям в своих домах. Многие из них скрывали принадлежность к этому старообрядству и особо не находили нужным проводить метрическую регистрацию в церквях. Мало чьи фамилии из их числа в сохранившихся метрических книгах того времени удаётся обнаружить.

В сущности, такие порядки просуществовали на хуторе до принятия государственных мер по уменьшению расколов и образованием в конце 1885 года на нем притча от Ставропольской Епархии с постройкой возле моленного дома небольшой церквушки на каменном фундаменте, традиционно названную именем апостолов Петра и Павла. Вначале она была без колокольни, колокол установили на четырёх столбах, но звук его был слышен даже в станице Ладожской. К тому времени в окрестных местах проживало много людей, ратующих за создание единоверческой церкви. В короткий срок были построены церковная ограда и сторожка с помещением для школы. Освящена церковь с колокольней 15 августа 1886 г., а к осени при ней открыли приходскую школу. Первый настоятель одноштатной церкви хутора Братского – священник Георгий Дмитриев, исполняющий должность псаломщика – Иван Авилов.

Все последующие годы население самого хутора Братского продолжало неуклонно расти. Все хуторяне были участниками Братского товарищества, в котором смогли продолжить ту трудовую и духовную жизнь, которой они жили раньше в Малороссии. В их семьях рождались дети, которые уже считались коренными жителями. По тогдашнему Уставу о воинской повинности в России все молодые лица мужского пола обязаны были её отбывать по достижении ими шестнадцати лет от роду не позднее того года, в котором им исполняется двадцать лет. Но это не касалось податного состояния обывателей, т.е. приписные крестьяне на Кубани имели льготу 3-го разряда и могли не подлежать призыву на действующую воинскую службу. По призывным же делам в Кубанское Казачье войско было своё особое положение.

В 1889 году хутор Братский вошёл в список поселений, входящих в состав 2-го призывного участка Майкопского отдела Кубанского Казачьего войска и всё молодое мужское население со всеми вытекающими повинностями и льготами, было решено начальством обратить в «казаки». Правление и сам атаман находились на хуторе казака Александрова, под юрисдикцию которого хутор Братский попал с 1886 года. В случае военных действий в Братском наравне с другими казачьими поселениями должна была проводится полная мобилизация мужского населения. С этого времени и стал обязательным призыв части молодых мужчин из коренных жителей на службу в Кубанское Войско. Приказом атамана отдела строевых казаков (всегда готовых на случай войны и прозывающихся в лагерь) учитывалось 25% от мужского населения хутора, из них вне хутора постоянно на службе должны были находиться четыре-пять казаков. Тот, кто по жребию должен был переходить в казачье сословие, представлял расписку о добровольном его зачислении в войско, выписку из метрической книги и справку об отсутствии у него недоимок. Атаман отдела на расписке ставил печать и отправлял её в канцелярию Наказного атамана. При его положительном решении кандидат попадал в приказ по войску (в реестр), только тогда проходил начальную подготовку и мог носить казачью форму. Через три года службы в приговорительном разряде он получал казачье сословие.

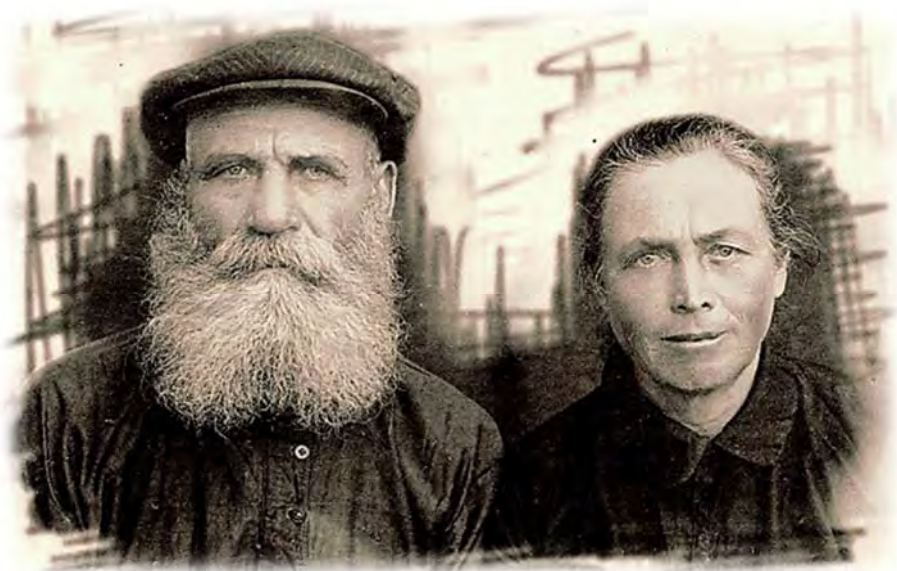
Но похоже, что братские крестьяне тогда не очень сильно рвались на военную службу в казаки – могли отказаться от неё согласно п.3 ст. 64 Устава. За отступные деньги (порядка 200 руб.) вместо них чаще всего призывались казачья беднота с соседних хуторов волости, вероятно в то время это вполне возможно было. По документам на самом хуторе Братском в списках казачьего сословия тогда числились всего пять душ – один из них реестровый, и ещё один на службе – мой прадед Конон.

Закубанские земли в устье реки Б. Зеленчук с границами разных отделов ККВ на 1896 г.
Частновладельческий участок Братского товарищества на ней обозначен как М10.

В последующем, находясь на границах трёх разных отделов Кубанского Казачьего Войска, хутор Братский несколько раз переходил по подчинённости из одного в другой. С 1896 году юрт хутора Братского после очередной реорганизации вошёл в Кавказский отдел, а численность коренного населения хутора Братского достигла 330 человек. После столыпинской реформы 1906 года с перепродажей земли стало ещё проще и вновь прибывшие иногородние неказачьего сословия принялись активно селиться в окрестностях хутора, строить новые хаты и дома. По примеру Братского общества крестьяне на владельческих землях соседних участков стали организовываться в новые товарищества или выкупать земли. Никто из заселившихся тогда так и не зачислялся в войсковое сословие. Иногороднее население по Зеленчукам стало возрастать быстрее казачьего. Почти сплошной линией вдоль берегов Зеленчуков появились поселения крестьян. Семьи самых первых поселенцев хутора Братского к тому времени уже неплохо обжились, завели по многу детей, обросли большими хозяйствами с кирпичными домами и на собственном хлеборобском труде зажили довольно-таки зажиточно. Братское товарищество так и оставалось организующей основой хуторской жизни, которому принадлежали владельческие земли. Прапрадед Корней был одним из активных его членов и все наследственные пай после его смерти достались моему прадеду Конону.

ПРАДЕДЫ

Апанасенко Конон Корнеевич с женой Дарьей Алексеевной (в девичестве – Солодкия).

Прадед мой Конон Корнеевич Апанасенко родился 6 марта 1866 года на хуторе Киевском (сейчас это Братский) Майкопского отдела Кубанского Войска. Конон известное в старину имя – от греческого «трудящийся, трудолюбивый». Получив начальное образование в школе хутора, умел читать и писать. В то время юношу старались женить до военной службы, в возрасте 18-19 лет, но у прадеда этого не случилось. По рассказам бабушек, сам он хотел полностью посвятить себя службе в казачестве, но отец его «по знакомству с хорошим калымом» через некрасовских казаков отправил нестроевым чином (штатным ординарцем) к какому-то сотнику в Кубанский сводно-иррегулярный казачий дивизион Варшавского военного округа. К тому времени звание «денщик» в армии отменили, а офицерам было приказано назначать исполнение обязанностей телохранителя и забот о своём багаже из числа нижних чинов. Прислуге этой всё довольствие производилось на одинаковых основаниях с прочими строевыми рядовыми. Прадед исполнял обязанности конного вестового, носил форму черкесского образца, но без знаков отличий и галунов. Ему засчитывалась воинская повинность и весьма хороший денежный оклад. Про эту его воинскую службу мало какие сведения дошли до нас, но пробыл он там, где-то до 1896 г.

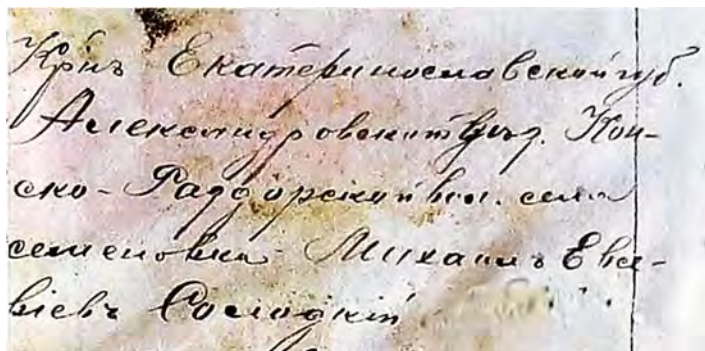
По рассказам также известно, что какие-то из родственников прапрадеда, близких по Малороссии, поженившись на полячках, в конце позапрошлого века переехали на постоянное жительство к их родителям в Полоцкую губернию, где-то около Плонска. Жили они там довольно богато, имели свои земли. А наш прадед Конон Корнеевич, когда был молодым и задорным, служивши тогда в тех краях в Варшавском округе, однажды во время больших манёвров побывал у них в гостях. Там он обворожил молодую полячку, родственницу жены какого-то дяди – она в него влюбилась. Захотел потом после службы вернуться с ней на Кубань. Но ухаживая как-то за табуном казачьих лошадей в поле, в одной из деревень подхватил заразу от местных жителей и серьёзно заболел тифом. Сам смог преодолеть эту болезнь, а вот её заразившуюся от него, долго выхаживали. В конце концов, она умерла, а прадед выжил. Родители её тогда отнесли к нему весьма недоброжелательно, обвинив его во всех смертельных грехах. Да и тот по рассказам был с гонором.

Погоревавши, списался прадед со службы и двинулся на юг. Насчёт совместных детей с полячкой – нам неизвестно ничего, возможно они и были, но прибыл он на Кубань один. Вернувшись в 1897 году домой, впоследствии женился на Дарье Алексеевне Солодкой (20.03.1877 г.р.). Как только он приехал в родные края, то встал на льготу. Окончательно отойдя от болезней, он начал работать в Братском товариществе. Тут его управляющий – Евсей Солодкий и «сосватал» Конон Корнеевича своим родственникам, живущим на хуторе Братском. Он как-то взял его с собой к ним на помощь. Неизвестно, что и как получилось, но к тому времени в их семье осталась одна из дочек от вымершей во время эпидемии тифа семьи Алексея Солодкого, которую воспитывали родственники. Когда прадед зашёл на подворье к братьям Солодким, то в скотном дворе убирал навоз, как он решил, парень. Шутливо, с солдафонским юморком, окликнул. Но оказалось, что это была переодетая в мужскую одежду повзрослевшая Дарья. Она сильно засмушалась, увидев уставившегося на него Конон Корнеевича с вытаращенными глазами. В дальнейшем прадед и сосватал её у Солодких. Про всё, точнее о похождениях молодого прадеда с католичкой в Польше, прабабушка почему-то знала от казаков и этим его изредка попрекала, если прадед пытался когда-либо загулять.

В то время девчата старались отыскать себе в мужа ровню по своему социальному положению. Без воли родителей женились очень редко, а их к тому времени у обоих уже не было в живых. Но братья Солодкие все же разобрали по косточкам предполагаемого жениха, разузнав про всю его восходящую родню. Не только репутацию всех, но и в физическом отношении. И только потом осенью 1898 года сыграли свадьбу.

По воспоминания членов семьи, Дарья Алексеевна по молодости была статной красивой женщиной и очень хозяйственной, но с весьма крутым характером. На коне легко скакала как настоящий боевой казак и даже могла работать с шашкой. Отец её Алексей Андреевич Солодкий, покинувший Малороссию в поисках лучшей жизни, по сословию был государственный крестьянин. Прибыла семья Солодких на Кубань из Екатеринославской губернии, Александровского уезда Конко-Раздорской волости села Семеновки с братьями: Евсеем, Якимом, Филиппом, Василием и дедом прабабушки – Андрем Гериевичем Солодким.

Запись о
Солодких в
церковной
метрической
книге хутора
Братского

Кстати, родился сам Андрей Солодкий в Аткарском уезде Саратовской губернии, что на реке Медведица. Служивым чином попал он в Суммы, проживал там на каком-то хуторе возле Белополья. Умер на Кубани в 1910 г. в возрасте 75 лет от «старческого маразма» – так написано в метрике. Андрей был ровесником моего прапрадеда Корнея и смог кое-что донести внукам про его жизнь.

Сами прапрадеды Солодкие были одними из первых поселенцев хутора Братского и в начале прошлого века уже построили себе большой кирпичный дом площадью 120 кв. метров из шести комнат, наружные стены которого выложены в три кирпича. К слову сказать, этот дом цел и по сей день (ул. Ленина 49, N 45,227705, E 39,958793). При Советской власти в нём была школа, а позднее дом бытового обслуживания населения. Сейчас ещё можно застать остатки хозпостроек этого старого дома и некоторые из деревьев, сохранившихся в школьном саду. Поражает то, что за прошедшую сотню лет ничего не сделалась с тёсаными брёвнами, которые служили балками для крыши и пола. Хотя дерево и перетерпело целую эпоху, но оно готово ещё послужить. Даже старинный, маленького размера кирпич, из которого сделан весь дом и цоколь, не растрескался.

Фото праправнуков Солодких возле дома, построенного их предками на хуторе Братском в начале прошлого века. Фото 2007 г.

Зажили Конон Корнеевич с Дарьей Алексеевной хорошо, всё у них ладилось. По воспоминаниям ныне живущих их внуков, основанных на рассказах наших дедов, жили эти наши недалёкие предшественники весьма «справно». Мы сегодняшние, живя в больших городах и станицах, с трудом представляем себе тот невероятный труд, при помощи которого наши предки строили дома, разводили скот, поднимали урожай. Относительно зажиточному прадеду как хлеборобу, имеющего восемь детей с кучей малолетних внуков, проживающими все вместе с ним одной семьёй, жизнь лёгкой никогда не была. На Кубани тогда повсеместно начала намечаться тенденция к угасанию воинского начала и всё население старалось больше приобщаться к крестьянскому труду. Приходилось постоянно много работать всей семьёй на земле, не покладая рук. Тогда всё решала собственная физическая сила да голова. Залог выживания и благополучия, как и везде: работа в поле, дома – круглый год не покладая рук.

Братское товарищество» распределив наследственные паи оставило молодым участок. Вначале они жили в старой саманной хатке отца на берегу реки Зеленчук, а позднее затеяли строительство большого дома из местного красного кирпича под железной крышей на отделённом от Солодких приусадебном участке чуть повыше «макаровского» кутка. Всего получилось больше четырёх десятин. Где-то ближе к 1910 году, «гуртом» окончательно достроили большой дом для всей семьи.

Затея поставить кирпичный дом у прадеда возникла лет за пять до постройки, он годами всё прикидывал и копил деньги. Прадед тогда решил сделать дом «по благоразумному», не как у большинства местных, а с большими комнатами для детей. Ему хотелось сделать его удобным для проживания всей своей большой семьи. План был составлен на шесть комнат, по «*козацкому*» – при открытом фасадном крыльце по входу. Когда же был уже выстроен остов, местные удивились – «*Конон Корнеевич, шо же Вы тама понасолыли комнат*». На что тот отвечал: «*Діток у мэне многа, мабудь ще будуть. Воны пидрастут, жанить их надо и шобы усим мисто найшлося*».

Постройка дома под железной крышей обошлась предкам в общей сложности порядка 1200 рублей. Часть денег на него пошло от заработков семьи и наследства, часть помогли братья Солодкие, а в большей степени всё было сделано собственными руками. Кирпич прадед заказывал и принимал активное участие в его изготовлении на местном небольшом заводе товарищества «Нейгейм» в Новосёловке, хотя называть его так было бы слишком громко. В окрестностях хутора Братского издревле довольно широко было развито производство по выжигу кирпича из местного сырья на кустарных кирпичных заводах. Выжигаемый на них кирпич пользовался большим спросом у жителей окружающих мест, так как был дешевле по цене и лучше качеству чем на больших войсковых кирпичных заводах. На таком заводе обычно работало 3-4 работника. По берегам Зеленчуков и Кубани есть довольно много суглинков, которые использовались в качестве сырья. Глину выкапывали вручную. Это делалось осенью. Кирпичные мастера выбирали в основном лежавшую под верхним слоем почвы. Выбор глины определялся структурой и цветом. Добытую часть надолго оставляли на открытом воздухе, чтобы после зимнего цикла замораживания и оттаивания она потрескалась и с нею можно было легко работать вручную. При таянии из глины вымывались всякие соли. Весной с ней начинали работать. Сухую глину стирали в порошок и просеивали, чтобы избавиться от камней. Затем размешивали с водой и месили её ногами или пускали по кругу лошадей, которых гонял погонщик. Это был самый тяжёлый этап в производстве. Формовщик кирпичей был главой всей команды и в процессе производства кирпичей стоял возле формовочного стола по 12 часов, бросая размешанную глину в посыпанные песком формы. Закладывали до 5 тыс. кирпичей в день – за 5 дней это как раз на один дом. Сушили формы две недели на открытом воздухе в солнечном месте, а потом обжигали ещё 7 дней в глиняных печках. Кирпич поэтому получался крепким, работники старались строго соблюдать технологию.

Строевой лес и рубеля прадед заготавливал несколько лет на левом берегу р. Лабы напротив станицы Воздвиженской на купленной по дешёвке деланке в компании с четырьмя хуторянами и торговцем дровами Фильчиковым. Сами вырубали и перевозили его зимой уже разбитый по сортам. Отделочные работы на доме выполнялись своими руками. По местным обычаям – «гуртом», как тогда говорили. По рассказам только в один из выходных дней мазали стены дома 20 человек. Родственники, соседи, кумовья, сваты, друзья и товарищи сами приходили поработать, зная, что в случае необходимости и им на помощь всегда придут окружающие. А потом вечером устраивалось пиршество с обильным угощением, умеренной выпивкой и весельем – своеобразным праздником труда. Так тогда повсеместно принято было строиться. За два года прадед сделал турлучные пристройки и покрыл металлом их крыши. Хотя по тем временам это было довольно экономно, но дался дом всё-таки довольно тяжело – в городе он мог бы получился в три раза дороже. Рубли тогда под конец строительства пошли на инфляцию и экономить было совсем нелегко. Их нужно было ещё заработать, а к примеру, чувал выращенной пшеницы (это 5 пудов) можно было продать не более чем за 6-7 рублей. На базаре пара тощих быков стоила 100 руб.

Во дворе выстроенного прадедом дома постепенно появились саманные хозяйственные постройки: конюшня, коровник, птичник, пудёрка (погребок) с ледником (лёд заготавливали зимой на реке). Саман для них заготавливался заранее. Во дворе делали круг, внутри которого лошады, привязанными к столбу, месили замес из глины и соломы. Затем наполняли этим составом на земле деревянные формы. Сушился саман не меньше месяца. Затем из него делали кладку стен и штукатурили глиной с известью. Таким вот образом, с помощью родственников и друзей в то время были построены большинство этих строений. Рядом с домом стоял большой турлучный амбар-навес для зерна, как и сам дом, покрытый железом. Чтобы зерно внутри не сырело и не сгорало, амбар был приподнят на круглых большущих камнях. По воспоминаниям моих предков, в том месте, где жили братья Солодкие, старики при постройке фундамента для своей хаты нашли в земле четыре огромных круглых тёсанных каменных катка со сквозными дырками. Лежавшие у них бесхозно, мой прадед и использовал при строительстве амбара-навеса для зерна. Подальше от дома поставили на огороде половник для соломы и мякины. Было несколько базов и саж для разного скота. По входу дома был разбит палисадник с цветами. В самом доме была довольно неплохая по тем временам мебель, много разной посуды, в комнатах стояли живые цветы в больших кадках – огромные фикусы.

Сам же дом прадеда, построенный в начале XX века, сохранился до сих пор (сейчас ул. Ленина д.33, напротив правления товарищества «Восток». № 45.23033, Е 39.957909). После 1930 г. и до 1967 г. в нем располагалась хуторская неполная средняя школа №5 – местные её называли «Апанасенковская» и здание неплохо поддерживали. В 1939 году ему делали капитальный ремонт, была сделана новая пристройка и деревянная веранда. Во время войны немцы в нем жгли книги и парты, вид был неприглядный, но с приходом наших в июле 1943 г. всё капитально отремонтировали. После того, как в 1967 году построили помещение новой школы, в здание перешла амбулатория. А после создания на хуторе медстанции, дом отдали под квартиры. Приблизительно до конца 80-х годов в нем проживали две семьи колхозников. Затем несколько лет здание пустовало. В 90-е годы его местные выкупили под пивной бар, сделали ещё какую-то пристройку, но дела у владельцев что-то не заладились. Видимо после школьников «аура» там была совсем не та. Любители весёлой жизни постоянно болтались там до поздней ночи, пока в очередную пьянку не подожгли его. Внутри дома всё выгорело. В 2001 году его приобрёл праправнук семьи Манько – одной из основателей хутора Братского. Посетив его в 2007 году, я увидел, что территория бывшего прадедова поместья находится в прекрасном состоянии и скорее всего дом в ближайшее время разрушен не будет. Он находится в хорошем состоянии, ему сделан капитальный ремонт, видимо в нем ещё долго можно будет жить людям.

Бывший дом семьи Апанасенко Конона Корнеевича на хуторе Братском. Фото 2007 г.

Жизнестойкие семьи в те далёкие времена быстро обживали новые места, успешно вели свои хозяйства и активно рожали детей. Было у моих прадедов восемь детей, четыре девочки и четыре мальчика – рождались дети ровно через два года. Первой, это на стыке веков, родилась дочка, потом уже пошли ребята. Мужикам всё же тогда были рады больше – они продолжатели рода и наследники, которым передавалась земля и хозяйство. Но и были чисто практические интересы – та семья, где было больше всего мальчиков, могла себе позволить более зажиточную жизнь из-за большего количества рабочих рук. Вот все их дети по порядку:

Матрёна – 1900–1965 гг., по мужу Матирная. Имела троих детей.

Сыны Виктор, Борис и дочка, все Андреевичи. Борис проживал в Краснодаре, Виктор – в х. Гирей. Похоронена на х. Гирей.

Фёдор – 17.02.1902–05.02.1979 гг. Похоронен в п. Семёновском Усть-Лабинского р-она. Имел двоих детей, дочь Вера (1923) и сын Алексей (1926–1980). Алексей жил в Краснодаре, Вера – в Суммах.

Яков – 06.05.1904 – пропал без вести на войне в сентябре 1941 года. Трое детей – дочери Раиса (14.01.1925–29.10.2010), Валентина (1937 г.р.), и сын Юрий (23.2.1939–14.07.2020 г.р.). Валентина проживала в Челябинске, Раиса в Апшеронске, Юрий в Краснодаре.

Ганна (по-уличному звали Галей) – 1906–1964 гг., по мужу Киптило. Четверо детей – два сына Николай (1929) и Анатолий (1931), дочери Ольга (1927) и Надежда (29.01.1937) – Георгиевичи. Похоронена на х. Новоекатериновка.

Иван – 07.02.1908–04.05.1981 гг., мой дед, похоронен в г. Кореновске. Имел троих сыновей – Анатолий мой отец, Александр и Виктор.

Татьяна – 17.02.1910–1982, по мужу Загорулько. Имела двоих детей – Николая и дочь Галину – Константиновичи. Похоронена в г. Баку.

Катерина – 22.11.1911–20.07.2001 гг. по мужу Хворостяная. Дети Михаил – 1934 г.р., Анна – 1936 г.р. и Нина – 1938 г.р. – Ивановичи. Муж пропал без вести на войне. Похоронена в г. Армавире.

Николай – 24.07.1918–24.07.1959 гг. Похоронен в кишлаке Задиян Риштакского района вблизи г. Фергана, Узбекистан.

Прадед мой Конон Корнеевич всегда был активным членом Братского поземельного товарищества и одно время волостным старостой. Нужно сказать, что в те годы товарищество своим коллективным трудом неразрывно связывало хозяйствование всех крестьян на хуторе. Хлеборобская семья, какой бы крупной не была и самостоятельностью ни обладала, редко обходилась без посторонней помощи. Для крестьянской

семьи рассчитывать лишь на собственные силы в ведении трудоёмкого хозяйства на кубанской земле означало оказаться менее защищённой в социальном отношении. Для той же вспашки земли нужно иметь минимум четыре вола. Если же кто и хозяйствовать в одиночку, как это делали на юртовых участках многодетные казаки из окружающих хуторов, то это лишало бы его семью надежды на более достойную жизнь из-за того, что казачество всё же находилось в более привилегированном положении в отношении налогов и податей. При более производительном сельхозинвентаре и наличии хорошего стада рабочего скота эффективное хозяйство было под силу только такому вот сообществу. Товарищество его с круговой порукой, плановым переделом земли, чересполосицей, трёхпольем с принудительным севооборотом, служило для её членов весьма успешным залогом получения в будущем более доходного урожая по сравнению с единоличниками.

Общинное образование на хуторе отражалось в первую очередь на порядке распределения угодий. Правление товарищества при очередном межевании старалось использовать уравнительную систему распределения земель между отдельными семьями по числу их душ. Спорные пустоши, подъезды к речкам и колодцам не учтённые межеванием, считались общественными и в случае, если кто-то их использовал, то ему присуждали дополнительные общественные повинности затрагивающие его материальные дела. Паи паями, но если малочисленная семья не способна была обработать весь выделенный им участок пашни или сенокоса, то он обрабатывался коллективно наиболее сильными хозяйственными дворами, за которыми закреплялось дополнительное общественное тягло (быки или лошади). Хозяева такого участка после получения урожая натурой платили местный оброк в пользу самого товарищества каждую 3 или 4-ю меру в зависимости от урожайности года. Обычно для работы на таких участках в поле привлекали наёмных рабочих (батраков). Приходили те как из южных губерний России, так и из закубанских горных поселков. Российским труд оплачивало само товарищество деньгами, жнецу обычно платилось 1-2 рубля в день, а закубанцам нужен был только хлеб.

Совместный труд всех членов товарищества был обязательным на таких массовых работах, как устройство пересыпей на Зеленчуке, осушение прибрежных болот, постройка изгородей, строительство общинных токов, унавоживание полей, весенние посевные работы, прополка и особенно сбор урожая. Пшеница была главной культурой на полях Братского товарищества, общественную пашню которого вместе с прадедом обрабатывали и его дети.

В уборочную страду, чтобы быстрее собрать урожай, все в товариществе работали с раннего утра и до поздней ночи. Сами прадед и прабабушка были в труде для своих детей живым примером. Да и те не отставали. Во время уборки урожая девочки шли следом за косилкой и подбирали сбрасывающиеся в сторону колоски. Снопы с участка поля на общий хоздвор перевозили пацаны. Общественное место – ток, куда все члены товарищества свозили скошенную пшеницу, женщины предварительно поливали водой, утаптывали каменными катками и стелили парусный брезент. Снопы укладывались в одонки. Так на Кубани называют стога снопов, сложенные таким образом, чтобы было удобно подавать в молотилку. Количество одонков было показателем урожайности года. Если с десятков одонков на семью – то это скромный урожай, а если больше двадцати – зерно можно было хорошо продать.

Сам обмолот пшеницы для хлеборобов хутора всегда ответственное мероприятие. Все старательно готовились к этому заранее. Приводили в порядок закрома, тару для транспортировки зерна с тока. Правление Братского товарищества распределяло между дворами поочередную организацию питания. Хозяйки, как правило, готовили прямо на току настоящий кубанский борщ в большом казане (чугунный котёл). Они должны были хорошо кормить всех работников, обслуживающих молотилки и особенно машинистов, работающих без продыху.

В Братском товариществе было четыре паровые молотилки и несколько конных. Для обмолота управляющий обычно создавал тока на пару десятков хозяйств, которые должны были выделять не менее четырёх пар лошадей и быков, чтобы ими можно было перебазировать тяжёлую паровую молотилку. Для нормальной работы этой самой молотилки требовалось не менее 30-ти человек. Для полноценной и бесперебойной работы тут уже привлекались наёмные рабочие. Паровая машина устанавливалась посередине между четырьмя одонками так, чтобы углы верхней полки молотилки как бы примыкали к каждому одонку и снопы легко засовывались в молотилку. «Паровик» растапливали соломой. Кочегар, подбрасывающий солому в топку, поддерживал определённый уровень давления пара в котле локомотива, равномерность подачи пара на поршень и ритмичность вращения маховика. На маховик был одет ремень, который соединял локомотив с молотилкой и приводил её в движение. Котёл нагревался, барабаны под паром начинали вращаться, колосья о них разбиваются, зерно, собравшееся на ситах, проваливается вниз. И по желобу уже чистая пшеница сыпается в мешки.

На току во время обмолота хлебов. Фото 1913 г.

Во время работы молотилки всем нужно было внимательно следить за качеством обмолота. Если машина отрегулирована плохо, то она недостаточно хорошо вымолачивает колоски и гонит зерно в полову. Поэтому машинист был центральной фигурой на токе. На старшего машиниста возлагалась одна обязанность – обеспечивать бесперебойную работу молотилки. Он должен был контролировать действия помощников, от которых во многом зависело качество обмолота. Основная обязанность закладчика – равномерно подавать снопы в барабан молотилки, не допуская перегрузок, при которых проскакивают необмолоченные колоски. Машинист с кочегаром и закладчиком за обмолот получали десятую часть зерна.

Коллективные работники на паровой молотилке. Фото 1914 г.

После взвешивания и дележа намолоченной пшеницы хозяева увозили с тока каждый свою часть домой. При этом урожай в некоторые годы мог достигать и более 100 пудов с одной десятины. Ячмень и овёс практически весь оставался хозяевам делянок на корм скоту, а вот общественное зерно из всего урожая зерновых сразу шло в общественный магазин, излишки же пшеницы – на продажу. Местные заготовители заранее готовили транспорт для его отправки на ссыпку в Ладожскую – фуры. На каждую фуру помещалось по 50-60 пудов и им за доставку платилось по 2-3 рубля в зависимости от перевезённого веса и текущего состояния дорог. Такие вот коллективные работы в товариществе позволяли всем хуторянам быстро завершать уборку и обмолот хлебов.

Вообще соседская солидарность были основой взаимоотношений в Братском товариществе не только в работе, но и в быту каждого хуторянина. Например, при заключении браков детей членов товарищества с примаками или чужими вдовцами, то те должны были получить на то освящение (добро) правления. Иначе они потом бы не смогли претендовать на паи. Поэтому женились и выходили замуж хуторяне предпочтительно между собой. Практиковалось переселение девушек с предоставлением им каких-то льгот, предпочтительно бедных казачек. Приветствовалось если кто-то из семьи желал выйти замуж за какого-то дальнего справногo жениха. Например, старшая сестра моего деда Матрена вышла замуж по любви за казака Матирного аж из станицы Платнировской, средняя Надежда – за казака Никоненко с хутора Романовского (сейчас это Кропоткин). Как они тогда находили друг друга – сейчас нам трудно это понять, но это факты. Брат деда Яков Кононович познакомился на ярмарке в Ладожской со своей будущей женой Ксенией – дочкой казака-вдовца Зиновия Величко из хутора Раздольного. Его сызмальства прадед брал с собой на базары только потому, что тот хорошо играл на гармошке. Садил его на подводу и говорил: «*А ну-ка Яшка затяни чо тама повеселей*», и тот вовсю старался. Собирался вокруг народ, и прадед таким образом быстренько продавал гарбу кавунов. Так вот, частенько эта Ксения подходила к ним послушать наигрыши Якова, а тот и втрескался в неё, попросив прадеда засватать ту дивчину, что так долго глазела на него. Прадед тогда и сговорился с казаком Величко. Свадьбу молодым весело играли на Братском.

Большая семья прадеда была патриархальной, работали все без исключения, в том числе и дети, сидеть кому-то без дела считалось просто недопустимым. До семилетнего возраста, мальчики преимущественно были связаны с женской средой. Прадед считал, что в

этот отрезок времени лично мать должна быть ответственна за их воспитание. А уже после мужчины начинали постепенно приучать пацанов к труду: использовали в качестве погонщиков лошадей или заставляли пасти скот. Даже самому малому, пятилетнему моему деду всегда находилась работа: то принести что-нибудь, то присмотреть за телятами. С 12 лет работа ребят в поле становилась более регулярной, а с наступлением 15 лет – постоянной.

В семье прадеда домашнего скота всегда было много – справных хрюшек не держали даже крепкие плетёные ограды. Но и лишнего особо не было: три коровы, четыре лошади, несколько волов, овцы, свиньи, куры и гуси – ровно столько, чтобы хватало прокормить всю большую семью в пятнадцать ртов. Взрослые мужчины вставали каждый день рано утром в четыре-пять часов и обходили двор, проводили уборку, заглядывая в конюшню, коровник и загон для скотины, которые тоже были выстроены на территории домовладения. Женщины в них кормили живность. Оставшиеся после ночи солому под ногами лошадей и всё то что они не доели, перебрасывали овцам. Днём все работали в поле, а к вечеру весь животный мир, кроме овец, которые летом находились в общей отаре, возвращался с пастбищ домой. До наступления темноты во дворе шла кормёжка – было слышно ржание лошадей, мычание коров и телят, хрюканье и визг поросят, кудахтанье курей. Самые крикливые – это молодые гуси, они по вечерам долго не дают всем заснуть своим гоготаньем без всякого повода.

Весной, когда только хорошо потеплеет, это где-то в мае, всей семьёй начиналась стрижка овец. Они были у них довольно породистые, тонкошёрстные. А перед этим всех их мыли, заставляя плавать в речке. Для этого силком запихивали в воду вначале баранов, а за ними уже плыли и овцы. При этом мелкие пацаны катались верхом на баране, чтобы поглубже его окунуть. После такого купания их всех ловили и возле берега на траве стригли. С мая месяца в хозяйстве прадеда начинались так же работы по перевозке сена с выгонов на двор. Сено складывалось в скирды под открытым небом прямо возле дома. Укрыть такое количество сена в сарае было невозможно. В это же время на выделенном от товарищества поле садили бахчу: кавуны (арбузы), дыни, тыкву, часть из которых сам прадед затем осенью возил с сыновьями для продажи на базар в станицу Ладожскую.

Женщины дома прадеда были хорошими огородницами. В огороде обязательно садили овощи, картошку, огурцы и розовые сладкие помидоры, прекрасные семена которых завезли жившие в 3-х вёрстах от них на хуторе Морланга (сейчас это Новоселовка) немцы-колонисты,

прибывшие с Бессарабии из Аккермана. Обязательно после посадки удобряли сверху разведённым сухим коровьим навозом. Сам огород выходил на речку Большой Зеленчук и поливная вода для овощей позволяла выращивать весьма неплохие урожаи. Для полива овощей отрывали на берегу речки неглубокую яму – котлубань, оттуда черпали цебарками воду и лили под овощные культуры. В середине огорода стояла копанка (колодец) без сруба. С неё доставали чистую воду и носили штук по десять вёдер под каждое плодовое дерево в саду, который находился поближе к дому. А чуть пониже к речке был посажен виноградник. Сад и виноградник занимал у них чуть ли не половину усадьбы.

Летом почти всегда вечером с наступлением темноты все в доме регулярно купались в конце огорода на реке с полупроточной водой. Осенью же грели воду дома на печке и мылись ею. Брли с собой два ведра воды, одно с горячей, другое с холодной, мыло, мочалку и уходили в облюбванное место. Любили мыться там, где удавалось найти для этого более или менее подходящее место: кто в конюшне, закрыв двери на крючок, кто в телятнике. Женщины обычно вдвоём, видимо, чтобы не так было страшно. Прадед с прабабушкой в банном деле пользовались привилегией и проводили эту процедуру в старой хате – летней кухне, стоявшей недалеко от дома. Для этого грели в больших чугунах воду, накаляли докрасна печь, предварительно завешивали все окна одеялами, чтоб тепло не уходило и чтоб никто не смог подглядывать за ними. Банная процедура длилась у них долго, по несколько часов. Пацаны в это время творили, что хотели, так как знали, что дед не появится, ему сейчас не до них – кричали, бегали или лазили на крышу. Мелких детишек мыли на кухне в большом деревянном корыте, в котором обычно стирали женщины бельё.

Под конец лета особой заботой семьи была заготовка сухого камыша. Братским товариществом назначался день, раньше которого запрещалась его съёмка. Обычно это рождество пресвятой Богородицы – 8 сентября (по старому стилю). Косили все хуторяне на мелководье Зеленчука, но не там кто, где захочет, а на определённых и ранее поделённых участках. Выносили на берег для просушки, а затем уже перевозили на своё подворье. Камыш на реке давал хороший строительный материал для турлука – смесь с мокрой глиной накладываемый на основу из иловых веток. Из него были сделаны все придомовые пристройки. Кроме того, он шёл на затопку печки зимой. Когда во дворе много домашних животных, то и много навоза, который тоже использовался в холодное время. Ближе к осени, но ещё в тёплые дни, когда весь скот пасся за хутором, на базу

(скотный двор) шла заготовка кизяков – это резанный на прямоугольники сухой навоз. Накапливая его весной, раскладывали по загородкам в огороде, давали подсохнуть, а затем уже летом рубили на квадраты и досушивали. Поздней осенью, когда он высыхал окончательно, его переносили в сарай. Затапливаемый камышом жар от них зимой очень продолжительное время поддерживает в печке тепло и экономит дрова.

Осенью особая статья забот – это погребок. Его вырыл и обустроил сам Конон Корнеевич при постройке дома почти посередине двора. Весь подвал был в кадушках – это огромные дубовые бочки, скреплённые обручами. Сразу после уборки урожая начиналась активная заготовка продуктов на зиму: солили и мариновали различные овощи, заквашивали в больших бочках отдельно кавуны и капусту с яблоками и сливами. Они плавали в особом сусле, изготовленном из ржаных отрубей и ещё нескольких частей, составляющих семейный секрет. До начала XX века хуторяне не знали, что такое стеклянная банка и железная крышка, всё солилось в дубовой бочке. В окрестностях хутора ближе к зиме созревал тёрн, вот его наши и мариновали на зиму в стеклянных банках для прадеда – любителя таких закусок. Тёрна собирали немного, большинство же его оставалось на ветвях около речки на всю зиму.

В это же время резали свиней и другую домашнюю живность, солили и коптили окорока. Получались они у них наивкуснейшим. Все наружные карнизы конюшни осенью были увешаны окороками, доводимыми прадедом до нужной кондиции. Прабабушка всегда была не против их и говорила, что наш прадед весьма экономный, потому что она этим копчёным мясом могла потом зимой кормить семью несколько месяцев. Женщины так же делали замечательные колбасы со свиными кишками. А ещё деликатесы – салтисоны. Это отваренные, мелко порезанные потроха (печень, сердце, почки), приправленные чесноком и другими специями, которые сначала хорошо перемешивают и кладут в кёндюх (желудок), варят продолжительно, а затем слегка поджаривают на сковородке. Сало солили в больших ящиках. Его всегда заготавливали впрок. Солёное сало было и зимой и летом. А вот мясо солили редко. Только в том случае, когда его было слишком много, а семья не успевала съесть. И, конечно же, шла заготовка молочных продуктов – домашних сыров и сливочного масла. Первыми по значимости животными всегда были коровы, после них – свиньи. Так уж повелось ещё у наших предков, что свиней ценили за мясо, а коров за молоко. Эти кормилицы, которые давали молоко, из которого потом получали сметану, творог, простоквашу или варенец. Эти вот продукты тогда ценились дороже мяса. Говядину кушали только при крайней необходимости.

Все женщины в семье не только владели секретами кубанской кухни, но и сами пекли вкусный хлеб на сыворотке. Обычно в будние дни для всех они готовили не больше двух блюд, а вот по праздникам не меньше трёх. Главное в еде предков – чтобы всегда был борщ, настоящий кубанский наваристый, с большими кусками хорошо проваренной свинины, свежей жирной сметаной и куском свежиспечённого белого хлеба. Основой многих излюбленных кушаний моих предков была мука. Из пшеничной делали жидкие блюда: саламату или затирку. Затирка – одно из древнейших блюд народов Малороссии. Муку рукой растирали в миске с водой до тех пор, пока не образовывались шарики размером с горошину или фасоль. Их варили в молоке или, в крайнем случае в кипятке с куриными яйцами. Затирка считалась готовой, когда тесто всплывало. Из кукурузной муки делали мамалыгу – блюдо, которое любили местные черкесы. Рецепты перенимали у них. Из гречневой и ржаной муки приготавливали квашу – кисло-сладкую жидкость, подаваемую на стол с мёдом. Галушки – непременно составлявшие хорошего ужина, делали из замешанного пресного пшеничного теста, которое бросали небольшими кусочками в слегка подсоленный кипяток. На столе летом всегда лежали свежие огурцы с луком, зимой – солёные с чесноком. В пост первые блюда часто составляли из юшки или кёртофиля. Это простой суп из картошки, в котором много лука и репы. А на второе шли вареники с шинкованной капустой, поджаренной на сковородке с солью. Ещё из постных кушаний любили шульки, сделанные из мелко ломанных коржей толщиной в палец, политые мёдом с хорошо перетёртым маком.

А самое любимое из сладких блюд – узвар, это густой компот из сухих фруктов. Сахар для него покупали в Ладожской, обычно местный – гирейский, большими конусообразными слитками весом по 5 кг. Прадед усаживался с ними за обеденным столом, раскалывал молотком на крупные куски, а потом эти куски специальными щипчиками-щелкунчиками дробил уже на маленькие кусочки, которыми наполнял большую сахарницу. Этим занимался он сам лично, а маленькие детки наблюдали за этим процессом с большим интересом. По окончании этой процедуры прадед тщательно сгортал со стола все сахаринки в ладонь и ссыпал всё в большую сахарницу. При этом кое-что перепало детям.

Семья во время обеда рассаживалась, как и в старину, за одним общим столом в определённом порядке – в центре сам прадед с бабой, возле него справа старший сын Фёдор, затем второй и т.д. Около матери сидела старшая невестка, за ней вторая. Без прадеда не положено было садиться за обед. Детей кормили отдельно за низеньким столыном (сырно). После обеда всегда все молились. Затем каждый расходился по своим работам.

Зимой у любого из членов семьи тоже было своё дело. Девчата и женщины вязали крючком или пряли пряжу, а мужчины что-то мастерили. Осенью ещё раз стригли овец. Сдавали шерсть в какую-то артель в станице Ладожской, а взамен получали пряжу, из которой все женщины, включая прабабушку, зимой вязали чулки, носки, шарфы, кофты, и другие полезные вещи – даже юбки. У бабушки Сани ещё в семидесятые годы прошлого столетия оставалась с тех времён целой прялка, которую она иногда доставала с чердака и изредка прядла на ней пряжу из собачьей шерсти для вязания носков внукам. Ей это нравилось.

Прадед частенько по четвергам ездил на базар в Ладожскую, чтобы что-то продать из излишков. При этом, когда отъезжал, не забывал спросить каждого в семье, что тот хочет, чтобы он ему привёз в этот раз. С собой нередко брал сына Якова, который хорошо играл на баяне и завлекал наигрышем на нём покупателей. Например, продать выгодно там гарбу (телегу) арбузов можно было аж на 5 рублей. Невесткам он покупал платья или отрезы кашемировой материи всегда только на одинаковую сумму – по 30 копеек за аршин (на юбку уходило до девяти аршин). Это что бы они ни ссорились из-за обновок. Для повседневного обихода женщины сами шили для своих мужчин верхние рубашки, при этом следовали городским модам. Изредка заказывали портным костюмы в Ладожской из отреза материи. У деда после революции такой ещё долго был целым. Сапоги всем мужчинам делались под заказ у местных сапожников Гурских. А модные лайковые туфли стоили тогда у них очень дорого – аж 2 рубля. Сам же прадед в будние дни предпочитал ходить в простых, весьма удобных при физическом труде, гимнастических рубашках к которым он привык ещё во время службы в Польше, чем весьма походил на городских. А вот по праздникам он всегда носил сорочку-вышиванку, которой он весьма гордился. По этому рисунку мне в детстве бабушка Саня сама сшила тоже такую же. Черкеску прадед никогда не носил, считал её крайне неудобной и холодной одеждой, да и вообще перенятой у басурман. Предпочитал ей стёганую бурку-жупан с большими гудзыками (пуговицами). По понедельникам никогда не одевал чистого белья, считал, что уж точно будет неприятность. Вообще прадед и прабабка были весьма суеверны и верили в различные народные поверья. Например, во время засухи закапывали в землю живого рака, это что бы быстрее пошёл дождь. Считали, что нельзя давать чужим что-либо из дома накануне больших постов или же в тот день, когда рождалась какая-либо скотина, а особенно остерегались выносить что-то из дома на Сретенье. Думали, что точно будет неудача. Или если дорогу перебежит чёрный кот, перейдёт баба с пустым ведром или же священник в рясе.

Церковь хуторская стояла недалеко от дома семьи, и прабабушка Дарья любила побывать в ней. Из средств Братского товарищества в 1896 году на хуторе было окончено строительство большой кирпичной церкви, которая обошлась хуторянам по данным прихода в 4000 руб. Общество избрало титарем (церковным старостой) Хоружевского Павла Степановича – отца моей бабушки Сани. В сторожке церкви днём помещалась одноклассная церковно-приходская школа. В ней учил грамоте хуторских детей дьякон Ковалёв Иван Андреевич вместе со священником Виноградовым Фёдор Ивановичем и моим прапрадедом Хоружевским П.С. С 1899 г. появился весьма образованный школьный учитель Иван Антонович Куценко, а позднее добавился ещё один молодой дипломированный преподаватель – Рябоконт, которому потом весьма понравилась одна из дочек прапрадеда, которая хорошо пела в церковном хоре.

А вот сам прадед Конон хоть и был человеком религиозным, однако к церковным обрядам, в отличие от прабабушки, относился равнодушно – старался больше придерживаться *«греческого закона»*. На праздники со всей семьёй посещал хуторскую церковь, изредка ходил в старообрядческий молельный дом, который находился через реку за греблей, на хуторе Киевском. В нем ещё оставались прихожане, отличающиеся *«намоленностью»*, т.е. строгостью жизни, кого в народе ещё называют *«святые люди»*. Прадед был книжечеем и набожным, считал, что по древнегреческим канонам молиться лучше всего одному, в крайнем случае, вместе с наставником. У него было твёрдое понятие о том, что постоянное совершение молитвы Иисусовой во всяком месте, это более лучшая часть христианской жизни, чем отправление обрядов в благочинном обществе. Да и попов прадед не очень сильно уважал – считал, что откровения божьи никто из людей не может толковать другому. Прадед говорил, что церковь удобна тем людям, у которых слабо работает голова. Хотя местные церковники его уважали и водили с ним знакомство. Старообрядцы для того, чтобы никто не сглазил младенца, обычно носят его крестить к приходскому священнику на дом и там совершают таинство святого крещения. Так вот дьякон Ковалёв Иван Андреевич был кумом прадеда – крестил дочку Татьяну, а священник Фёдор Чиркин частенько посещал его дом, пролистать под чарочку старые прадедовы книги. По тому времени у него была большая библиотека редких книг. В углу комнаты, где стояла его кровать, была большая полка с книгами, а особенно ценные хранились в деревянном сундуке под замком. Книги, доставшиеся ему от отца, были написаны на церковно-славянском языке, старые библии даже с медными обложками.

Священники частенько учили его жизни и постоянно заводили споры о старообрядстве, а он, будучи довольно грамотным по тем временам человеком, корил их за напускное благочестие. Говорил им, что мол они «трутни», своим трудом ничего не создают, а живут за счёт других людей, а это неправильно с точки зрения божественного творения мироздания.

Правда после указа царя в 1903 г. о терпимости в делах веры, почти все семьи старообрядцев на хуторе стали постепенно переходить в единоверие. И прадед стал больше отправлять обряды в рамках канонических правил господствующего православия. Но, тем не менее, всё же не пренебрегал и старообрядческим обществом. Соблюдал православные посты не только с полным отказом от мясной еды и вина, но и даже в курения. Курил он помалу и только махорку, которую делал сам. Весной возле дома, в конце огорода почти у самой реки, засеивал ею полянку и грядку турецкого табака для «смолящих» сыновей. Сам ухаживал, поливал, убирал, сушил – не доверял это никому. Осенью с корнями срывал будылки, связывал в пучки и подвешивал их для просушки на всю зиму в горыще (чердак).

Как и все, прапрадед любил работать в своём огороде и саду. В семье было много виноградников и особенно яблонь разных зимних сортов – любили солить капусту с яблоками. Незаурядными были виноделами. Бочки с хорошим вином всегда стояли в подвале. Сам прадед делал неплохое красное вино из дербентских сортов винограда, был его любитель, а вот крепкие спиртные напитки совсем не употреблял. Пил помалу, частенько вечером вовремя ужина он принимал стаканчик вина, но никогда не напивался. При этом приговаривал, крестясь: *«Иисус с вином родився, с вином и воскресився»*. Рассказывают, правда, что однажды во времена революции, когда он приехал с похорон убитых красногвардейцами родственников, то очень сильно расстроился и три дня, как говорится, «не вылезал» из своего подвала. У прадеда были свои оригинальные рецепты по изготовлению вина, которые он черпал из книги монахов Свято-Михайловского монастыря. Некоторые из них дошли и до нас. Например, если нужно было усладить вино, то он вливал в бочку пару килограмм мёда, разведённого стаканом чаи. Подогрев смесь, снимал пену с вощиной. После этого для очищения клал в бочку с десяток яичных желтков и сахара, разведённого тремя литрами того же вина. Бочку взбалтывал и оставлял стоять на шесть дней. Ради «умножения силы» в вине, практиковал ещё такой способ. Женщины пекли большой хлеб, разрезали его пополам, в середину дед клал толчёную смесь калгана, имбиря и небольшой пучок травы гребника (гвоздичный корень, содержит много дубильных веществ). Затем в

холстинном мешке он опускал в бочку так, чтобы всё это доходило до её половины. Вино тогда делалось каким-то крепким и приятным на вкус. А чтобы виноградные вина не теряли своей сладости, т.н. женские вина – висан, добавлял в них вначале брожения мелко истолчённой горчицы, после чего отцеживал его от дрожжей в другую бочку с опилками.

Были в большом хозяйстве прадеда и пчелы, в саду стояла пасека не меньше десяти ульев. В лучшие годы могли собирать по пуду мёда с улья. Завёл он их, как рассказывали, не только ради экономии сахара, а больше для использования самих пчёл при лечении детей и взрослых. Его самого постоянно донимал радикулит и отчасти геморрой – болячки, которые он заработал на тяжёлом физическом труде. У прадеда было много книг по народной медицине, которые он любил приобретать на базаре в Ладожской. Начитавшись этих книг, говорил всем, что пчелиный яд способствует мобилизации организма на борьбу с любым недугом.

Но вот для себя он использовал эти лечебные способности пчёл довольно оригинально. Брал маленькую кадушку, смазывал её днище внутри формалином и стряхивал их в неё, накрыв затем мешковиной. Затем быстро садился голый попой на кадушку так, чтобы задыхающиеся там пчелы не могли из неё выбраться. Долго сидел и ждал, когда те начнут его жалить. Как прадед воспринимал эту процедуру – об этом можно только догадываться. Видимо всё это было довольно болезненно. Однажды переусердствовал так в этом лечении, что пчелы покусали ему то, что висело между ног. С ним случился сердечный приступ, и прабабушка еле дотащила до кровати. Но этот случай не заставил его отказаться от своих лечебных экспериментов, он всё же иногда продолжал заниматься таким пчелолечением. Мой дед Иван перенял от него некоторые оригинальные способы этой самой апитерапии и всегда держал в своём хозяйстве ульи с пчёлами. Да и у отца тоже одно время была пасека – их продукты он считал главным народным лекарством.

Впрочем, болели тогда обитатели дома не так уж и часто. Преобладала простуда, от которой можно было умереть, если запустишь. Тогда больному ставили банки. Практиковались так же всевозможные народные средства, основой которых служили картошка на пару, листья лопуха, бузина, подорожник, всякие отвары крапивы, настои из разных трав или корней. Почки всегда лечили настойкой лабазника.

Благочестивые отношения к старшим в семье были тем стержнем, на котором держались и крепились все семейные отношения. Слово прадеда было главным и никогда не оспаривалось. Авторитет отца и матери считался непререкаем. Очень большим грехом был обман родителей. Как-то мой совсем маленький отец умудрился втихую помочиться в кадку

с фикусом, не успев зимой добежать до нужного места, так прабабушка Дарья каким-то образом прознав, за это так надавала ему хворостиной по заднему месту и только за то, что он не сознавался. Отец это запомнил на всю свою оставшуюся жизнь – нельзя никогда обманывать людей.

Дети, живя в среде родителей, не только питались духовной атмосферой от них, но и копировали их. К родителям они всегда обращались уважительно. Отец мой всю свою жизнь старших, в том числе и своих отца и мать, всегда называл на «Вы». Было принято, например, когда старшие, находясь в своей комнате, о чём-то беседовали, дети не имели права даже заходить к ним и мешать их разговору. Старшие, в свою очередь, всегда заботились не только о хозяйственном благополучии, но и о том, чтобы в доме все жили мирно и дружно.

В воспитании детей наиболее действенными были не словесные упражнения, а дела и поступки старших. Прадеды старались учить своих детей по-хорошему и раскрывать им глаза, чтобы то, что сами дети захотят потом по жизни, в будущем обернулось им только добром. Старались отыскать им в мужья или жены ровню по своему социальному положению. Девушкам и юношам в старшем возрасте разъясняли при каждом удобном случае подходят ли им те или иные избранники. Прабабушка Дарья предостерегала свою дочь словами: *«Йієнька швидче, дытятко мое вот к энтому чоловіку. Мабуть більше підходє вин для тебе. А тентот – выдать негож совсим. Лодэрь, ды и пропійца»*. В то же время прадеды никогда не были навязчивы. Чтобы к их сыну или дочери быстрее смогла прилипиться вторая половинка, старались побольше родниться с родичами вновь принятого в семью.

Вообще все жили тогда довольно мирно, драк и ругани особо не отмечалось. Бабушка Саня рассказывала касательно неприличных слов: *«Я ніколы в жизни нэ бачила шоб батько матюкався при вунуках своїх, чи пры дытях, али при жинках. Сором то була бы яка»*. Если у кого-то была беда, всегда все помогали. С соседями-хуторянами жили в ладу, не ссорились. А с ближайшими, такими как Солодкие, Манько, Фисенко и Педасенко, прадед находился в большой дружбе, пользуясь и с их стороны полной взаимностью. Захаживали к ним поболтать про жизнь хуторские верхи – прадед был членом правления. Подолгу сидел урядник со станицы Ладожской – Казанцев Никита Фёдорович. Некоторое время прадед был волостным старостой и тот бывало частенько заезжал к нему по служебным делам. Нередко в гостях у него были хуторские священники с просьбой посмотреть свежие газеты, не прочь вечерами пропустить с прадедом с его погребка стаканчик хорошего винца был и его друг – волостной судья Маловик Тимофей Фёдорович.

Тихо и мирно протекал хуторской быт. Работали все до упаду, но отдыхать и хорошо веселиться предки тоже умели. Соседи и родственники, с которыми прадеды любили поприрадновать и повеселится от души на праздники, садились вечером за один общий длинный стол во дворе, сын Яшка брал в руки гармошку и на весь хутор долго «справляли» песни. Молодые в это время играли в «Апанасов» – это ловля девчат с завязанными глазами. Однажды я ещё маленьким мальчиком, как-то на одной из вечеринок, где собралось много народа, увидел, как мой дед Иван лихо станцевал старинную казачью лезгинку *«Ойся, ты ойся, ты меня не бойся»*. От всего этого я долго сидел с открытым ртом. Вот так они и жили вольготно. Хорошая семья, хорошие детки, уютный дом, много земли для работы на ней – что ещё нужно было прадедам для того чтобы достойно встретить свою старость. Но никто из них и думать не мог, что совсем скоро придёт на их землю новая жизнь – суровая и во многом для них совершенно несправедливая.

Вообще-то в начале XX века на юге России был отмечен небывалый экономический рост – открывались новые предприятия, строились железные дороги, здания. Не обошло всё это и сам хутор Братский. С ростом экономики государства, жизнь на хуторе каждой семьи становилась только богаче. Росло благосостояние его членов, закупалась новая техника, повышалась урожайность зерновых, увеличивалась рентабельность сельхозпроизводства. За эти годы были построены многие капитальные кирпичные здания под железом в центре хутора, некоторые стоят и ныне служат людям: Дом Быта (бывший дом Солодких), начальная школа (дома Маловиков и Апанасенко), ветлечебница, правление, хуторской клуб в здании бывшей церкви. Жить материально обеспеченно – это главный стимул жизни тогдашнего хуторского крестьянина. Каждый хозяин зорко следил, что нового делает сосед у себя по дому. После этого он постарается сделать то же самое, но лучше. Дворы хуторяне стали уже огораживать не только хворостом или камышовой «лыской», а лицевую его часть, выходящую на центральную улицу, обязательно штакетником – широкими продольными досками. Можно с полным основанием считать, что перед Первой мировой войной хутор Братский был на вершине своего расцвета. Сам же хутор Братский в те годы продолжал оставаться волостным центром, который имел своё волостное управление, состоящим из волостного схода, волостного старшины, которому подчинялись хуторские старосты и независимый волостной суд. В 1914 году в волостном правлении числились: старшиной – Апанасенко Конон, помощник старшины Попка Федот, секретарь (писарь) – Хоружевский

Павел, сборщики податей – Середя Иван, Гармаш Александр, избранные волостным сбором судьями в разное время, были: Маловик, Клименко и Бондаренко. Вот список членов Братского поземельного товарищества на 1916 год, принимавших участие в голосовании по особо важным вопросам в жизни хутора и выборов представителей на съезд уездных землевладельцев для избирания депутатов в Государственную Думу:

СПИСОКЪ	
членовъ Братскаго поземельнаго товарищества	
в крѣ 815 дес. паевыхъ наделовъ – 485, наемныхъ работниковъ – 83	
на 1 сентября 1916 г.	
Апанасенко Кипокъ Корн.	Овсиенко Д.Г.
Васица И.И.	Овсиенко И.Г.
Викторядовъ С.	Пономаренко С.Т.
Гармашъ А.С.	Рябошапка С.А.
Давыденко Ник. Як.	Рябошапка Андр. Моис.
Давыденко Я.И.	Рябошапка С.А.
Долбня Г.П.	Рябошапка Я.Ф.
Драгуновъ Пав.Алек.	Рябошапка Ив.Моис.
Дудченко Г.З.	Смоленко М.И.
Кабатня А.К.	Середя Гр.Ив.
Кабатня М.Ф.	Середя Гр. Тим.
Кипило М.М.	Середя Евд. Мир.
Клименко Г.И.	Середя Ив.Т.
Клименко Ив. Ив.	Середя Моис.И.
Кнышъ А.Л.	Сидоренко Гр.Пет.
Кнышъ М.М.	Соенко Акимъ Ив.
Кондраченко А.	Соенко Павелъ Гесрт.
Коваленко М.И.	Солодга Мих.И.
Косаченко К.Ф.	Солодкий Акимъ Евс.
Левченко Д.Ф.	Солодкий Мих. Иван.
Левченко Х.Д.	Сосна Семень Сысоевъ
Левченко К.Ф.	Схитниковъ П.Ф.
Манько Александръ Пав.	Стародубъ И.К.
Манько Ефимий Сем.	Стародубъ Т.П.
Манько Ем.	Степаненко В.А.
Манько Ив.Ив.	Ткаченко К.С.
Манько Козм.Емел.	Федорченко С.О.
Манько Мих.Ив.	Хоружевскій Пав.Ст.
Манько Сем.Ефим.	Худоба Н.С.
Маслякъ Г.Ф.	Чижикъ П.Р.
Маловикъ Тим. Фед.	Чирва П.С.
Мулержко И.М.	
	Секретарь правленія
	Хоружевскій

В эти года на хуторе Братском всё больше и больше появляется иногородних. В 1914-15 годах число иногородних неоседлых батраков на хуторе Братском официально доходило порой до 80-100 человек. Люди ходили во время полевых работ в поисках хоть какой-либо работы, а если её находили, то оставались жить там же у хозяев по нескольку лет. Работали все они в основном по найму на землях Братского товарищества, за счёт чего кормились. Эти иногородние пользовались правом пользования общественными выпасами и кошения камыша, рыбной ловли на Зеленчуках. Некоторые иногородние «скопом» брали какие-то небольшие участки у землевладельцев. Но строить жильё и перевозить семьи на хутор таковые могли только с позволения хуторского правления, да и то под видом родственников какого-то хуторянина, заручившегося за них и с обязательного согласия всех членов Братского товарищества. Тогда бы они могли получить осёдлость. Некоторые иногородние «скопом» брали какие-то небольшие участки у землевладельцев. Это когда арендовали частный участок у бедняков, вспахивали и засевали его, а урожай делился на три части, одна часть которого доставалась хозяину.

Пришлые в силу уж своего совсем бедняцкого положения негативно относились к зажиточным коренным, которые по их понятиям всё богатели. У пришлых явственно стали проявляться неприязненные отношения, чувствовалась естественная зависть пришельцев, но всё же особого антагонизма между ними и коренными тогда не существовало, хоть и были их повсеместные жалобы на отсутствие земли. Все на хуторе наравне должны были отбывать натуральные повинности, но в военные годы к ним чаще стали больше привлекаться иногородних без осёдлости, за какие-то совсем небольшие деньги. Местные же под разными предлогами предпочитали работать на своих полях, стараясь побольше получить с них доход. Во многих бедах они огульно винили иногородних. Притеснялись иногородние и в общественной жизни. Постепенно усиливающаяся антипатия беднейших слоёв приводила тогда к столкновениям отдельных личностей, но массового проявления на хуторе ещё не было заметно. Молодёжь в те дореволюционные годы была пропитана идеями, внушёнными ей на митингах о свободе и счастье для всех хлеборобов. На самом Братском всё это происходило как-то поспокойней. Информация на хутор поступила с опозданием, да и мало кто ей интересовался. Люди старались поскорей разойтись по своим делам. Сущность и значение этих исторических событий усваивались коренными жителями с трудом, но они вселяли в умы наиболее домовитых хуторян весьма большие тревоги.

Первая мировая война, а затем и последняя Кавказская, так или иначе, но хорошо задела всю Кубанскую область. Война очень быстро сказалась на жизни хуторян. На хуторе Братском о начале войны узнали в начале августа 1914 г., утром зазвенел церковный колокол. Все были в поле. Звон был услышан в степи. Бросили все работу – и на хутор. А навстречу им уже мчалась детвора на лошадях: «Война! Германец идет на Россию». Мрачные лица, слезы и горе пришло в дома хуторян. Сначала большинство коренных хуторян на войну не мобилизовали, давали отсрочку, кому по семейным обстоятельствам, кому по возрасту. Призывали в основном молодых 1892-94 годов рождения, чаще всего в войсковые обозы. Осенью 1914 г. война приблизилась и к границам Кубани. Стали возвращаться инвалиды и приносить с фронтов безрадостные тяжёлые вести о гибели однополчан. Принесли первые похоронки в семьи Стародуб, Клименко и Ефременко. 17 октября турецкие корабли обстреляли Новороссийск. Россия объявила войну Турции и начались военные действия на Кавказском фронте. Здоровых ребят с хутора тут же стали призывать на турецкий фронт. Приблизительное число призванных с самого хутора Братского – около 20 человек. Попал тогда в их ряды и брат моей бабушки Александры – Максим Павлович Хоружевский.

Участники 1-й Мировой войны с хутора Братского из 14-го Кавказского стрелкового полка 4-й Кавказской бригады. Вверху посередине Хоружевский Максим Павлович 1992 г.р. – брат моей бабушки Александры. Фото 1916 г.

Поражения Русской армии в Европе, непомерная тяжесть войны для крестьян и бедствия рабочих масс в центральной России, тяжёлым эхом подкатилось в то время к Кубани. Из-за отсутствия рабочих рук уборка и обмолот зерновых на хуторе затянулась до глубокой осени. Началась на хуторе первая царская продразвёрстка. Сразу резко поднялись цены на все промышленные товары и особенно сельхозтехнику. Всё больше и больше становилось недовольных войной и царским правительством, резко упал патриотизм. В городах и станицах Кубани усиливались революционные течения, которые призывали «смести кроважидное правительство с тысячами дармоедов чиновников и буржуев». Иногороднее население на волне этого революционного подъёма везде начала выступать с требованием к местному казачеству и землевладельческому крестьянству поступиться частью своих прав и решить земельные проблемы с учётом интересов всех групп населения Кубани, как они считали, по справедливости. Однако попытки в первые дни революции урегулировать на хуторе вопрос о каких-то правах иногородних не привели к положительным результатам.

До революции 1917 года на Кубани существовал своеобразный военно-бытовой уклад с общественным управлением станицами и хуторами – традиционный казачий демократизм, привязывающий всех жителей к обществу. Помимо общероссийских законов на Кубани, в отличие от других мест России, имелось своё особое положение о землепользовании, утверждённое Войском. Крепостного права на Кубани никогда не было, местные крестьяне хоть и были зависимы от Кубанского войска, но это особо не ущемляло их права. Но недостатки и уродливость форм царского правления чувствовались всеми и давило на сознание даже тех, кто был далёк от политики. Например, в 1906 году безземельные хлеборобы хутора Фролова чуть не забили землевладельца Дмитрия Миронова за то, что тот, взяв монополю в аренду все земли у соседки г-жи Фроловой, начал сдавать им в субаренду за двойную цену. Отбив земли, они так и не стали платить ему ничего. Но всё же особого антагонизма между местным населением не существовало. Его больше привнесли приезжие батраки, ещё до революции бежавшие с России из-за бедности и безземелья, а также вояки, вернувшиеся с южного фронта сразу после февральской революции 1917 года. Обиженные и недовольные своим бедственным положением они начали захватывать власть в крупных станицах и вершили понятное им революционное правосудие. Молодёжь была пропитана идеями, внушёнными ей на митингах о свободе и счастье для всех. Повсюду собиралась красная гвардия из иногородних, к которым примыкала часть казаков, вернувшихся с фронтов. В станице Ладожской

и соседних хуторах происходили митинги с обсуждением вопроса о том, нужна ли Советская власть или нет. Обычно они заканчивались дракой и мордобоем казаков с иногородними. Информация обо всем этом поступила на хутор с опозданием, да и мало кто ей интересовался, всё были больше заняты на работах.

Отречение царя Николая II, переворот и смена власти на Временное правительство в феврале 1917 г. всё же застали население хутора Братского врасплох. Падение Временного правительства Керенского после пришедшего декрета из Петрограда 28 октября 1917 года «О полноте власти Советов», который говорил, что вся власть отныне принадлежит только Советам, повлекло за собой введение Кубанской Радой военного положения на всей территории Кубани. Сразу после того как произошёл февральский переворот, кубанским казакам в Кубанской области удалось создать какие-то свои местные органы власти, а в Казачьей Раде второго созыва (сентябрь-октябрь 1917-го) большинство голосов получили черноморцы-самостийники. 14 января 1918 (по ст. стилю) Кубанской Казачьей Радой на землях бывшей Кубанской области была провозглашена самостийная Кубанская Народная республика, которая хотела бы войти в состав Украины на федеративных началах. Борьба против большевиков соединила Кубанскую Раду с Добровольческой Армией. Но уже 29 января 1918 года в станице Ладожской революционерами начала устанавливаться Советская власть. Ревком, собрав около трёхсот человек в дружину добровольцев, приступил к выполнению местных задач: построению Советской власти по району, его обезглавливанию и разоружению, земельному переделу и изъятию хлебных излишков – попросту к ограблению населения. Когда наступил передел собственности – вот тут уже и пришла классовая борьба. В окружающих хуторах, густо усеянных безземельными крестьянами, сразу же было введено Советское управление и первыми начали существовать военно-революционные Советы, выбранные большинством иногородних. И среди казаков тоже было много недовольных царским правительством, они поддерживали эти группировки. Объединяясь в районные армейские организации, эта вооружённая сила начала выдвигать атаманское правление. В итоге Советы демократическими лозунгами и силой взяли то, что хотели – власть. Старый порядок рухнул, а с новым наступило полное безвластие.

По существу, большевизм на хуторе был вначале чисто внешним и особенно не влиял на повседневную жизнь хуторян – подразвёрстки были ещё при царской власти. По рассказам стариков, на хуторе жители с каким-то полным непротивлением и безразличием поддавались

большевистской агитации и поддерживали идеи равенства. На хуторе многие рассуждали, что бог с ней с этой новой властью, лишь бы она давала им спокойно работать, а не трогала людей. По бытующему общественному мнению, только бездельник или же человек слабого ума мог плохо жить на Кубани. Поэтому у некоторых хуторян всё же складывалось неоднозначное представление о большевизме, в основном как о примитивной уравниловке, да ещё с наделением своей землёй пришлым. Подогреваемый большевиками вопрос о справедливом разделе земли стал порождать рознь между местными и иногородними. Непримируемая политика большевиков и их стремление переделить все земли вынудила основную массу казаков поддерживать белогвардейцев.

Братское товарищество продолжало своё существование и после смены власти, её члены по большому счёту жили довольно зажиточно, считая себя хозяевами на своей земле, а ранее прибывшие в окружающие хутора иногородние работали у них по найму в товариществе. Сразу после революции их официальное число на хуторе превышало сотню семей. В отличие от членов товарищества, имевших свою землю, жили они гораздо беднее и её очень хотели. К началу революции многие батраки работали не только в товариществе, но и у частных, а иногородние, те кто имел какие-то свои хаты на хуторе, ещё и платили товариществу арендную плату за использование своих участков. Плата шла на благоустройство хутора и взималась за землю, занимаемую постройками и огородами в размере от 3 до 5 копеек за квадратную сажень. Таким образом, только за одну десятину им нужно было платить в год до 100 рублей. Вол тогда стоил 60-70 рублей.

Так или иначе, но земельный вопрос приводил к конфликтам с коренными жителями хутора. И те понимали, что им придётся утратить часть своих имущественных привилегий и брались за оружие. Наступил передел собственности – тут уже пришла классовая борьба. Старый порядок рухнул, а с новым наступило полное безвластие. Когда же коренные хуторяне спохватились в своём легковерии по этому вопросу, было уже поздно – пришла совсем новая жизнь, чуждая и им совсем непонятная. Пошёл прахом весь их вековой уклад – как рассказывал дед: *«Ходють по хутору пьяные чужие хлопцы в обнимку с местной голотой и по ночам надрывно воют новы пэсни. Роблить не хочуть – давай им всё готовое. А потом вот приходят такие вооруженные дядьки в хату и вынесут то что есть – «революционная контрибуция» называлась».*

Одним из руководившими такими действиями на хуторе Братском был местный демобилизованный артиллерист Сидоренко Фёдор Григорьевич, прошедший всю мировую войну с 1914 года. Став на фронте

большевиком и научившись там грамоте, он активно принял участие в установлении Советской власти на хуторе. Со своим братом Никитой, активистами Коваленко, Ефременко и Драгуновым, опираясь на силу приехавшего отряда Ладожского ревкома во главе с уполномоченным Часовским, в феврале 1918 года они сместили Волсовет и начали репрессии противников Советской власти.

Вот вовремя именно таких событий при установлении революционного режима был расстрелян один из родственников прадеда в ст. Ладожской вместе с десятком таких же заложников. Это было в самом начале марта 1918 года. В эти дни, восставшие там большевики, без суда и следствия поубивали более десятка местных казаков. Те только что, вернувшись с южного персидского фронта, где проливали кровь и теряли здоровье, отвоёвывая новые земли для родной Великой Державы, увидели, что их усадьбы пытаются реквизируют иногородние, а жён и детей изгоняют со своих домов, попытались воспрепятствовать этому. Но были разоружены многочисленной толпой красногвардейцев бывшего 154-го пехотного Дербентского полка. Утром жёны их нашли всех мёртвыми на берегу реки Кубани под обрывом, раздетыми до одних рубашек и кальсон. А с ними заодно начали расстреливать на железнодорожной станции отправленных с Армавира в Екатеринодар казачьих офицеров и поддерживающих их младших чинов, военных врачей с медсёстрами и священников. Каким-то образом нашим родичам об этом событии смогли сообщить на хутор и помогать хоронить родственника поехал в станицу сам прадед Конон Корнеевич. Жена его Дарья Алексеевна была в то время на сносях, а детей своих он боялся брать.

В станице Ладожской было много всякого народа на улицах. На митинге около вокзала рассказывали о борьбе рабочего класса России за свои права, призывали к расстрелам богачей и конфискации их имущества. Молодые женщины в красных платках, иногородние и красные казаки приветствовали все эти расстрелы и самосуды. Прадед был не против борьбы с эксплуатацией человека человеком, но никак не думал, что такая уж она должна быть беспощадная. Непонятно было прадеду, как это вообще могло случиться. Насколько затуманены были мозги станичников, что позволили абсолютно спокойно расстреливать своих же братьев-казаков. Все они ехали прямо с фронта, были боевыми командирами. Увиденная крайняя несправедливость произвела на него тогда весьма гнетущее впечатление. В его голове не укладывалось, что люди-единоверцы, жившие бок о бок друг с другом, могут истреблять своих же, да ещё с такой лютой жестокостью. Видимо всё увиденное и услышанное тогда, впоследствии очень сильно сказалось на дальнейших

жизненных мотивах и поступках моего прадеда. Позднее, дошли слухи о том, что с уходом красных Ладожские казаки всё же отомстили убийцам своих товарищей. Нашли они их в станице Елисаветинской и порубали всех 75 человек, участвовавших в той бойне. А старшего Карнаухова, который отдавал приказы – расстреляли. Вот так просто пришла гражданская война и на нашу землю.

В апреле 1918 года на Кубани была образована Кубанская Советская республика. В конце апреля почти везде власть уже принадлежала Советам, ревкомам, исполкомам. Прадед вначале тоже было засуетился в этом направлении узнав, что немцы подчинили себе земли Украины вплоть до Кубани, а Советы с ними борются, сразу стал относиться к ним по-другому. Когда же только пришла большевистская власть на хутор, прадед как волостной старшина начал придерживаться этих новых порядков и передал все документы и печати новой власти. Как грамотный даже стал активистом, помощником у местного малограмотного партийца Коваленко – уполномоченным от нового Совета. Положение помощника на деле ему ничего не давало, кроме лишних хлопот. Но, когда в руководстве Совета стал товарищ Шлаут, а потом появились ещё алкоголезависимые люди с низкой культурой и весьма однобокими понятиями о социальной справедливости, он понял, что от этой новой власти ему ничего хорошего уже не стоит дожидаться. А когда она стала откровенно притеснять многих коренных хуторян, то стал относиться к ней несколько негативно и оставил все свои сельсоветские дела.

А гражданская война ведь только начиналась. Первый призыв в Красную армию молодых парней 1893–1896 гг. рождения и добровольцев был проведён в феврале 1918 г. В основном попали в 2-й Северокавказский полк под командованием Захарченко. Из 53 мобилизованных не вернулось домой 29, они погибли за Советскую власть. Из Братской волости воевали в рядах Красной Армии и сложили головы за коммунистические идеи 69 человек. Могилы этих бойцов есть под Армавиром и в Астраханских песках, много полегло под Кизляром. Многие тогда двинулись в красные партизаны. Около хутора Киевского был большой бой с эскадроном большевистского атамана Попова, там погибли красные партизаны с хутора Братского. Тела их захоронены возле теперешнего мемориального комплекса в центре хутора.

Были на хуторе и такие люди, которые полностью отрицали все идеалы большевистской революции. Один из них старший брат моей бабушки Сани – Максим Хоружевский, отслуживший срочную службу на Кавказском фронте и вернувшийся домой. Уже немолодой, но горячий, он считал, что нужно спасать Кубань от пришлых элементов, убирать их

всех из власти и самим устанавливать демократические порядки. Максим, выступая на волостном сходе в апреле 1918 года говорил: *«Есть у нас свои захланыя шкуродёры и куркули. Если нам не прыдатны эти эксплуататоры, то нам самим потрибно им узду одеть и аппетиты их умерить. Но если ноне к власти прыйдут пришлые элементы, то хозяевами мы тута вже не будемо ни кады. Дывытыся як политикой в волости верховодят «коца́пские жа́дки» («каца́п» на старославянском – оскотплённый козёл, жидок – ийуда, предатель). Хай надысь наводят ландские порядки у сэбе тама, выдкиля воны прыйихавшы!»*. Взял коня, шашку и пошёл воевать в Добровольческую армию, думая что сделает лучшей жизнь на своей родной Кубани, да и вообще в России. Так потом и погиб на полях гражданской войны, тесня отряды красного командира Захарченко в астраханских песках. В противоположность, его младший брат Григорий Хоружевский был одним из активистов у комиссаров Ревкома и при Советской власти даже стал председателем Сельсовета хутора, правда потом его всё же репрессировали, и он умер в лагере.

3 августа 1918 года Екатеринодар был занят силами Добровольческой армии. Большинство коренных хуторян восприняли смену власти восставшими войсками Кубанской Армии как должное и всё же больше были рады возврату к старой жизни. Но с сентября 1918 г. на хуторе пошли откровенные грабежи. То красные партизаны налетят на хутор, то белые придут и возьмут верх. И ведь у каждого была своя правда, но кушать-то хотелось всем, вот и реквизировали что только можно было. Работать на полях было некому, местные воевали, пришлые иногородние стали занимать их места.

Сам же мой прадед Конон Корнеевич ни в Белой армии, ни Красной не стал служить принципиально – был уже немолодым и сугубо верующим человеком. Считал, что греховное это дело участвовать в такой вот братоубийственной войне. Но всё же больше сочувствовал «самостийным кубанцам». Это его сочувствие привело к тому, что на сходе его как грамотного хуторянина и понимающего идеалы хлеборобов, выбрали депутатом Кубанской Краевой Казачьей Рады от Братской волости. Населённые пункты, имеющие самостоятельный орган самоуправления, должны были избирать в Краевую Раду минимум одного представителя. Вероятно, учли тогда его службу в Варшавском дивизионе, да ещё видимо какие-то заслуги перед хуторянами при его должности председателем в волостном совете. В 1917-19-х годах прадед ездил на поезде в Екатеринодар для участия в сессиях Кубанской Казачьей Рады (в деле прадеда сохранился бесплатный проездной билет от Рады, как свидетельство белоказацкой деятельности).

Апанасенко Конон Корнеевич – волостной старшина с 1913 года, член Кубанской Казачьей Рады от Братской волости в 1917-1920 годах

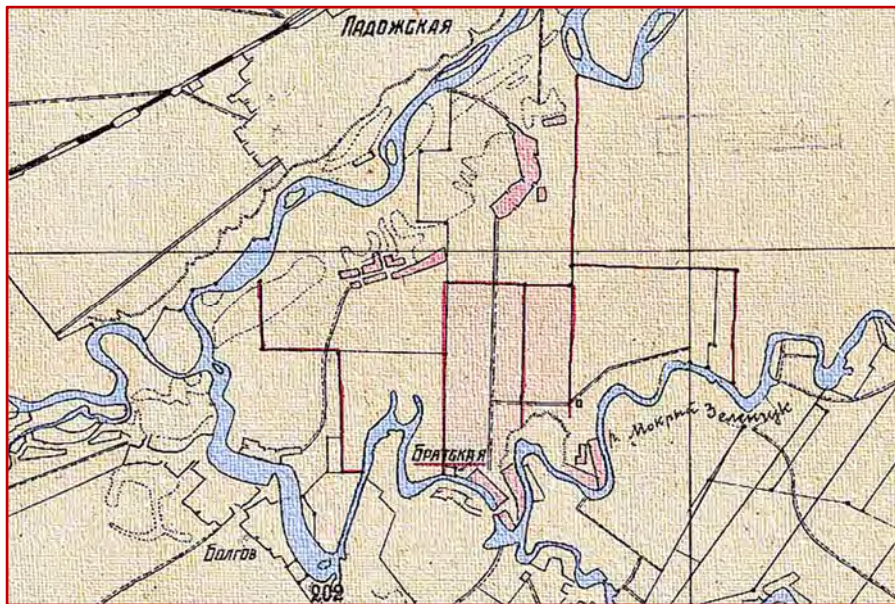
Известно, что состав Краевой Казачьей Рады был около 500 человек со всего Кубанского края. В списках мой прадед там числился казаком от станицы Братской, хотя казачьего звания он не имел. В Кубанское Краевое правительство в тот год он отвозил прошение от схода жителей Братской волости о том, чтобы хутор Братский именовался станицей. Ещё прадед выправил документ у тогдашней власти в Екатеринодаре, чтобы существующая Братская волость имела больше привилегий по части выделений ей из казны на административные и особенно *«на учительские и просветительские нужды»*. Виделся он там с лидерами различных движений. Выступал везде от имени крестьян-хлеборобов Кубани. Но об этой его деятельности в нашей семье никто из родичей вообще ничего не хотели рассказывать – при социализме на это было наложено жесточайшее табу. А все архивные документы по этому вопросу позднее были вывезены за рубеж, многие уничтожены, когда Казачья Дума покидала Екатеринодар. Но похоже на хутор Братский прадед тогда привозил совсем неутешительные вести.

Нужно отметить, что с начала 1918 года волость не раз переходила из рук в руки. С приходом белых вывешивалась атрибутика белых, а приходом красных всё убиралось, и вешался красный флаг. «Зелёные» же воевали против «красных» и «белых» – за самостийность, они хотели иметь свою местную Кубанскую власть, работать самим на себя, на своей земле и без указов с Петрограда. С приходом других фактически сменялись лишь названия: только вместо атамана становился комиссар. Волостной сбор переименовывался Волсоветом, хуторское правление – исполнительным комитетом, а сидело там же.

В сентябре 1918 года хутор Братский органами новой Кубанской Народной республики был административно передан из Кавказского отдела в управление Екатеринодарскому отделу Кубанского Казачьего Войска. В октябре этого года землеустроительная комиссия отдела утвердила межевой план волости. Согласно утверждённому на сходе и

поданному прошению к этой новой власти, хутор стал именоваться станицей Братской, хотя в самом хуторе практически казачьего сословия и не было, но по волости их число превышало 300 человек – под официальный статус такой территориальной единицы подходили параметры тогдашнего поселения. На этом же сходе был выбран новый атаман волости – есаул Мирошниченко. Он сформировал с казаками-добровольцами гарнизон из 12 человек, который контролировал ситуацию, не допуская ломки старых порядков и разграбления продовольственных запасов революционными массами. Прошение Отделом было удовлетворено, но из-за революционных событий и общего хаоса потом, когда к власти пришли Советы, тот документ антагонистически ими не был признан, а станица Братская с 1920 г. установлена статусом как «село».

В дальнейшем Екатеринодарским Отделом предполагалось присоединить к Братской волости все окрестные неказачьи селения, населённые этническими немцами-колонистами, против которых ещё с началом первой мировой войны велись большие гонения. Их всех считали «5-й колонной», тем более что большинство из них отказывались служить в Кубанской Армии. Входили эти поселения тогда в Семёновскую волость, вот её и начали дробить.

Утверждённый межевой план земель волостной станицы Братской Екатеринодарского отдела Кубанского Казачьего Войска по данным Земельного Управления на 1918 год.

В 1918 году Краевая Казачья Рада желала объединить самостийную Кубань с Россией, а лучше с Украиной, в которую она хотела бы войти по примеру штатов США. Вся земля края, по их плану, должна была бы разделиться поровну всему коренному населению. Командование Добровольческой армии, в свою очередь, не желало слышать ни о какой автономии и делёжки. Оно старалась подчеркнуть своё превосходство, что только они мол являются центром. Кубанцы же – провинциалы и их дело подчиняться им. Казачья Рада с этим не захотела согласиться. Всё закончилось расправой командования Добровольческой армии над Кубанской Краевой Радой, повешением её активистов и высылкой в Константинополь некоторых членов. Такой вот «раздрай» стал возможным из-за чрезмерной самостийности «хохлов» и слепой «упертости» белых генералов.

Прадед мой как раз и участвовал во всех этих заседаниях, мало что понимая в политике, принимая в голосовании больше сторону самостийников. В итоге всех этих «баталий» Кубанская армия попала в подчинение Добровольческой армии генерала Деникина. Начались на Кубани казни над пленными большевиками, репрессии иногородних и заодно всех тех, кто поддерживал Советы, проводилась мобилизация остатков казачьего населения на фронт. Стали выдвигаться требования об обязательной сдаче остатков хлеба для его отправки в Англию под оружие. Разгон Рады вызвал на Кубани появление самостийного движения под лозунгом: *"Большевиков мы к себе не пустим, но и освободить от них Россию у нас желания нет"*. И этот лозунг быстро достиг фронта. В решающий момент борьбы кубанцы отвернулись от Деникина и его идеи освобождения России от большевизма, в массе своей не ассоциируя себя с лидерами Белого движения.

Казаки, утомлённые четырёхлетней внешней войной, а за нею двухлетней гражданской, потеряли волю к борьбе, шли домой и воевать больше не захотели. Началось массовое возвращение кубанских казаков домой на строевых лошадях с оружием. По пути они занимались грабежом мирного населения и больше беспокоились о своём благосостоянии, требовали от населения продукты для себя и фураж для лошадей, вызывая тем самым озлобление мирных жителей. А так как Кубанское войско состояло преимущественно из казаков, то армия Юга России и покатила на юг. События эти и определили исход борьбы в пользу красных. К тому же вспыхнуло массовое восстание в крестьянских селениях по левому берегу Кубани, что возле станицы Ладожской. Резко снизилась урожайность, росла дороговизна всего. Много иногородних тогда подались к красным казакам.

Весной 1920 г. фронт докатился и до Кубани. Проходящим мимо своего дома 4 марта 1920 года (по старому стилю) отступающим отрядам Кубанской Армии генерала Науменко прадед Конон Корнеевич отдал двоих своих лошадей, боясь, что красные всё равно их реквизируют. В штабе этого полка служил хорунжим его племянник (хорунжий – это первый офицерский чин в казачьих войсках, соответствовал корнету в кавалерии или же подпоручику в пехоте Царской армии). Ему по договорённости с братьями Бондаренко Егором, Кириллом, Иваном и ярым противником Советской власти Клименко Иваном Ивановичем, он привёл коней в соседний хутор Болгов, где полк остановился на ночной постой. Племянник же прадеда Георгий, пройдя все мытарства отступления, предательство своего командования и позорную сдачу красным весьма боеспособного Кубанского войска в Адлере, в результате попал в Ростовскую пересыльную тюрьму и след его там обрывается.

При отступлении Кубанская Армия хоть немного, но обязательно оплачивали все то, что брала у местного населения. Хотя тогда эти деньги уже никому и не нужны были – использовать старые рубли всё равно невозможно было. За лошадей прадеду дали 10 рублей серебром по 1 руб., 24 бумажных царских рубля и ещё немного «кредиток» – деньги, выпущенные Кубанской властью с указанием их обеспеченности всем достоянием Кубанского края. Для сравнения, до революции хороший конь стоил 150-200 царских рублей. Но и эти деньги частично спасли семью от голодовки зимой с 1921 по 1922 годов, когда голод обрушился на весь Северный Кавказ и Поволжье. Они хоть как-то помогли семье пережить переломный момент. Прадед на них покупал подсолнечный жмых, который потом добавляли в муку. Для примера: в то время за пуд отсеянной пшеницы давали около трёх рублей, а 1 кг сахара-сырца или аршин ситца – 50 коп. После прихода красных ещё года два продолжали скрытое хождение царские деньги, хотя мало кто их уже брал. В обращении в то время сразу пришли новые советские бумажные знаки, исчисляемые тысячами и миллионами рублей, но многие люди боялись с ними связываться только потому, что они занимали большой объем. Тогда, в буквальном смысле, мешками их возили на базар, чтобы купить корову. Ещё долго, чуть ли не до 1927-го года, прадед их хранил. Он всё верил, что вернётся старая жизнь и ими можно будет воспользоваться.

Через три дня после ухода отрядов Кубанской Армии на хутор прибыли части 33 Северо-Донецкого кавалерийского полка 6-й Чонгарской дивизии 1-ой Конной Армии (её командарм Будённый находился тогда в станице Ладожской со своим штабом). На хуторском правлении вывесили вот такой приказ, привезённый с Ладожской от командарма Будённого:

Приказ N 1

Дав полную возможность всем раскаявшимся, всем обманутым возвратиться к мирному труду, Советская власть решила сейчас раз и навсегда покончить с бандитами и их приспешниками на Кубани. С этой целью я, БУДЁННЫЙ, Командарм 1-й конной вступил в командование над всеми войсками Кубано-Черноморской области. Предупреждаю все население Кубани и в первую очередь станичное и хуторское, что за малейшие услуги, которые будут оказаны бандитам, за их укрывательство, не будет пощады. Виновники будут расстреляны, их семьи выселены на север, имущество конфисковано. Красные войска должны, дать Кубани полное умиротворение и горе тем, кто стоит им на пути: они будут уничтожаться беспощадно. Мы переходим от слов к делу.

Когда «красные» вошли на хутор, то сразу стали практиковать политику «военного коммунизма» и начали превентивные репрессии в отношении «белых». В 1920-21 годах этот красный террор был уже направлен не только на казачью и крестьянскую интеллигенцию (буржуев), но и на средние слои кубанских хлеборобов, имевших тогда нейтральную позицию по отношению к новой Советской власти: землевладельцев, зажиточных крестьян, священников, членов семей повстанцев или дезертиров с Красной Армией. По указанию начальника особого отдела СКВО Трушина сразу по хуторам волости поубивали белоказачков вместе с есаулом Мирошниковым и несколько крупных землевладельцев. По рассказам стариков всех их порядка 25 человек собрали в волостном правлении, затем вывезли в поле за хутор Новосёловка и там расстреливали. Родственники только через два дня смогли забрать их раздетые до кальсон тела. Метрическая книга церкви хутора Братского за тот год, в которой были записаны конкретные фамилии всех тех убиенных и похороненных на окружающих кладбищах заложников, была уничтожена секретарём первичной организации ВКП(б) Братского Сельсовета т. Часовским при очередном погроме церкви в 1922 году.

Часть местных после всего этого ушла в лес, создав вооружённый отряд вместе с больговскими казаками, начали вести антисоветскую деятельность. Тогда коммунистам можно было очень просто словить шальную пулю из зеленчукских камышей, непонятно даже от кого. Оставшиеся казаки волости, занимавшие нейтральную позицию, не доверяя новой власти стали разбегаться. Большая часть, покинув дома уходила в Закавказье. Многие зажиточные казаки после этого так и не смогли вернуться на Родину к родным хатам, им досталась горькая участь эмигрантов.

Про жизнь прадедов после революции

10 марта 1920 года (по старому стилю), на хуторе Братском после общего схода митинговым порядком был образован Ревком Братской волости во главе с товарищем Кундурисом, подчинившийся Ладожскому отделу Ревкома Кубано-Черноморской области. В первые дни заседания проводились почти ежедневно, а иногда и по несколько раз в день. Ревком занимался учётом хлеба и зерна по волости, для чего была создана комиссия во главе с Петрушенко. Мельницы и магазины были вновь реквизированы и переданы в аренду их же хозяевам. Для учёта и изъятия огнестрельного оружия, учёта имущества семей красногвардейцев, распроданного «белоказаками», была создана комиссия во главе с Волобуевым. Она возвратила безземельным землю и часть скота. С августа 1920 года пошли конфискации живности в счёт продразвёрстки у тех, у кого она ещё оставалось. В сентябре 1920 года в Братском хуторе создавался Совет крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов волости. Председателем поставили Сидоренко Фёдор Григорьевича. Советская власть окончательно утвердилась на хуторе Братском и окружающих его волостных селениях.

Памятуя о расстрелах казаков на хуторе и в станице Ладожской, испугавшись, что его тоже могут взять и «шлёпнуть» как члена Кубанской Казачьей Рады, прадед Конон бежал с другом Георгием Киптило и братьями Бондаренко, несколько месяцев скрываясь в лесах вблизи реки Лабы и в каком-то адыгейском ауле. Тогда это не зазорно было, многие так делали – покидали родные дома из-за угроз, а младшие, привыкшие к частому отсутствию старших по военным потребностям, спокойно вели хозяйство. Местные же черкесы во времена революции, ни при каких обстоятельствах не сдавали своих соседей-хуторян красным. Хуторские жители всегда были чрезвычайно консервативны в вопросах веры и гораздо более религиозны, чем иногородние жители России, хоть и непрерывно воюя с черкесами, они всегда проявляли исключительную терпимость в своей среде к ним, высланным на равнину с гор. А после ряда погромов черкесских аулов красными казаками, черкесы принимали хуторян как себе равными, а большевиков – очередными завоевателями. Они крепко держались тогда своих национальных обычаев и магометанской религии, в основной своей массе были настроены резко антибольшевистски и больше поддерживали самостийных зелёных. Наконец, когда поразьехали районные уполномоченные и беглое житье прадеду Конону стало совсем невмоготу, он вернулся в семью.

Местные коммунисты в тот переломный 1920 год семью прадеда не тронули и никого не расстреляли – посчитали, что он всё же когда-то был доброжелательными к Советской власти. Прадеда все коренные хуторяне считали честным и трудолюбивым, он всегда защищал интересы Братского товарищества. На хуторе пользовался уважением жителей. Своих рук в хозяйстве у него хватало, было правда двое наёмных работников – строителей (помогавшие в постройке пристроек). А в доме у него никогда не висел портрет царя – всё старообрядческие привычки. Это написанное про него в характеристике секретарём нового хуторского Совета Ковалёвым К.К. было тогда неким признаком лояльности к Советской власти и сыграло какую-то решающую роль. Но, припомнив дела прадеда в Кубанской Казачьей Раде и его дружбу с попами, всё же реквизировали у семьи в пользу продразвёрстки половину гужевого скота вместе с тёлкой, которая примерно через год могла бы стать дойной коровой и часть зерна. Это тогда считалось «сделать уступку власти». Первейшим долгом каждого – это добросовестное выполнение продразвёрстки, так тогда считали коммунисты.

С началом зимы 1920 года вся Россия погрузилась в страшный кризис от засухи. Первым начало страдать Поволжье. Во многом он был связан с тем, что там случился сильный голод. Уровень производства в стране, в том числе и сельскохозяйственных продуктов, резко упал. Всё лежало в руинах. К этому также добавились народные восстания против Советского режима. Однако серьёзной угрозы власти большевиков уже тогда не существовало. Но партии и Ленину стало очевидно, что нужно менять подход к управлению страной. Начались времена НЭПа, так называемого государственного капитализма – «экономической либерализация при жёстком политическом контроле». В результате этой политики случилось ещё худшее – рынок перестал осуществлять свои функции купли-продажи товаров. Он просто превратился в средство для очередной эксплуатации крестьян. Только половина крестьянского товара приобреталась государством за деньги, а другая половина взималась в виде всяческих поборов типа: «Неделя хлебобоба», «Неделя помощи голодающим» или «День больного или раненого красноармейца». Все эти мероприятия Ревком проводил при помощи Комячейки хутора.

Судя по рассказам взрослых после революции домохозяйство прадеда Конона Корнеевича было ещё тогда довольно рентабельным, не только кормило семью, но и что-то оставалось для продажи. По первой советской переписи 1920 года оно считалось зажиточным, в нем в наличии числилось 13 душ: 8 мужчин, 5 женщин, и ещё были какие-то родственники прадеда, которых записали батраками.

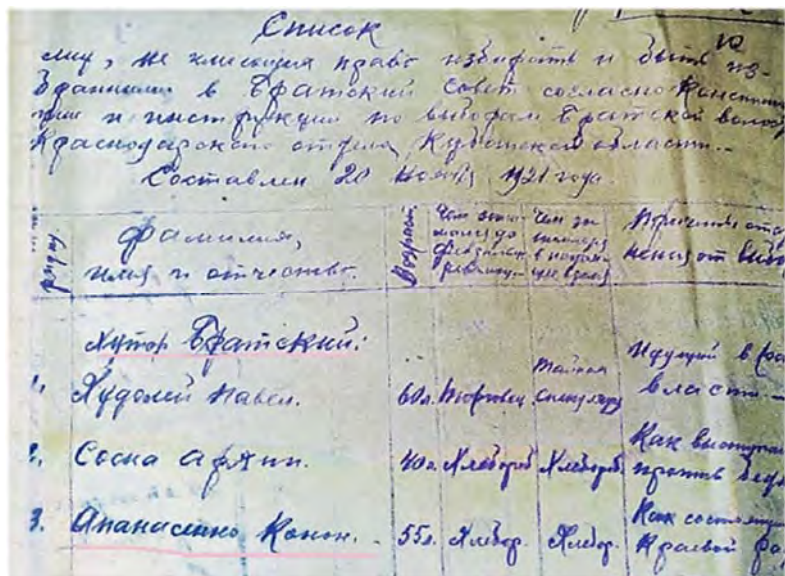
ДОМОХОЗЯИН (фамилия, имя и отчество).	Состояние хозяйства, образованных с 1917 г.	Родной язык домо- хозяина.	Имел ли земель.		Наличие в доме порепис.			Присутствие отсутствующих.			Воси и без прот.
			Здесь	в др. месте	М. п.	Ж. п.	Об. п.	М. п.	Ж. п.	Об. п.	
22. Яковлев А.И.		рус.	39	-	5	8	13	8	9	10	11
23. Яковлев З.З.		рус.	38	-	4	3	7	2	-	2	-
24. Яковлев А.К.		рус.	2	-	2	5	7	-	-	-	-
25. Яковлев А.А.		рус.	-	-	5	3	8	1	-	1	-
26. Яковлев Р.		рус.	38	-	2	4	6	1	-	1	-
27. Яковлев М.И.		рус.	38	-	1	1	1	-	-	1	-
28. Яковлев З.С.		рус.	38	-	2	3	5	-	-	-	-
29. Яковлев К.С.		рус.	38	-	2	2	4	2	-	2	-
30. Яковлев И.И.		рус.	38	-	4	4	8	2	-	2	-
31. Яковлев Р.И.		рус.	38	-	1	1	2	-	-	-	-
32. Яковлев И.И.		рус.	38	-	3	8	11	2	-	2	-
33. Яковлев М.И.		рус.	38	-	1	1	2	-	-	-	-
34. Яковлев А.И.		рус.	38	-	2	6	8	2	-	3	-
35. Яковлев А.И.		рус.	-	-	1	4	5	-	-	-	-
36. Яковлев С.И.		рус.	-	-	1	3	4	-	-	-	-
37. Яковлев З.И.		рус.	38	-	1	3	4	-	-	-	-
38. Яковлев С.И.		рус.	-	-	1	2	3	-	-	-	-
39. Яковлев М.И.		рус.	38	-	5	9	14	-	-	-	-
40. Яковлев Р.И.		рус.	38	-	5	4	9	2	-	2	-
41. Яковлев А.И.		рус.	38	-	3	5	8	-	-	-	-
42. Яковлев И.И.		рус.	-	-	1	2	3	-	-	-	-
43. Яковлев К.И.		рус.	38	-	8	5	13	-	-	-	-
44. Яковлев М.И.		рус.	38	-	6	8	14	1	-	1	-

Фрагмент листа Ф.2 №3 переписи 1920 года по селению Братскому Кубанской области.

Примерно в таком же положении после революции находилось и само Братское поземельное товарищество. Насчитывало тогда 66 членов. И просуществовало оно в таком состоянии довольно значительное время, несмотря ни на какие отбиравшие все излишки подразвёрстки.

Первая вывозка зерна в Братскому юрту по проразвёрсточной разнарядке у членов сельхозтоварищества началась в августе 1920 года и продолжалась всю осень и зиму до марта 1921 года. После уже Советы начали отбирать излишки у богатых хуторян. Летом 1921 года на юге разразилась засуха, а в центральной части России и Поволжье она уничтожила практически все посеы. Урожай хуторяне собрали скудный и Советы вначале начали отбирать излишки у богатых хуторян. К тому времени 210 человек иногородних Братской волости объединились в кооперацию, вот они и проводили изъятия продуктов у членов местного товарищества. Особые «оперуполномоченные» изымали не только излишки, но и необходимые крестьянской семье хлеб. Когда находили схороненный хлеб или муку, беднота собирала хуторские сходки и разоблачала тех лиц, кто его прятал. Так создавалось недовольство среди жителей. Потом Волсовет опечатал мельницу на Зеленчуке, где все хуторяне мололи муку из остатков. Здесь уже пострадали и бедняки с окружающих хуторов, особенно с Новоекатериносинского, которые привезли туда молоть всего лишь по мешку своей пшеницы. Боясь её разграбления голодными хуторянами, комсоды отвезли всё на склад Селхозпортебкооперации. Но собравшиеся крестьяне с хутора долго митинговали, в результате решились всё же вернуть обратно изъятое, чтобы самим не умереть с голоду. Ночью небольшая группа во главе с Бондаренко Яковом и Симоненко Тимофеем связав сторожа вывезла муку и наутро раздала её всю по домам тех, кто привозил молоть на мельницу. Зачинщиков пытались арестовать, но потом люди всё-таки как-то смогли их отбить. Но позднее на этих зачинщиков репрессии пошли такие, от которых очень сильно пострадали не только они, но и члены их семей. Всё было им припомнено – их выслали с хутора в дальние края. Все имущество, им принадлежащее, подлежало полной конфискации.

Прадед Конон в силу своего возраста и жизненного опыта, судя по рассказам стариков, в то время пользовался влиянием и авторитетом на хуторе. Но местные коммунисты его побаивались, считали, что тот особо не хочет поддерживать генеральную линию ленинской партии большевиков. Мол затаился и выжидает момент, чтобы подорвать авторитет Советской власти. В ноябре 1921 года боясь, что народ захочет выбрать прадеда в управляющие органы волости, избирательная комиссия под председательством коммуниста Лукьяненко А., по предложению прибывшего с Усть-Лабинского секретаря Райкома ВКП(б) Кундуриса, решила все-таки лишить его гражданских прав как члена Кубанской Казачьей Рады, а заодно и всех членов его семьи как принадлежащих к явно кулацким хозяйствам:

Из протокола заседания волостной избирательной комиссии по выборам 1921 года в Братский Волостной Совет народных депутатов о лишении прав некоторых лиц.

Но все же после гражданской войны жизнь на Кубани начала чуть-чуть налаживаться. В станицах заработали артели, оживилась торговля. В лавках хутора уже можно было кое-что купить. Появились велосипеды, патефоны, стало жить немного полегче. На коллективных началах стали обзаводиться тракторами «Фордзон», новыми паровыми молотилками и другой передовой техникой. Это стало превращать Братское товарищество по совместной обработке земли в весьма эффективное сельскохозяйственное предприятие зернового профиля. Молодёжь уже не стала стремиться в город. В Братском начали шумно отмечать праздники, молодёжные гулянки и свадьбы.

Осенью 1921 года вышла замуж самая старшая дочка прадедов – Матрёна. После окончания ещё до революции вышеначального училища в Ладожской, она сразу поступила на учёбу в новый Краснодарский институт народного образования (с 1921 года Краснодарское учебное заведение для подготовки учителей). С этого периода и все последующие годы, её жизнь была связана с педагогической деятельностью в качестве преподавателя математики. Там же в Краснодаре встретила жениха – Матирного Андрея, довольно шустрого паренька по тем временам, тоже оканчивающего институт. Он был сыном известного казака родом со станицы Платнировской. После окончания институтов поженившись они

оба уехали по распределению в станицу Поповическую (с 1957 г. – Калининская). Чуть позднее перевелись в станицу Апшеронскую, где Андрей стал начальником районного узла связи и оказывали всяческую помощь нашим при их трудностях. Старший их сын Борис Андреевич (1924 г.р.) после войны почти 20 лет прослужил начальником в Главпочтамте г. Краснодара. Помнится, он довольно часто в то время приезжал в гости к моему деду Ивану с весьма хорошими подарками.

В январе 1922 года по Братской волости создаётся первичная организация ВКП(б). Секретарём стал прибывший с Ладожской т. Часовской Г., который вместе с Сидоренко Ф.Г. организовал Комячейку Братской волости №21. Первыми коммунистами в ней были: Сидоренко Н.Г., Ленивый, Винник Т., Петрушенко, Александров, Пушкин, Симоненко, Ефременко и Волобуев. Тогда же на хуторе возникла и комсомольская организация. Число членов РКСМ – 10 человек.

Члены коммунистической ячейки Братской волости в 1923 году. Справа сверху – Волобуев, сват Хоружевских.

В этом же году Комячейкой хутора была произведена попытка реквизиция имущества церкви. Изъяли напрестольный крест, дискос, лжицу, звездицу, золотые чаши и серебряные тарелочки. Ценности по описи передали в отдел Краевой комиссии по их изъятию. Часть церковной литературы сожгли, метрические книги выбросили в водоём. Прадед, узнав об этом долго не мог прийти в себя, очень сильно ругался.

За гражданскую войну окружающие хутора наполовину опустели и своим решением Сельсовет разрешил изымать пустующие казачьи дома и участки богатых крестьян. Их с радостью стали занимать приезжие демобилизованные солдаты со Средней Азии и бедняки с центральной России. Вновь прибывшие иногородние были весьма довольны работой в коммунах. Хотя земли и переделили в их пользу, но хорошо работать они не смогли – не было у них той внутренней самоорганизации, такого векового опыта и устоев как у местных. Урожайность стала везде ниже, чем даже во время Первой мировой войны. Правительство в то время начало осуществлять чёткую социально ориентированную политику в аграрном секторе, разоряя крупные и поддерживая экономически беспомощные бедняцкие хозяйства. Так только им предоставлялись льготные кредиты, хуторским Сельсоветом снижались налоги, но как правило, все это мало помогало. Зачастую семенное зерно и розданный экспроприированный скот использовались бедняками в качестве дополнительного продовольствия. Резко пошла инфляция. Приобрести в местной лавке что-либо уже можно было с большим трудом. К примеру, если до революции, чтобы купить хорошую сеялку хватало пять мешков пшеницы, то в 1924 году требовалось уже 50 пудов (1 пуд = 16 кг). И невозможно было что-то местным продать на базаре. В районную станицу Усть-Лабинскую (с 1925 по 1934 г. х. Братский входил в состав Усть-Лабинского района) ездить обывёнкой (одним днём) было совсем не с руки – слишком большое расстояние, да и обычными стали грабежи по дороге. А мост через реку Кубань на станицу Ладожскую, после того как его в 1920 г. подорвали отступающие части Кубанской Армии, как тогда не пытались, так никак и не смогли восстановить. Предприимчивые лодочники ломили за переправу баснословные деньги, наживаясь на всех.

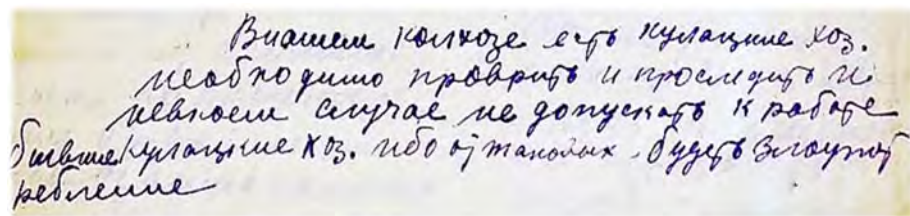
Так переправлялись через р. Кубань с Ладожского базара на х. Братский в конце 20-х гг.

С 1926 учебного года на хуторе была закрыта хуторская церковно-приходская школа, где учёба со старорежимными учителями Мирошниковой Е.Г. и Дьяченко Т.И. не соответствовали советским требованиям. На её месте было сделано культурное заведение для хуторян с пятью кружками: сельскохозяйственный – вёл Дьяченко Ф.Н, кооперативный – Манько Прокофий, поэтический – Соловьев, драматический – Кузнецов, естественный (пропаганды) – Казанов В.И. А 36 детей в тот год числилось в начальной советской школе расположившийся в усадьбе на хуторе Миронова Дмитрия Ивановича (реально посещало вдвое меньше), созданной на базе старых казачьих МНП. Школой заведовал молодой преподаватель Рябоконтъ Георгий Евстафьевич. Получал он 53 руб. в месяц и было ещё два старорежимных учителя на три группы учащихся.

В самом конце 20-х годов пошли на хуторе Братском сумасшедшие планы хлебозаготовок, самообложение, какие-то страховки, навязывание советских облигаций под обязательную сдачу хлеба. Приятеля прадеда – бывшего судью Маловика Тимофея, не смогшего заплатить наложенного на него самообложения, милиция избила и издевались над ним. В какую сторону тогда не кидался прадед – не отвяжутся местные власти и не оправдаешься, всё равно заберут почти весь урожай под продразвёрстку. Но, тем не менее, всем в семье как-то удавалось оставаться в живых и растить детей. Вот так и прошли очередные пять лет жизни моих предков. Именно в эти ещё более, менее сытые годы на хуторе родился мой отец Анатолий – 25 апреля 1927 года.

А потом обстановка стала резко меняться совсем не в лучшую сторону. Тогда на первый план Советским правительством ставились чисто политические задачи – полное обобществление всей земли и средств производства. Летом 1929 года на здании бывшей церкви появился плакат, призывавший всех бороться с зажиточными хуторянами, называя их кулаками. В сентябре 1929 г. в Сельсовете состоялось закрытое совещание хуторского и партийного актива из 45 человек, в котором принял участие уполномоченный Усть-Лабинского Райкома ВКП (б) Кундурис. Он настаивал на использовании в юрте системы «стодворок» и «десятидворок» (трудовая порука, при которой планы заготовок давались группе дворов). Постановили т. Мартынову составлять такие списки, усредняя бедняков и батраков с зажиточными. Потом обсуждались вопросы организация на землях Сельсовета новых колхозов и раскулачивания. Хуторянам предложили самим провести раскулачивание тех, кто раньше использовал батраков. Уполномоченный заявлял, что здесь нужно придерживаться только классовых принципов,

срочно проводить разукрупнение и организовывать новые колхозы без бывших кулацких элементов. Многие тут же решили подать заявление о выходе из колхоза-гиганта и войти в новый. Некоторые находились в состоянии растерянности и не знали, как быть дальше. Совещание шло всю ночь, кто сейчас станет кулаком – тогда так ни к чему и не пришли.

Вниман колхозе ест кулацкие хоз.
необходимо проверить и проследить и
в таком случае не допускать к работе
бывшие кулацкие хоз. ибо в противном случае будет
разделение

Из протокола заседания актива ВКП (б) х. Братского в сентябре 1929 г.

В итоге, после долгих переговоров с группой бывших красных партизан представителям власти удалось составить актив, через который на землях Братского товарищества начали создавать новый колхоз им. Воровского. И вот под все эти «дела» наших в него брать не стали. Для посевов им тогда предложили участок земли сразу за Зеленчуком на пригорке за Екатериновской, справа по дороге на Болгов. С большим трудом там удалось потом посеять около трех десятин озимых культур. Участок хоть был и недалеко от хутора, но пригоден фактически только для бахчи. Поле было изречено обилием сорняков, особенно колючей ажины – пшеницу убирать на таком поле было невозможно. Её кусты исцарапывают все руки и колени. Подгрести граблями тоже было очень нелегко: на каждом шагу зубцы граблей цепляются за плети колючек.

В ноябре 1929 года было издано постановление ЦК ВКП(б) о сплошной коллективизации, обязывавшее все крестьянские хозяйства работать со своим инвентарём и лошадьми только на коллективных полях. Сталин объявил о "полной ликвидации кулачества как класса". Скот и перевозочные средства отбирались, а сами они в случае «саботажа» должны были привлекаться к ответственности или вообще выселяться. Услыхав об обобществлении скота, наши решили всё же от него избавиться. Но цены на скот тогда так сильно упали, что приличную лошадь нельзя было продать даже за 10 новых рублей, в то время как год назад она стоила на базаре 70-100 рублей. В хуторе были случаи, что лошадь сбывали за четверть водки и тут же пропивали. Некоторые хозяйства пустили под нож всех своих телят, овец, свиней, кур. Но тут же сразу пошли по дворам активисты, стали переписывать остатки живности и вызывать владельцев на правление для проведения им разъяснительной

работы о необходимости выполнения плана заготовок. Прадеда в это время дома не было – он ездил по соседним хуторам, чтобы сменить свою семенную картошку на чужую (для севооборота). Узнав о том, что прадед хочет продать тяговых волов, по его приезду коммунисты через Сельсовет взяли подписку о невыезде и приказали «готовить сухари». В то время многие держали их запас.

Местная комячейка причислив тогда прадеда к кулакам и белым казакам, стала рассматривать его как лицо, возрождающее идеалы казачества и частнособственничества. В 30-х годах за хранение казачьей сабли, формы, папахи или вообще даже за старые фотографии казаков можно было сильно поплатиться и запросто попасть в трудовые лагеря. Потому мало что из этого сохранилось у наших родственников от того времени. Если просматривать фото тех лет, то бросается в глаза, что на хуторе до 30-х годов на снимках много взрослых и детей сидели в папахах. А уже с 1933 года ни одного вообще не увидишь. Некоторые старики тогда даже завещали хоронить себя со снимками своих родителей на груди, что бы они остались с ними навечно. А выжившие их дети молчали долгие и долгие годы. Так было и в нашей семье.

Среди пришлых бедняков были тогда такие, как выражались, чисто «собесовские» настроения: побыстрее войти в колхоз и прокормится за счёт него. Они и начали войну с местными – следили и заявляли, куда только можно, об остатках хлеба у них и вообще, кто, сколько и что имеет, где там прячет. Поскольку многие крупные хуторские хозяйства были разорены ещё во время гражданской войны, кулаками теперь становились середняки, которые ценой своего упорного труда добились какого-то благополучия. Когда пришло время выявлять кулаков, большую роль играла личная антипатия, зависть. Часто во внимание принималось нежелание того или иного хуторянина вступить в колхоз. В нашей семье начал намечаться серьёзный недостаток в еде и особенно в посевных материалах. В то же самое время коммунисты начали очередной погром церкви, при котором верующими до полусмерти был избит руководивший этим член комсода – Гармаш. Это всё оказывало гнетущее влияние на набожного прадеда. Он ворчал: «*Комунцы ведь як попы балакають, тільки их чірти прислали на нашу землю, шобы увесь чесний народ звести*». Появились такие явления как пьянство, мордобой между соседями, ненависть к земле и отсутствие трудолюбия, что никак не было присуще этим же людям раньше. Пошло много случаев воровства скота. До коллективизации на хуторе у людей замков во дворах на калитках не было. Вот тут и случалось, что иногородние просто заходили и уводили у местных скотину или просто воровали курей.

В самом начале 1930 г. опять пошла очередная волна репрессии по отношению к хлеботорговцам. Основанием для этого послужило Постановление ЦИК от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по борьбе с кулачеством» об их массовом выселении с конфискацией имущества. Партком Братской комячейки (Сидоренко, Красилов, Кузнецов и Мартынов) составил список из 32 кулацких и 5 зажиточных хозяйств. В список попали те, кто до революции были просто зажиточными крестьянами или казаками и ещё продолжали жить в юртах хутора Братского. На закрытом объединённом партийном заседании Братского и Болговского Сельсоветов в составе: членов бюро Винник Т. Ф., Винник М., Коломиец, Гончаров, Федченко, Шлавцов и членов партии Сидоренко, Клименко, Ефименко, Гончаров А., Башмаков, Бунин В., Чистяков и Кундулис, он был утверждён. Этот список подали начальству для выноса окончательного решения на совместном бюро ВКП(б) и Райисполкома Усть-Лабинского района об выселении этого саботирующего населения за пределы края.

Но накануне арестов один из членов Райисполкома (Кузницын) сообщил об этом сыну прадеда – Якову, работающему тогда в 13-м отделении милиции. А тот вечером послал своим весточку о том, что мол уже постановили многих раскулачить в Братском и их будут арестовывать завтра или же послезавтра. В том числе и его отца. А секретарь хуторского сельсовета Григорий Хоружевский – родной брат бабушки Сани, поточнее разузнав про всё это, сразу пришёл и передал прадеду: «*Тикай дядька Конон, уходи с дому, колысь завтра прыйдуть и за тобой*». Прадед сразу же срочно собрал всех своих и сказал: «*Ну шо, дитятки вы мои, вже зрозуміли, що пошла жизнь наша не гулінка, но тільки поки-що и не захоventa. Мабудь трэба нам усім разбегатыся, таки легча будя выживаты. в одиночке. Так що тапереча жити усе своим вумом, вы за мэны вжеж ни пред кем не в ответе*». Сам быстро собрался, одел бурку, взял торбу и под причитания жены и плачь родных ему внуков ушёл из дома на ночь глядя.

И правда, на следующий день холодным утром 14 февраля со ст. Усть-Лабинской приехало на линейке двое вооружённых работников ГПУ во главе с уполномоченным Брауном, а с ними местное начальство: секретарь ячейки ВКП(б) Гончаров и новый председатель колхоза им. Воровского – Ковалёв с кучей комсодов. Они-то и проговорились: «*Советская власть морить вас казачур не запрещаает. Вы нам в новом мире не нужны*». Сразу начали выселение. Попытки моего деда воспрепятствовать этому сразу пресекли работники ГПУ, достав пистолеты и направив на него. Пожитки, завязанные в узлы, вынесли на

улицу. Остальное всё писарь колхоза Иван Винник аккуратно описывал и тут же записывал в акт. Конфискованное имущество, за исключением той её части, которая была зачтена в счёт погашения обязательств государству, было передано в качестве взноса в колхоз вновь прибывших бедняков с России. Церковные книги прадеда были преданы огню. Остатки приусадебной земли семьи пошли в колхозную собственность.

Есть такое выражение «полное опустошение» – оно, как нельзя лучше, подходило к тогдашнему положению, а в большей мере, к духовному состоянию большинства членов нашей семьи сразу после раскулачивания. Добровольно отказаться от владения землёй, получения радости от результатов труда на ней, отречься от своей лошади, от коровы, ради которой он привык жертвовать всем, которая кормила ребятишек, человек с хлеботорговскими корнями просто так не мог. Выгнанные из собственного дома, подавленные, не имея устремления и уверенности в будущем, не прося Божьей помощи, они уже не способны были вообще что-либо созидать. Тогда семья прадеда была разрушена под корень. Жизнь для них теряла всякий интерес и смысл.

Утверждение Усть-Лабинским Райисполкомом действий Братского Сельсовета по отнесению семьи Апанасенко Конона к явно-кулацким и лишение её прав граждан СССР

Тогда в 1930 году ситуация на самом хуторе была крайне напряжённая и сопровождалась кровавыми драмами. Кулаками уже считали не только тех, кто имел помногу лошадей и волов, но и тех, у кого была железная крыша. У выселяемых конфисковали инвентарь, скот, птицу. Людей увозили приезжавшие из района уполномоченные ГПУ, и они потом бесследно исчезали. Многие семьи старожилов от безысходности в то время разбрелись по Кавказу, а окрестные хутора просто побросали на произвол судьбы – в хатах там уже практически ничего ценного не оставалось, кроме пустых построек бывшими когда-то для них родным и милым домом. На окружающих Братский хуторах уже практически совсем не оставалось взрослого мужского населения, как старых, так и молодых – часть поубивали, часть отправлена на ссылку, а часть сама побежала в станицы и города. Оставшиеся мужики большей частью были тогда больными калеками, дети малы, а молодёжи совсем недостаточно.

В 1930-х годах, когда страна только-только начинала сплошную коллективизацию, прежний исторически сложившийся крестьянский уклад жизни на хуторе был полностью разрушен. Насильственная коллективизация стала настоящей войной, объявленной Советским государством против всех зажиточных хлеборобов. Бедняки и иногородние все с радостью шли в колхоз, думая навсегда связать с ним свою жизнь. Коллективизация была для них единственным путём к своей сытной и обеспеченной жизни. Большевизм принёс им радости и надежды, а большинству коренных жителей хутора – неисчислимые личные трагедии. Как и прадед они все считали, что революция произошла для того, чтобы любой трудящийся человек жил лучше, а земли в России всем хватит. Но новое государство без разбора попирало их человеческое достоинство, обрекало на смерть и голод ни в чём не повинных, но почему-то классово чуждых ему людей. И всё это было со своими гражданами-единоверцами, в своей же стране под идеей «благих целей» для создаваемого нового Советского общества.

Через некоторое время все узнали, что многие из членов Братского товарищества, кто имел большие хозяйства и оставался ещё на хуторе, оказались ещё в более худшем положении чем семья прадеда – их семьи просто сослали в Сибирь. Всего на хуторе было раскулачено 12 кулацких и 5 зажиточных хозяйств. Кто противился – того арестовывали. Маловика Тимофея Федоровича, который особенно агрессивно отнёсся к экспроприации его собственности, увезли в Усть-Лабинск приехавшие рано утром милиционеры, там быстро осудили и больше от него никаких сведений уже не поступало. Оставшиеся члены семьи Маловиков сразу же были высланы на спецпоселение в посёлок Чердынъ Пермской области вместе с десятками таких же хуторян.

Раскулачены были родственники прабабушки Дарьи, мои прапрадеды Солодкие. Реквизирован весь их садовый участок и дом. В Советское время в нем находилась средняя школа, а позднее комбинат Бытового обслуживания. Сами Солодкие, не имевшие особых «грехов» у Советской власти, почти всех приняли в новый колхоз. Правда потом решением Братского сельсовета часть семьи Солодких за заслуги перед Советской властью всё же получила в своё хозяйство заброшенную хату вымерших в голодовку семьи Дреевых. А вот другая часть долгое время так и ютилась во временке на пустующем участке в хуторе Пятихатки. У прадеда Павла Хоружевского из-того, что его сын Максим служил когда-то в Белой Армии – обобществили всю скотину, даже несмотря на то, что его другой сын Григорий был в то время активистом Сельсовета и вошёл в колхоз со своим имуществом.

Партийные и советские власти нового строить ничего не стали, очень понравился им внушительный кирпичный дом прадеда Конона в центре хутора и местным Советским органам было рекомендовано его реквизировать. Перешёл он по акту в собственность Сельсовета. По его же решению в реквизированном доме поселилась школа крестьянской молодёжи (ШКМ), которая была ранее организована на хуторе Миронова в 1926 году. Спустя много лет хуторские старики, которые тогда были маленькими детками и учились в той ШКМ, очень неохотно и с тяжёлым чувством, будто бы это они сделали что-то несправедливое, вспоминают то время, когда они начали учиться в ней с 1930 года. Видимо то, что ты находишься в чужом доме, где ещё не остыло тепло домашнего очага, долгое время висело тяжёлым грузом над учениками этой школы. Им тогда новые советские учителя говорили, что здесь жили кулаки-эксплуататоры, которые грозились уничтожить народную советскую власть и лишить их счастливого детства. Но многие из этих детей были нашими хорошими знакомыми, свояками и даже родственниками, и они никак не могли взять в толк, как это в одночасье вдруг наша семья стала такой плохой и враждебной для всех окружающих.

Первые ученики Братской школы крестьянской молодёжи.
Слева во втором и третьем ряду от верха – Хоружевские (пятеро) с директором Никитиным. Фото 1930 г.

Весьма интересны воспоминания стариков про эту школу. С 1931-32 учебного года всем детям зажиточных крестьян и казаков от поступления в неё стали отказывать. Но уже с 1933 года из-за малочисленности состава стали зачислять детей всех возрастов поголовно со всех окрестных хуторов. Первый директор школы – Никитин Михаил Васильевич, по их рассказам был инициативный руководитель, сам по себе довольно умный и талантливый организатор, но тяжело переносил давление окружающих событий. На следующий год его сменили на молодую специалистку, присланную партактивом с района. Старики помнят, что звали её Нинель.

Интересен ещё такой факт: по приказу сверху в учёбе детей новая директриса сразу начала «украинизацию» – так называемый «ландский» метод обучения (ландский, ланска – на балачке разграничение, в то время 80% хуторян разговаривали на ней). Директриса директивно стала осваивать коллективные методы такие же, как и в колхозах. Она создавала бригады и звенья из одинакового возраста детей, которые разделялись по изучению на русском или украинском языках. Основанием раздела служило фамилия родителей, а не желание ученика. Ученики образовывали звенья, три четверти звеньев получились украинскими. За усвоение материала всеми членами звена в целом потом отвечал сам звеньевой. Тот, кто знает больше, должен подучивать более отстающего. Одними из таких «ланских бригадирчиков» были Георгий Хоружевский и Иван Драгунов. По их пересказам, половина звеньев беззаботно относилась к учёбе и плохо готовилась к контрольным, надеясь, что сам бригадир ответит за их всех. Письменные работы оценивались индивидуально, но и их легко можно было списать. Дети с плохим материальным положением обычно были вынуждены помогать родителям по дому и поэтому редко могли посещать уроки. На занятиях слабоуспевающие дети старались, как правило, отмалчиваться. От имени бригады выступали хорошо знающие, а оценки преподавательница выставляла бригаде в целом, что распространялось на всех членов бригады. Ещё она устраивала еженедельные соревнования между бригадами. Из-за всего этого некоторые дети, имеющие хорошие знания, просто бросали школу – родители не могли их ни какими силами затащить в классы и те пустовали. В 1933 году ЦК ВКП(б) принял постановление «О прекращении украинизации», бригадно-звеньевой метод, как вредный и ухудшающий усвоение материала, был осуждён партией и совсем отменён. Хотя украинизация распространялась на Кубани легально, за её проведение почти все учителя в Братской школе были либо уволены, либо же каким-то образом репрессированы.

В учебный план новой ШКМ был включен курс сельского хозяйства и обязательный производственный труд в колхозе. Хуторские власти тогда вынуждены были повсеместно направлять школьников на полевые работы после учёбы. Поначалу и в выходные, а потом стали отправлять их уже с отрывом от занятий на двухнедельные сроки. Младшим отводили ближние участки. Старшие же уходили с ночёвками подальше в поле. Вместе с преподавателями они трудились в поле целыми днями. Кормили их скромно – были голодные годы, спали они на сене, мокли под дождём. Массовыми были простудные заболевания и случаи, когда дети умирали от воспаления лёгких.

К слову сказать, на хуторе Братском уже с 1934 года была весьма хорошо налажена пионерская и спортивная работы. Одними из активных пионеров тогда были Вася Цыкало, Миша Перпелица, Нина Рябошапка и Нина Хоружевская. Они обладали хорошими артистическими способностями и по праздникам в клубе (здание бывшей церкви) делали из гимнастических и акробатических элементов настоящие цирковые выступления для жителей хутора.

Первые пионеры хутора Братского. В центре сверху Перпелица Миша, ниже Цыкало Вася и маленький октябрёнок Юрий Розенфельд. Девочки: Дьяченко Нина, Рябошапка Нина, Хоружевская Нина, Гришина Дуня, Коломийцева Рая, Долбня Вера. Фото 1935 года.

В 1935-м году при школе создали народный театр, в котором вместе с акробатами выступала Нина Дьяченко с Дуней Гришиной. Ставили популярные тогда пьесы Чехова из прошлого века, с которыми ездили по бригадам колхоза и в поле делали настоящие представления с декорациями. Иногда по выходным народный театр заранее объявлял свои выступления на площади возле бывшей церкви и к назначенному времени собиралось довольно много народу. А зимой в доме культуры яблоку негде было упасть. Колхозники, не избалованные кинотеатрами и другими зрелищами больших городов, были очень рады таким выступлениям, активно хлопали и хвалили ребят. Их творческие работы всякий раз воспринимались с большим воодушевлением, имена самодеятельных актёров были на слуху. Одна из одноактных чеховских пьес-водевилей, которую до сих пор ещё вспоминают старики, называлась «Воловы лужи» (в оригинале – «Предложение» или «33 обморока»), про то, как соседи-помещики всё спорили, спорили и не могли поделить между собой межевой луг. Главную роль невесты – «Натали Степановны» в ней играла Нина Хоружевская. Были так же в репертуаре и современные пьесы, в которых высмеивались хуторские лодыри, пьяницы или «пережитки прошлого». Артисты ходили по хутору счастливыми, их все узнавали и просили ещё выступить. Хороший был при школе танцевальный коллектив, которым руководила на добровольных началах Крамаренко Александра Марковна. А мальчики активно посещали конноспортивную секцию, в которой активистом был Виктор Хоменко. Попеременно с Алексеем Хоружевским они занимал первые места в районных конноспортивных смотрах в посёлке немцев-колонистов Семёновском, где был большой племенной конезавод. Они могли поднять с первой попытки лежащий на земле белый платок, при этом не останавливаясь и не замедляя ход коня.

В последующих годах на базе Братской ШКМ открылась неполная средняя школа №5, а по хуторам Сельсовета создались начальные школы: №6 Неелинская, №7 Ново-Екатериновская, №8 Саратовская, №9 Гунькина, № 10 Финогеновская, №11 Согласная. В самом Братском заработала вечерняя школа по ликвидации безграмотности. В те предвоенные годы ребята не были оторваны от жизни страны. Детям оборудовали две автомашины и возили на экскурсии в города. В июне 1940 года Братским сельсоветом был торжественно открыт пионерский лагерь для детей колхозников на берегу Тшицкого водохранилища (возле Усть-Лабинска, недалеко от впадения реки Белой в Кубань, в 1968 году его поглотило Краснодарское водохранилище).

А тогда в 1930 году при раскулачивании семьи Апанасенко новая Советская власть, учтя *«просьбу некоторых хуторян из «стодворки и заслуги Конона Корнеевича во время революции»* в качестве милости никого из оставшихся жильцов дома не сослала в дальние края. Возможно, ещё потому, что помогли многочисленные родственные связи прадеда в районе. А может ещё и потому, что во всех семьях сыновей прадеда было много маленьких детей. Самого Конона Корнеевича новые власти обвиняли в том, что при власти белых он был членом Кубанской Казачьей рады и принимал участие в её заседаниях, поддерживая при этом самостоятельность Кубани, хотя по факту это было совсем не так. В новый колхоз *«учитывая классовый принцип»* никого из семьи брать не стали и хуторское начальство предложило им расселиться на выделенном ранее участке рядом с имением Миронова, отделённом от его национализированных земель. Это на самом высоком пригорке сразу за хутором Ново-Екатериновским, направо по дороге в хутор Болгов, сразу за дамбой через речку Большой Зеленчук. А если это их не устраивает, то вообще-то желательно покинуть окрестности хутора и не мозолить глаза советскому и особенно партийному руководству, что большинство детей Конона Корнеевича в последствии так и сделали.

Правда, через несколько месяцев после всех этих репрессивных событий мой прадед Конон сам объявился на хуторе и даже не побоялся поселиться с прабабкой на выделенном семье участке. С него очень хорошо видны все окрестности и дороги, да и сам хутор Братский, ну как на ладони. Рассказывали, как прадед рано утром выходил на пригорок и долго тоской смотрел вдаль, туда где стоял его дом. С помощью своих сыновей он успел соорудить на новом месте турлучную хатку-временку. В наше время возле дороги на том участке я ещё находил остатки фундамента из забутовочных камней, да следы очень глубокого колодца. Но прошло немного времени и в 1932 году к нему опять нагрянули местные милиционеры, пытающиеся арестовать его для отправки на суд. На сборном пункте при Сельсовете, где уже сидело под замком с десяток таких же бедолаг, он снова как-то смог скрыться от расправы и сбежал. Поговаривали родственники, что участковый Еременко, хорошо зная его сына Якова по работе в милиции, просто взял, да и отпустил его восвояси, рассказав всем, что прадед убежал. Тем не менее с хутора он успел уйти вовремя, до конвоирования прибывшей из райцентра машины с большой охраной. Местные Советские власти потом во всеобщей суматохе с коллективизацией и раскулачиванием его больше уже не пытались разыскивать, хотя он был заочно осуждён и числился в списках лишенцев из явно-кулацких хозяйств, подлежащих выселению за пределы края.

О дальнейшей судьбе моего прадеда Конона Корнеевича Апанасенко достоверно нам ничего не известно. По слухам, он вроде бы пешком двинулся к брату Филиппу, куда-то в Апшеронский район на хутор Ким. Там его вроде приютили. Но как стало впоследствии известно, что и этих родичей в том же году сослали всей семьёй как кулаков в Пермский край.

В биографии Николая, младшего сына Конона, написано, что его отец был раскулачен и осуждён на два года, а позднее в 1937 году он сам написал *«не судили, изъяли как единоличника»*. Как понимать слово *«изъяли»*, мне никто не смог объяснить. Прабабушка Дарья, похоже, что-то об этом знала, но даже мой дед, у которого она проживала всё то время, не смог что-либо конкретно прояснить по этому вопросу, или же возможно не очень хотел. По рассказам же ближайших родственников, последний раз прадеда Конона видели в семье его старшего сына Якова весной 1938 года, в станице Апшеронской. Пробыл он там у них с полдня. В это время его самый младший сын Николай работал слесарем-монтажником на промыслах «Май-Нефть» в Нефтегорске. Мой дед Иван также посещал Апшеронск в то время. Похоже, что там была запланирована последняя встреча сыновей с отцом.

После этого след Конона Корнеевича окончательно теряется и до нашего времени не дошли никакие сведения о дальнейшем его местопребывании. Где он потом скитался, как жил все оставшиеся годы до самой своей смерти, где похоронен – вероятно только одному богу известно. В семье я слышал разговоры, что возможно он тогда работал где-то на нефтяных промыслах в станице Нефтегорской – тогдашние дети Якова помнят, что от него сильно пахло каким-то ярко выраженным запахом керосина. В тех краях тогда для перевозки нефти ездовыми в обозы нанималось довольно много всякого рода людей, в том числе и такие как мой прапрадед, мало кто в то время соглашался на весьма грязный и низкооплачиваемый труд. В общем, до внуков при социализме полноценные сведения о нем доведены не были, старшие тщательно всё скрывали до самой смерти.

Ещё про самого прадеда родственники рассказывали, что за несколько лет до начала Отечественной войны 1941 года маленькие внуки подсмотрели, что прабабушка Дарья получила какую-то весточку – потёртую записку тайно приносил сильно обносившийся мужчина, очень заросший, совсем без зубов и дурно пахнущий. Плакала она потом очень долго, но никто из ближайших родственников по их рассказам самого прадеда больше живым не видел. Так что с конца 1938 года вестей от него уже не было. В лучшем случае, вероятно он всё-таки дожил до возраста 72 года.

Прабабушка Дарья, оставшись после раскулачивания на руках с малолетним сыном Николаем долго потом ютилась по чужим хатам, полураздетая и полуголодная. Надо было самой всё начинать сначала, а начинать то не с чего. У неё не было даже обуви, чтобы выйти куда-то из дома, не говоря уже о хоть какой-то работе в колхозе. Потянулись тяжёлые, беспросветные дни безысходности и лишений как жены «врага народа». Долгое время, до самой войны жила она в семье моего деда Ивана на хуторе Орлова (сейчас это ул. Восточная д.72), куда после 1933 года с хутора Братского отселяли семьи раскулаченных хуторян, на пустующие земли расстрелянных в революцию казаков некрасовского юрта. А после войны, когда дед с семьёй уже вынужден был переехать в станицу Апшеронскую, её приняла средняя дочь Ганна (по-уличному все её звали Галей). Выйдя замуж за Киптило Георгия Михайловича, семья Ганны к тому времени проживала на хуторе Ново-Екатерининском (первые дома как в него въезжать) и имела четверых детей. У неё была своя семья, лишних средств, естественно, не было. Но дочка и её дети смогли обеспечить прабабушке хороший уход. Со всякими старческими болезнями она провела там весь последующий остаток своей жизни. Пережившая в свои молодые годы три голодовки и две войны, едва дождавшись прихода с войны оставшихся в живых своих двоих сыновей, так и не познавшая всех радостей счастливой семейной жизни в своём доме вместе с мужем, детьми и внуками, умерла она 3 апреля 1948 года, не дожив всего неделю до 81 года. Похоронена на кладбище хутора Ново-Екатерининского, Братского Сельсовета.

Много лет уже прошло с тех пор, как мои прадеды оставили этот мир, но добрая память о них живёт в сердцах родственников и всех знакомых нам людей. Из тех, кто их помнил на хуторе Братском не нашлось ни одного человека, чтобы смог плохо отзываться о них. До коллективизации в их семейных альбомах были фотографии нашего большого рода, по рассказам прабабушке Дарье ей достался и альбом семьи Солодких с предками, но при раскулачивании все они были вынесены комсодами из дома вместе с кипами каких-то бумаг и сожжены. К сожалению, тогда исключительно важная часть истории моего родового древа превратилась в пепел.

* * *

О сыновьях Конона Корнеевича и Дарьи Алексеевны

Федор
Фото 1925 г.

Яков
Фото 1930 г.

Иван
Фото 1937 г.

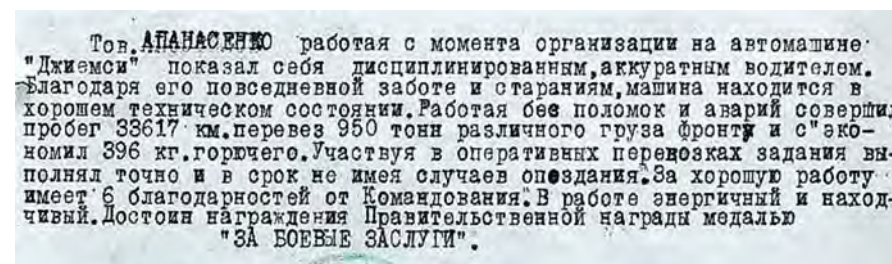
Николай
Фото 1944 г.

Мой прадед, после событий 1930 года на хуторе Братском ещё долго надеялся, что всё будет по-справедливости – не за что раскулачивать его детей. Никогда ведь от веку его семья не сидела сложа руки: пахала, сеяла, строила дома, активно участвовала в общественной жизни хутора. Все дети были обучены грамоте и занимались хлеборобским трудом, не пользуясь чужим трудом. Но вышло совсем не так. Почти сразу на всех прадедовых сыновей пошли репрессии от органов. Поэтому, чтобы не ждать, когда придут за ними для отправки в Сибирь, все они со своими семьями сразу стали разъезжаться по разным регионам Кавказа.

Старший сын прадеда Конона – Фёдор женился рано в 1922 году на Арине Архиповне Сосна. После раскулачивания осел с двумя малолетними детьми в селении Семёновское Ванновского района, образованного на Кубани в феврале 1928 года из бывшей немецкой колонии. Русских там жило очень мало, из населения в 1000 человек всего 10 человек, остальные все были немцы. Начал он работать конюхом на ферме по выращиванию породистого молодняка лошадей. Вообще Фёдор хорошо изучил немецкий язык ещё раньше, у него было много друзей среди немцев. Во время голодовки 1932-33 годов в этом посёлке ему удалось избежать лишений, хотя достигнуто это было большим трудностями – в поисках пропитания в посёлок массово хлынули люди из станицы Ладожской. Семья получала от колхоза скудные пайки строго нормированного второсортного хлеба. До 1937 он проработал на конезаводе, который занимался выращиванием племенных лошадей черноморской породы. Эта порода боевых коней имела очень хорошее чувство хозяина. Но в июле 1937 года в среде этнических немцев посёлка началась чистка «по ликвидации шпионско-диверсионной базы»,

продолжавшаяся до 1941 года. Фёдора вначале тоже забрали в НКВД, хотели с семьёй депортировать за подрыв колхозного строя, как сына кулака. Но потом отпустили. Боясь новых репрессий, он сразу же уехал с семьёй в Николаевскую область, к каким-то родственникам жены.

С началом войны, в августе 1941 года Фёдор Кононович пошёл добровольцем в народное ополчение, окончил шофёрские курсы. С июня 1942 года попал на фронт. Повоевал он добросовестно всю войну водителем в 63-м Автополку 20-й Автобригады 2-го Украинского Фронта, имел ранения. Был награждён медалью «За боевые заслуги».

Из наградной характеристики Фёдор Кононовича от 22 мая 1945 года.

После войны Фёдор вернулся с женой в родной хутор Братский к матери и семье брата Ивана, моего деда. Но работа в местном колхозе как-то сразу у него не сложилась из-за разногласий с руководством. В 1947 г. он переезжает в бывший конезавод посёлка Семёновского, где у него оставалась маленькая хатка. Там принял участие в восстановлении племенных особей лошадей в государственной заводской конюшне (ГЗК). Ранее, с началом войны, когда всех до единых немцев в ближайшей округе выселили на восток страны, конезавод закрылся, посёлок опустел. Но после войны переселенцами с центральных областей посёлок постепенно начал заселяться, восстановился и племенной состав конюшни. Сейчас таких лошадей нет, государственную книгу этой породы закрыли в 1979 году и в этом же году Фёдор Кононович умер.

Дети, что жили с Фёдор Кононовичем ещё раньше поразъехались – дочь Вера (1923 г.р.) по молодости выйдя замуж, уехала с мужем в г. Суммы, там и прожила всю жизнь. Сын его Алексей (1926 г.р.) после войны отсидев два года за драку с поножовщиной с сыном одного из партийных руководителей на х. Братском из-за любимой женщины, после армии перебрался в город Краснодар. У Алексея Фёдоровича детей не было, а меня он с женой Валей, очень сильно любившей его, всегда хорошо привечал и помогал устроиться с жильём. По жизни он был весьма добропорядочным и правдолюбивым человеком. Умер случайно в 1980 году из-за ошибки хирурга на операции по вырезанию грыжи в животе.

Средний сын прадеда Конона – Яков женился 12 октября 1923 года на дочке местного зажиточного казака из х. Раздольного (Платнировская) Ксении Зиновьевне Величко (24.01.1904 г.р.). Появилась через год у них девочка Раиса (14.01.1925 г.р.) и его тут же сразу забрали в РККА на действительную службу. А после службы в армии (во Владикавказе), в сентябре 1929 г., как только вернулся в семью по демобилизации, поступил младшим сотрудником в Усть-Лабинскую районную милицию. В то время ему удалось каким-то образом попасть в ряды Красной милиции, и он, имея звание сотрудника НКВД, попытался продвинуться по служебной лестнице. Оттуда его направляли в разные районы края по работе, в том числе и в Краснодар, он был в курсе всех происходящих тогдашних событий. Его служба помогла семье не только материально, но позднее видимо как-то спасла всех от выселения в Сибирь.

Удостоверение Якова Кононовича при его работе в органах милиции

Но работа, как оказалось, была весьма сволочная – сопровождать грузы с экспропрированным продовольствием. В Краснодаре в 4-м отделении милиции НКВД, где он уже потом служил, видя его недовольство этим, очередная комиссия по чистке рядов в марте 1932 года чуть не засадила его как сына белоказака – посчитали, что он скрыл от партийных органов многие весьма важные факты из своей жизни. Кое-кто, кое-кому доложил

своевременно, что отец его кулак находится в бегах, да к тому же он написал при поступлении в своей анкете происхождение «хлебороб» – посчитали, что обманул. Начались различные выяснения и допросы. Его быстро уволили из милиции и боясь репрессий ему пришлось срочно покинуть город Краснодар. А через несколько лет мытарств с семьёй по Кавказу – побывал в Орджоникидзе, Грозном, Новороссийске, в итоге поселился в 1933 году в станице Апшеронской Краснодарского края. Начальником районного узла связи в то время там был Андрей Матирный, муж его сестры Матрены. Довольно грамотный Яков сначала начал работать у него на почте разносчиком, потом стал завхозом, а позднее завотделом Апшеронского райотдела связи. Во время войны его мобилизовали и 23-го августа 1941 года отправили на ускоренные командные курсы. После их окончания всех отправляли сразу на фронт. Последнее место его службы – 2-й батальон 46-го запасного стрелкового полка 15-й запасной стрелковой бригады, дислоцировавшейся в Урупских лагерях (это старые казацкие, что на Зеленчуке возле Армавира). Дата выбытия из воинской части – 11.09.1941 г. Подразделения его команды № 3007, отправленные в этот период из 46-го полка, пополняли воинские соединения действующих армии Ленинградского фронта. Впоследствии по документам Яков Кононович пропал без вести, не прибыв на фронт, вероятно попал под бомбёжку по дороге. Это где-то в районе Аксая, под Ростовом. Один из выживших его сослуживцев в письме домой сообщал, что когда налёт врага окончился, то возле вагонов на том месте обнаруживались только куски человеческих тел и одежды.

Но есть ещё вероятность, что Яков Кононович всё-таки тогда выжил и после госпиталя каким-то образом оказался на хуторе Братском. Близкие родственники об этом ничего не хотели рассказывать, но косвенно по их поступкам того времени можно было об этом легко догадаться. Имеются рассказы старожиллов хутора Братского, а также детей его родной сестры Ганны, из которых можно сделать вывод о том, что сразу после оккупации хутора немцами, те прятали и кормили какого-то тяжело раненного солдата, скрывавшегося в прикубанском лесу. Фамилию и имя его не знали, а вот звали все его «Коньч». Местные деды мне потом рассказывали, как тот вынужденно оказался дезертиром из-за своего сильного ранения. После госпиталя он должен был бы направлен на долечивание домой сроком на шесть месяцев. А когда при выписке получал в дорогу на складе сухой паек, то увидел, что кладовщик подцепил небольшой магнит под тарелку весов с гирькой – раненый видать был опытный человеком в этом деле и смог определить на глаз вес продуктов. Есть вероятность, что это мог быть брат моего деда – Яков

Кононович, он ещё до войны окончил курсы продавцов. Сильно разгорячившись от такого обмана, «дал в глаз» кладовщику вещмешком за это, да так, что тот упал, ударился об стол и ненадолго потерял сознание. Очнувшись, тут же поднял крик и побежал жаловаться начальнику госпиталя, видимо с ним делился наворованным. И тот начальник, разорвав все проездные документы, выдал тяжело раненому бойцу направление на фронт, куда физически он дойти бы уже никак бы не смог. Но тот солдат выбрал немного другой маршрут. Так и оказался в тех местах, где родился – на хуторе Братском. Возможно, что с приходом немцев на хутор вместе с такими же скрывающимися в лесу бойцами каким-то образом попал в партизанское соединение. Не исключено что, хорошо зная дороги по своей прежней работе, смог вывести часть людей по занятой немцами территории в горы Апшеронского района на Майкопский партизанский куст, базировавшийся вблизи станицы Темнолесской и посёлка Мезмая. Не исключено что там и погиб. В нескольких военных воспоминаниях партизан 3-го Тульского отряда Майкопского куста встречается описание того, что они когда-то, когда шли копать картошку на одну из старых партизанских полян, что ещё осталась со времён революции между станицами Хамышки и Темнолесской, то там возле сожжённой сторожки нашли тела двоих убитых с Ладожского партизанского отряда (отряды были сводными и бойцы хорошо знали друг друга), один из них был в военной форме. В нем партизан Алтухов В.Д., работавший до войны в Тульском узле связи, признал тогда ответственного работника Апшеронской почты, фамилию которого он уже, естественно, не помнил. Рассказывал, что похоронили они их там же на поляне. Сейчас это место находится где-то чуть ниже турбазы «Серебряный Ключ», что в Партизанском урочище. К сожалению, документальных подтверждений всего этого не найдено.

Яков Кононович Апанасенко. Фото 1941 г.

Про жизнь Николая Кононовича

О самом младшем сыне Конон Корнеевича – Николае все тогда говорили, что он сильно похож характером на своего деда Корнея. И внешне, ну вылитый мой прапрадед. Родился он самый разгар революции 24 июля 1918 года, наверное, поэтому и был всегда боевой и горячий. В школу крестьянской молодёжи (ШКМ) на хуторе Братском её новый директор – Никитин Михаил Васильевич, почему-то принял Николая без всяких условностей. Вероятно потому, что успел окончить 4 класса начальной приходской. По рассказам взрослых, Никитин был инициативный руководитель, сам по себе довольно умный и талантливый организатор, но тяжело переносил давление окружающих событий. Николай же помогал ему в учебном процессе и подучивал младших детей, так как к тому времени он уже сам обладал этими знаниями. Специфика школы крестьянской молодёжи заключалась в привитии учащимся навыков сельскохозяйственного труда. Хуторские власти тогда повсеместно были вынуждены направлять после учёбы школьников на полевые работы. Поначалу в выходные, а потом стали уже отправлять с отрывом от занятий на двухнедельные сроки. Младшим отводили ближние участки. Старшие же уходили с преподавателями подальше в поле с ночёвками. Спали они на сене, мокли под дождём, кормили их всех довольно скромно – были голодные 30-е годы. По вечерам сидели за учебниками. Учёба в ШКМ-е с новыми советскими учителями давала Николаю новые познания. С 1935 года он уже целыми днями трудится в колхозе «Надежда Ленина» хутора Согласного и довольно успешно выполнял все нормы взрослого человека, за что получал от председателя колхоза Богатского дополнительные трудодни и пайки, которыми затем мог подкармливать мать. Начиная с 1930 года в Братском Сельсовете была весьма хорошо налажена агитационная и учебно-спортивная работа. Николай в свободное время посещал конноспортивную секцию, в которой был активистом. Однажды даже занял второе место в районных конноспортивных смотрах в посёлке немцев-колонистов Семёновском.

Несмотря на постоянные отрывы на сельхозработы Николай смог окончить 6 классов школы хутора Братского, а затем ему с трудом удалось поступить в Кавказское железнодорожное училище (ФЗУ) города Кропоткин. Была не очень чистая биография. Когда же он уже был на втором курсе училища, начались очередные репрессии. Ему как сыну «раскулаченного» предложили перейти на заочно. Так что очно училище ему закончить не пришлось, но справку о среднетехническом образовании от ФЗУ он все же как-то получил.

Николай Кононович Апанасенко с
племянницей Раисой Яковлевной.
Фото 1938 года. г. Апшеронск

Вернувшись домой, работал обходчиком путей на перегоне Кавказская-Милованово, подрабатывал в колхозе. Потом завербовался сварщиком на нефтепромыслы Краснодарского края. В октябре 1939 года Николая по возрасту призвали в РККА. Не успев дослужить до демобилизации, как в июне 1941 года сразу попал на фронт, где шли серьёзные боевые действия. Провоевал героически всю войну. За время боевых действий Николай Кононович получил медали: «Партизан отечественной войны» I степени, «За отвагу», две «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и два ордена «Красного Знамени» и «Красной Звезды». Он в числе немногих молодых парней родом из хутора Братского, прошедших войну с самого её начала до конца и имевших так много высоких наград.

В ноябре 1939 года Николай Кононовича по призыву отправляют на новую западную границу СССР, перешедшую к нам от немцев в сентябре того года, в кавалерию 403-й полка 18-й дивизии. Служба сначала протекает легко и интересно, лошадей он знал хорошо, хотя и были свои сложности на границе. Он уже настроился отслужить и вернуться в родные края, как в феврале 1940 года из бойцов его полка началось формирование нового механизированного полка. Всех с техническим образованием отобрали и отправили в Казань в полковую школу младшего начсостава 97-го полка. Там пришлось пересаживаться с лошадей на новые, самые мощные в стране мотоциклы с коляской ТИЗАМ-600 Таганрогского инструментального завода. Техника эта была весьма серьёзной по тем

временам. Папахи и бурки сменили на шлемы и кожаные куртки, чему не очень-то и обрадовались. Среди его сослуживцев были тогда не совсем доброжелательные отношения к «бездушным повозкам». В разговорах нового подразделения постоянно присутствовали воспоминания о хорошей службе в кавалерии, казацкая лексика. Им всем официально было объявлено о том, что после обучения на курсах их должны уволить из армии в запас со званием «младший лейтенант». Начались усиленные занятия, основными дисциплинами которых были знакомство с устройством мотоциклов, изучение топографии и ориентированию на местности, занятия с автоматом и пулемётом, огневая подготовка. Большую часть времени изучали тактику действий мотоциклетных подразделений с учётом уроков недавно прошедшей финской кампании, стреляли из миномётов. За хорошую службу Николай Кононовичу через несколько месяцев присвоили звание помкомвзвода. Оставались до «дембеля» какие-то несколько месяцев службы, как сразу после майских праздников 1941 года его учебный разведвзвод срочно отправляют с мотоциклами сначала эшелоном в Барановичи, а потом своим ходом на западную границу в летние лагеря 97-го стрелкового полка 18-й дивизии. Располагались они недалеко от городка Белосток (сейчас это Польша). Всем было разъяснено, что их полк примет участие в Белорусских военных манёврах за старой государственной границей.

А на новой границе все только и ждали нехороших событий – войны с немцами. Обстановка там с каждым днём становилась всё хуже и хуже. За несколько дней до начала войны его полк был приведён в повышенную боевую готовность. Каждому курсанту раздали боезапас к пулемётам и миномётам. 22 июня 1941 года в 5 часов утра всех подняли по боевой тревоге и организованно, как это бывало на учебных тренировках, полк вышел в район сосредоточения чуть севернее части. Там объявили о принятии радиogramмы о нападении немцев и сказали, что всем присвоено звание «младший лейтенант». Через 10 километров заправили мотоциклы бензином под завязку, получили ещё боекомплекты и еду. По команде полк начал движение по лесным дорогам в направлении к врагу. Была поставлена задача уничтожать прорывавшихся от границы к Волковыску немцев. Выполняя приказ, полк медленно шёл, сталкиваясь с постоянными задержками. С ними в колонне было много автомашин самого разного назначения, от гусеничных тягачей и бронемобилей, до топливных цистерн и рефрижераторов. Колонна находилась под постоянными ударами авиации противника. На марше из-за этого часто отставали отдельные машины и мотоциклы, которые службой замыкания восстанавливались и сразу направлялись дальше по маршруту.

К исходу 24 июня, попав под массированную бомбёжку с воздуха, разрозненные части его полка начали вести одиночные бои в урочище Завитая. Николай Кононович здесь вступил в свой первый ожесточённый бой с немцами. Отбивая их атаку, он убил двоих немцев, выскочивших по дороге ему навстречу. Но фашисты с первых дней войны сумели захватить стратегическую инициативу, ударными группировками рассечь наши подразделения, сразу нанести им большие потери в живой силе и технике. Последствия первых ударов противника оказались для наших войск катастрофическими и начался их беспорядочный отход. Потеряв управление, командование фронта не смогло принять решительных мер по предотвращению отхода. Оно стало переформировать 97-й полк в три дивизиона и отводить их за старую границу к зимним квартирам западнее Барановичей, где были большие склады боеприпасов.

28 июня 1941 года ударные силы войск противника наступая со стороны Бреста, окружили основную группировку наших войск Западного фронта в районе Лида-Барановичи и овладели Минском. Все возлагали большие надежды на то, что противник будет остановлен на старой границе, где до 1939 года создавались хорошо укреплённые районы, но этого тогда, к сожалению, не случилось. Авиация противника сожгла все склады с боеприпасами и горючим, разбомбила железнодорожные эшелоны, шедшие с топливом. К 1 июля положение наших войск резко ухудшилось.

Отступая с ежедневными боями от Волковыска до Слонима (Барановичская область – 100 км от границы), и дальше в направлении на Могилев, дивизион Николая Кононовича каждый день нёс невосполнимые потери. 6 июля батальоны 97-го стрелкового полка в качестве передовых отрядов были направлены на оборону реки Друть. Им поставлена задача обеспечивать отступающим частям переправу на восточный берег Днепра. Первым выступил туда один из батальонов полка, оборонявший Шклов. Этот батальон в свой полк так потом и не возвратился. Другой батальон в отрыве от основных сил части оборонял непосредственно город Шклов, находящийся на западном берегу Днепра, и полностью погиб в первые же дни боев. 10 июля из 3-го батальона был выделен передовой сводный отряд, усиленный миномётчиками взвода Николая Кононовича. Как комвзводу ему была поставлена задача прикрывать самый правый фланг. Командир отряда – капитан Колотий, должен был вывести всех к реке Друть в районе посёлка Толочин. Это место находилось как раз на самом опасном направлении. Но ночью, под покровом темноты, глубоко в их тыл прошли крупные соединения противника. Под прикрытием сильного артиллерийского огня, дымовой завесы и активной поддержке с воздуха, пехота противника приступила к

форсированию Днепра. Отряд Николая Кононовича, растянутый в ниточку вдоль восточного берега Друти, ещё три дня отчаянно сопротивлялся неприятельскому наступлению. Но это было ничто против несметной силы врага, рвавшегося через Днепр в районе города Шклов. Соорудив переправу, противник расширил прорыв. Танки с мотопехотой устремились в наш тыл, в район села Горки, где был уже выброшен авиадесант противника. Крупный отряд мотопехоты противника ударом с тыла прорвался через наши боевые порядки и направился в центр нашей обороны, отрезав 97-й полк от основных сил. Отряд продолжал драться в окружении. Николай в бою подъезжал близко к машинам противника и забрасывал их с гранатомёта. Началась рукопашная схватка, подсвеченная пожаром пылающих танков противника. С рассветом 15 июля его передовой сводный батальон 97-го полка был полностью окружён немцами в районе Толочина и рассеян, оставив на поле боя массу трупов, оружия, искалеченных машин. Потеряв 75% техники и 60% личного состава, совсем не имея боеприпасов и еды, остатки дивизиона разрозненными группами разбрелись по лесам. Там же остался и разбитый мотоцикл Николая Кононовича с убитым водителем.

С тех дней и до 20-го июля 1941 года Николай Кононович шёл пешком по лесным дорогам, а потом уже до ноября 1941 года пробивался по тылам немцев с такими, как и он. Шли по следам отступления Советских войск и подбирали припасы. Когда иссякли все попытки выйти в расположение наших войск, а голод и холод взяли своё, то осели юго-восточнее райцентра Толочина Витебской области в составе небольшой группы окруженцев. В неё собрались уже отличившиеся в боях с немцами красноармейцы: П.Булаев, И.Потапов, И.Климушкин, Б.Сафронов, К.Золотой, А.Мачаховский, Н.Коянов, И.Курищев и М.Топивалдиев. Обессилившая группа физически просто не смогла продвигаться дальше. К этому времени на оккупированных территориях уже появились гарнизоны полиции. Немцы издали приказы о регистрации поголовно всех граждан в урехах. Группа Николая Кононовича принял решение о зимовке возле деревни Воронцевичи в заснеженных рацевских лесах. Начали рыть землянки. Так прошло несколько месяцев. Не имея средств для зимовки, им сложно было находить на месте продовольствие. Вся его группа очень быстро оказалась на грани голода, изнашивалась одежда, стопталась обувь. Деятельность группы свелась исключительно к выживанию. Сначала ещё как-то смогли по несколько человек просачиваться в деревни и кормиться тем, что люди дадут. Потом для еды собирали на полях необмолоченную крестьянами рожь. Выходы из леса не оставались незамеченными со стороны местных жителей. Оккупанты

и их пособники стали постоянно устраивать облавы. В его группу прибились несколько человек из местных районных руководителей предприятий. Они побаивались воевать с немцами. Говорили бойцам, что ещё не время. Когда Красная Армия мол пойдёт в наступление, тогда вот и мы начнём. Потом свои же их предали при попытке попасть в деревню, полиция арестовали и показательно расстреляли. Группа решила мстить.

В январе 1942 года Николай Кононович как старший начал формировать партизанский отряд из числа военнослужащих и жителей деревень, оказавшихся на оккупированной территории. Стали заводить новые связи с местным населением и изучать обстановку. Следили за деятельностью немецких властей и насаждаемой ими администрацией. Установили связь с другими такими же мелкими группами. С февраля 1942 года его группа партизан из 20 бойцов ожесточившись уже начала первые боевые действия. В его группе подобралась весьма сильные люди, которые очень жаждали побольше уничтожить оккупантов. Успех операции по разгрому гарнизонов численностью в 30 человек в деревнях Горелки и Лаговщина возле Толочина, куда население сдавало продукты для немецких захватчиков, сразу же вселило надежду на Победу.

Произвол гитлеровцев по отношению к местному населению, расстрелы и пытки в гестаповских застенках советских людей, грабёж населения, вывоз в Германию продовольствия, введение огромных налогов и насильственная мобилизация молодёжи, встретили активное сопротивление жителей Белоруссии. Это сильно поспособствовало активизации партизанского движения.

19 апреля 1942 г. в Толочинском районе на базе групп лейтенанта Симдянкина и младшего лейтенанта Апанасенко создаётся 5-й партизанский отряд численностью в 75 человек. Командиром отряда избрали старшего по званию Симдянкина Александр Фёдоровича, комиссаром Букштынова Фёдор Ивановича. Командиром 1-й роты разведки назначен младший лейтенант Николай Коянов. Командиром 2-й диверсионной роты стал младший лейтенант Апанасенко Николай Кононович. Отряд сразу вошёл в «Объединение партизанских отрядов», дислоцировавшихся на оккупированной территории Толочинского, Шкловского, Кругловского и Лепельского районов. В июле 1942 года отряд влился в партизанскую бригаду «Чекист». В августе 1943 года бригада «Чекист» переформируется и 5-й отряд уже как самостоятельная боевая единица включён в состав соединения «Чекист» Шкловской военно-оперативной группы.

В этом партизанском отряде Николай Кононович проявил исключительное мужество и героизм в тылу врага. С апреля 1942 года и по июнь 1944 года под его командованием 2-я рота проводила боевые операции по разгрому вражеских гарнизонов в Толочинском, Лепельском и Оршанском районах Витебской области, в Ореховском, Кругловском и Шкловском районах Могилевской области, в результате которых были убиты сотни немцев и полицейских, захвачено много стрелкового оружия, боеприпасов, склады с продовольствием.

Первые боевые операции роты партизан по разгрому сепараторных сборных пунктов в деревнях Воронцевичи, Туминичи, Ореховка носили разрозненный характер, не особо причиняли вреда фашистам. Но и эти успехи вдохновили партизан, вселили надежду в окончательную победу над захватчиками. Партизанам для серьёзных боевых операций не хватало боеприпасов, оружия, не было достаточной информации о замыслах и намерениях противника. Но потом партизаны окрепли и начали проводить серьёзные боевые операции. Только для примера, в одном таком бою в мае 1942 года, где старшим был Николай Кононович, на дороге Толочино-Круглое уничтожено сразу 3 тягача с 18 немцами. В июне 1943 года на дороге Могилев-Минск 2-я рота подорвала 8 бронемашин и смогла уничтожить 82 немца, захватив в плен 11 полицейских. 2 августа 1942 года у деревни Речки убито 35 фашистов. 10 августа 1942 года на перегоне Коханово дороги Минск-Москва был пущен под откос эшелон с живой силой противника и полностью перекрыто движение по магистрали на 36 часов. Были разгромлены гарнизоны в Рудне и Волосовичах, взорваны мосты в деревнях Юшке, Вилах, Зайковищине, Руднях Лепельской. Везде нарушена телефонная связь. Под руководством Николая Кононовича в боях и засадах у деревень Воронцевичи, Горелики, Липники и Орехово Толочинского района в 1942-м году уничтожены сотни оккупантов и их приспешников.

Всё же главным объектом боевой деятельности 5-го отряда бригады «Чекист» был тогда основной вид транспорта гитлеровцев – железнодорожный. Судя по архивным документам, 2-я диверсионно-разведывательная рота считалась одной из самых активных и опытных участников рельсовых войн. Под командованием Николая Кононовича рота участвовала во многих боевых операциях 5-го отряда, который только в 1942 году пустил под откос более 20 вражеских эшелонов. У его подразделения были документально подтверждены разбитыми десятки паровозов, сотни вагонов противника и десятки взорванных мостов.

В результате боевых действий его диверсионной группы взрывались мосты, летели под откос вагоны и вражеские эшелоны, постоянно

срывались переброски войск противника. В зависимости от обстановки и характера полученных из центра заданий, в партизанской борьбе бойцы активно применяли разные виды диверсий и использовали различные способы минирования дорог. В большинстве случаев партизаны устанавливали на путях мины со взрывателями замедленного действия. Обычно группа диверсантов подойдя к дороге, залегала в пределах хорошей видимости, по несколько суток вела наблюдение, выбирала места подхода к полотну. И уже потом ночью их ставила. С десятков таких мин были установлены 2-й ротой на железнодорожных магистралях. А при их усиленной охране прибегали к дерзкому приёму «под поезд». Делалось это обычно днём, чтобы обмануть бдительность полицейских патрулей. При приближении поезда кто-то из группы отвлекал охрану, а другой бежал к полотну дороги с минным зарядом и бикфордовым шнуром. Мина ставилась буквально в метрах 400 от идущего поезда. Пока горел шнур в распоряжении бойца было всего 30 секунд для отхода. Особую опасность представляла установка мин способных срабатывать при определённом давлении на них. Только в сентябре и октябре 1942 года группа из 6 диверсантов под личным руководством Николай Кононовича совершила с десятков таких рейдов, произвела подрывы шести эшелонов на дороге Орша-Коханово.

В начале октября 1942 года подрывная группа Николай Кононовича вышла на очередное задание. Подрывники имели три мины нажимного действия. Первой был спущен под откос воинский эшелон с живой силой и техникой на перегоне Орша-Коханово, при этом полностью уничтожен паровоз и 8 вагонов. Фашисты начали преследование группы идя за нею буквально по пятам. Ночью, когда стемнело удалось оторваться от них. И на соседнем участке железной дороги на перегоне Орша-Марусевич под откос пошёл второй эшелон. Тогда немцы вообще прекратили движение поездов по ночам на этих участках и усилили охрану из полицейских. Но у подрывников осталась ещё третья мина, которую можно было заложить только днём. В районном центре Круглое при штабе 286-й охранной дивизии немцев дислоцировался Казачий добровольческий донской полк из сдавшейся в плен армии генерала Власова, который представлял собой довольно внушительную силу. В его состав входили два кавалерийских эскадрона охранявших пути и подразделение обеспечения, которое ремонтировало эти пути. И тогда Николай Кононович пошёл на хитрость. Придушив одного из здоровенных обходчиков из власовцев и переодевшись в его монтерскую форму, пошёл с шанцевым инструментом вдоль путей. Уж это ремонтное дело он знал прекрасно. Примкнув к группе обходчиков путей, он стал «балакать» с ними на

разные темы. Власовцы говорили на южно-украинском диалекте и приняли его за своего «Мыколу», когда он с ними начал «балакать». Во время их обеда он подсунил «тормозок» под рельсы в яму, которую те ещё не успели засыпать. Скрывшись незаметно по окончании работ, услышал, как сработала мина от проходящего поезда. Так за трое суток под откос пошёл третий эшелон. Позднее, немцы стали пускать впереди паровозов вагоны с пленными и выставлять по пути следования через каждые 300 метров немецких охранников и это стало весьма большой проблемой для партизан. Но Николай Кононович, опять переодевшись ремонтником путей, лично сам таким же способом смог как-то на подъезде к полустанку Марусевич незаметно от охранников разобрать рельсы и пустить под откос паровоз с 10-ю вагонами, что позволило полностью задержать там движение шедшей на фронт военной техники противника на 96 часов.

24 сентября 1942 года группа диверсантов 2-й роты проникла на маслосливочный завод Хольневичи возле Холопеничей, где находились большие продовольственные склады оккупантов. Ранее здесь был богатый еврейский колхоз. Партизаны под видом полицейских, получающих груз со склада, попали внутрь завода и установили мины замедленного действия. Так были уничтожены склады и сырзавод, взяты большие трофеи. Сам гарнизон села Хольневичи отрядом полностью разгромлен.

За все свои подвиги 13 ноября 1942 года Николай Кононович был представлен к награде «За боевые заслуги». Там же в партизанском отряде его приняли в кандидаты ВКП(б). Подробности всех этих боевых операций бригады «Чекист» широко описаны в архивных делах партизанских отрядов по Беларуси и в мемуарных книгах его однополчан Прусского И.М. и Голицина П.А. Книги насыщены статистическим материалом, который перемежается с художественным описанием отдельных, наиболее значимых событий из деятельности партизан отряда. В сборнике «Дозорные западных рубежей», изданном в 1984 году в Киеве, вышли воспоминания партизан отряда Севастьянова Г. Н. и Жуковской В. И. под названием: «За линией фронта». дополняющие опубликованные книги. В 1958 году на киностудии «Беларусьфильм» снимался документальный фильм о бригаде «Чекист» и его отряде. Некоторые эпизоды из жизни бойцов 5-го отряда легли в основу художественного фильма «Незабытая песня», вышедшего в 1974 году. Толочинский историко-краеведческий музей Витебской области Беларуси имеет богатый архив по деятельности партизан бригады «Чекист» на территории Толочинского района во время войны, в котором есть упоминания о многих подвигах Николая Кононовича.

м. Анапасенко Н.К. участвовал в составе
 групп, роты и отряда в следующих боевых опера-
 циях: 1) В разгроме гарнизонов: Рудня, Волово-
 сити и Плотавка Лепельского района Витебской обл.,
 Кашевники - Холмского р-на Могилев. обл.,
 Вороневичи - Могилевского р-на Витебской области.
 Б.Камновка, Кимовичи Шкловского р-на Могилев. обл.,
 Ореховка и Вельковичи Кругинского района Могилев. обл.,
 и др. В результате чего уничтожено несколько сот немцев
 и полицейских. Эроз участвовал в разгромных боях
 2) В составе группы бег. в 1942 г. сжег несколько домов
 на железной дороге Орша - Копаново (разгром Марусевича) в результате
 чего разбит паровоз, 4 вагона со скотом, 2 пассажирских
 и 4 ваг. повозки, движение прекращено на 2 часа.
 3) В подрыве трансмиссии на шпильку Ореховка - Копаново
 убито 7 немцев. 4) В подрыве 3 автомашин на шпильку
 Могилев - Кругинск 5) В боях засадах у д. Вороневичи
 Горелки, М. Митинки, Вильх Ореховка - Копаново Могилев-
 ского р-на где убито около 100 немцев и полицейских. 6) Два раза
 на шоссе Могилев - Минск где уничтожено 2 автомашины и 8 немцев
 7) В боях у д. Говна и лесной бой на шпильку Волки - Свири Березинск. р-на и много
 других

КОМАНДИР ОТРЯДА *А.В.Смирнов* КОМССАР ОТРЯДА *Смирнов*

Описание некоторых подвигов Николай Кононовича за 1942 год из его личного дела.

Бойцы 2-й диверсионной роты 5-го отряда партизанского соединения «Чекист» Шкловской военно-оперативной группы. Комроты - лейтенант Апанасенко Николай Кононович сидит в центре, ефрейтор Курушев Иван Захарович - сидит за ним левее. Командир отделения разведки сержант Топивалдыев Мамадали Больдиевич - стоит над ними. Фото 1943 года.

Согласно всем этим материалам, бригада «Чекист» контролировала огромный район в междуречье Днепра и Березины, насчитывала в своих рядах более двух тысяч бойцов. Всего на боевом счету бригады 10993 уничтоженных гитлеровцев и 633 изменников Родины, 265 пущенных под откос вражеских эшелонов, 372 взорванных авто и бронемашин, десятки разгромленных фашистских гарнизонов. Именно на железнодорожных коммуникациях участков Орша-Могилев диверсионная группа Николай Кононовича окончательно добивала в 1943-44 году гитлеровских оккупантов и сожгла продовольственный запас зерна и сена, приготовленного для отправки в Германию.

Николай Кононовича в партизанском отряде звали «Мыкола Козак» за то, что тот, когда шёл в строю, всегда напевал старинные казацкие песни, которые знал по службе в кавалерии. Казак обычно начинал их на мотив старинной казачьей песенки: «Ой-ся, ты-ося, ты фрицев не бойся. Всё равно мы их побьём, ты не беспокойся». И все затягивали: «Ой-ся, ты-ося». А у командира его отделения разведки Топивалдыева (Топвалдыев), по имени Мамадали (Момедали, 03.09.1919 г.р.) был позывной – «Толик

Казбек». Когда тот впервые появился в отряде, то его спросили: «*Ты кто?*», а он ответил: «*Узбек*». Но произнёс это он с таким кавказским акцентом, что партизаны, ничего не поняв стали звать его «Казбек». Отучившись в 4-х классах узбекской школы, он до армии практически не владел русским языком, но потом его уже неплохо усвоил. Окончив школу подрывников, Казбек зарекомендовал себя находчивым и смелым бойцом, обладал феноменальной фотографической памятью. В отряде Козак и Казбек стали побратимами. Обряд «братания» происходил по всем каноническим правилам, скрепился кровью и огнём свечи. А боевая дружба и братство скрепила их на всю оставшуюся жизнь.

29 июля 1942 года Козак спас Казбеку жизнь при штурме полицейского гарнизона деревни Воронцевичи. Бой был жестоким, подоспевшие немцы открыли сильный миномётный огонь. Казбек пытался вырваться из зоны поражения, но всё было безуспешно. Козак же вынес с поля боя контуженного Казбека, а затем протащил его на себе ещё километра три по лесу до первых партизанских заслонов. В том бою погибло 14 партизан из отряда. А потом получилось так, что и Казбек спас попавшего в немецкую засаду Козака. 7 сентября 1943 года его группа, удачно заминировав участок дороги Круглое-Толочин, подорвала колонну немцев с танкетками. Посреди колонны ехала легковая машина с шофёром и двумя офицерами, которые сразу же были убиты метким огнём партизан. Началась погоня за ними. Фашисты выследили и открыли яростный огонь. Приказав членам группы отступать, Козак остался прикрывать отход товарищей. Казбек же вернулся с Иваном Курушевым и вооружившись пулемётом, добытым из подбитой бронемшины, вызволил его из окружения. Исход короткого боя был предreshён, троём взяли немцев в клещи и начали расстреливать их из пулемётов. Все тогда сильно удивлялись, как это Казбек смог под сильным огнём противника проползти к танкетке. Вообще, будучи на диверсионных заданиях, бойцы постоянно выручали друг друга. Их «фишка» была в переодевании в немецкую форму и на мотоцикле проникать на территорию противника. В совместных операциях рос их профессионализм, ширился масштаб боевых действий.

В начале 1943 года Козак попытался установить связь с земляками из гарнизона власовского Казачьего добровольческого полка. Несколько человек сразу пошли на контакт, а двое – Иван Гринько и Антон Снигырь сразу перешли на сторону партизан, прихватив с собой с десятков винтовок и сотню патронов. Взяли документы и комплекты полицейских форм, которые потом разведчики использовали в боевых операциях. В июле 1943 года эти казаки погибли при разгроме дивизиона в селе Лотва.

На 1-е мая 1943 года Казак с Казбеком и новыми бойцами обманув полицаев пришли в расположение казачьего полка власовцев в деревне Бовсевичи Круглянского района и открыли огонь на поражение. Бой был тяжёлым и затяжным – казаки умели воевать. Но с помощью вовремя подошедших разведчиков 5-го отряда удалось ликвидировать этот гарнизон. Погибло там много партизан, ранен был комиссар отряда Букштынов, но предатели потом уже там больше не окапывались. 28 мая 1943 года сценарий повторился в деревне Климовичи Шкловского района, где Козак с Казбеком приняли участие в боевой операции по разгрому волостной управы, взяв в плен 20 полицаев. При этом партизанам достались чистые удостоверения, немецкие бланки, печати и деньги, которые использовались в дальнейших операциях. Пользуясь такими документами, разведчики смогли потом свободно передвигаться по дорогам Шкловского района.

В сентябре 1943 года в посёлок Толочин прибыл Туркестанский легион, сформированный немцами из узбеков и таджиков. Легион нёс службу по охране немецких объектов. Командир 5-го отряда Симдянкин получил указание от руководства о его ликвидации. Разведка была поручена 2-й роте, а задание Казак донёс лично Казбеку. Посетив несколько раз своих соотечественников, тот стал уговаривать их переходить на сторону партизан, иначе их всех поубивают. Многие оказались готовы. Так разведчики роты привели с собой 17 человек пополнения из легиона. Рота при этом приобрела новенькое немецкое обмундирование и обувь. Это снаряжение весьма пригодились 7 октября при разгроме французского гарнизона в деревне Ореховке, где принимали участие и эти новые бойцы. Позднее весь туркестанский легион был немцами расформирован как неблагонадёжный. Часть узбеков разбежались по окрестным деревням.

С осени 1943 года командованием партизанского куста было приказано бригаде «Чекист» собирать подробные описания новой формы одежды различных родов войск германской армии, определяя принадлежность солдата или офицера к тому или иному роду войск, а также отличительные знаки на автомобилях, имевшихся в немецкой армии и воюющих вместе с ней сателлитов. Собранные данные об отличительных знаках должны были бы сыграть большую роль при дальнейшем наступлении наших войск. Сообразуясь с обстановкой, задание было поручено 2-й диверсионной роте под командованием Николай Кононовича. Выполняя задание, разведчики в течении недели установили наблюдение на всех дорогах с проходившим транспортом под Шкловом, Круглое и Ореховкой, стараясь запомнить различного рода знаки на одежде военнослужащих. Ползали по грязи на железнодорожных

перегонах, рассматривая шедшие на фронт войска. Николай Кононович лично сам переодевшись обходчиком скрупулёзно осматривал проходящие мимо составы по дороге Орша-Могилев. Для сбора подробнейших данных расспрашивали местное население, в осторожной форме распространяли деморализующих противника сведения о крупных и хорошо вооружённых партизанских соединениях, противостоящих в этом районе немецкой армии. Достаточно было местным только сообщить, что в его деревне на форменной одежде военнослужащего есть черные сдвоенные молнии, то это уже свидетельствовало бы о наличии там войск СС. Так партизаны узнавали какие войска находятся в той или иной местности. Собирали сведения используя различные ориентировки, выясняли наличие и род войск, особенно уделяя внимание распознаванию формы одежды пребывающих отдельно иностранные легионы. Танковые войска СС, например, отличалась черными мундирами с нашивками на рукавах черепов. Панцер-гренадеры украшались эмблемой смерти и древним ромбическим знаком сдвоенного зигзага. Офицеры контрразведчики на рукаве кителя имели нашитый черный ромб, обшитый серебряным кручёным шнуром. Помимо распознавания личного состава к роду войск, изучались имевшиеся опознавательные знаки и на автомобильном транспорте. Некоторые легковые автомобили имели на передних крыльях странные флажки, которые на станциях водители почему-то закрывали чехлом. Одни флажки, к примеру, были разделены на чередующиеся белые и красные квадраты и определенную эмблему – своя эмблема на каждой части определенного рода войск. Даже номерные знаки автомобилей с определенными цифрами указывали на принадлежность этих автомобилей к определенным войскам.

Составленный таким образом бойцами ценнейший набор и подробное описание всех этих отличительных знаков родов войск противника впоследствии дал возможность составить опознавательный эталон, облегчающий выполнение задания разведчикам наших войск. За эту проделанную работу подразделение получило высокую благодарность от командования Советской Армии, а Николай Кононович именной кинжал.

В начале октября 1943 года все дороги между Толочином и Круглое немцы взяли под свой особый контроль, начали создавать на них свои укрепления. Особенно была укреплена деревня Пригань на берегу реки Друти южнее села Круглого. Гарнизон этот сильно мешал нашим отрядам в передвижениях на зону боевых действий за Толочиним. Немцы обнесли всю деревню забором из колючей проволоки, прорыли противотанковый ров, а на подступах к деревне выставили минные поля. Ежедневно в неё шли повозки с награбленным имуществом, вели людей, которых

подозревали в связях с партизанами. Руководство партизанской бригады «Чекист» решило уничтожить этот гарнизон. Нужно было только провести разведку, что же там за укрепления внутри и где находятся доты. Тогда Козак с Казбеком провели спецоперацию. 2 октября 1943 года Николай, переодевшись в полицейскую форму, сел на мотоцикл, а в коляску посадили Казбека, одетого в форму туркестанского полка. Кинули различное продовольствие и самогонку, сверху нагрузили поросёнка. Узнав пароль от местных подпольщиков, сказали на постах, что везут подарки для коменданта гарнизона лейтенанта Ганса. Таким образом попав внутрь, разведчикам личным наблюдением удалось установить всю расстановку немцев и полицейских в деревне. Из разговоров полицаяв узнали, что в Круглое скоро прибудет из Смоленска карательный отряд полицейских. Это позднее подтвердили и подпольщики. Тогда на следующий день часть бригады «Чекист», опять же переодевшись в форму полицаяв, под видом отступающего противника пришли в деревню. Под их прикрытием бойцы 1-го и 5-го отрядов бригады ворвались в гарнизон. Огонь открыли внезапно, убили 75 немцев, взяли в плен 42 полицая. Уничтожены склады, взяты хорошие трофеи: 6 пулемётов, 25 автоматов, более 100 винтовок. В результате удачной операции гарнизон был полностью разгромлен.

За неоднократно проявленные доблесть и мужество в борьбе с немецкими захватчиками в декабре 1943 году Николая и Мамадали руководство подпольного РК ВКП(б) выдвинуло на получение звания «Героя Советского Союза», но, к сожалению, на представление Николай Кононовича от Главного штаба партизанского движения центром было наложено: *«На потом»*. Видимо сказались его не очень хорошие биографические сведения (сын раскулаченного), но высшую награду правительства орден «Боевого Красного Знамени» ему всё же вручили. Партизан тогда не сильно баловали наградами – мол отсиживаются они там в своих лесах. Большей наградой для них была медаль “Партизану Отечественной войны” за отвагу и выдающиеся успехи в партизанской борьбе за нашу Советскую Родину.

Заключительным аккордом борьбы партизан перед соединением с частями Красной Армии была рельсовая война. Чтобы враг не мог воспользоваться железными дорогами в нашей предстоящей крупнейшей операции, 20-го июня 1944 года народными мстителями были подорваны все пути по Белоруссии. 5-му отряду отвели участок дороги между Славным и Троциловым. Каждый партизан роты Николая Кононовича получил по четыре шашки тола. Соблюдая тишину, подошли к дороге шеренгой. Не дойдя до цели метров пятьдесят, как из вражеской будки

застрочил пулемёт, но его быстро подавили гранатой. Все бегом оседлали железку, по команде зажгли и положили шашки к рельсам. И так в разных местах четыре раза. Под покровом ночи все немцы поразбежались. На железнодорожных перегонах благодаря партизанам остались стоять десятки эшелонов немцев, доставшихся потом советским войскам.

29 июня 1944 года 5-й отряд бригады «Чекист» соединился с танкистами генерала Бурдейного в районе деревень Гоевка-Задний бор Круглянского района и прошёл парадом по Могилеву. На фронт после проверок отобрали только 30 партизан из 5-го отряда. Николая Кононовича тоже. Правда, следователи контрразведки долго его мучили и не выпускали из своих рук – в проверочно-фильтрационном деле не нашлось документов, подтверждающих его службу до начала войны. Звание лейтенанта Николаю Кононовичу по этой причине не восстановили. Побратим его Мамадали был демобилизован и до конца войны служил шофёром в Наркомате земледелия Белорусской ССР у бывшего комиссара бригады Букштынова.

Апанасенко Николай Кононович и Топивалдыев Мамадали Больдиевич. Фото июля.1944 г.

В дальнейшем Николай Кононович продолжил на фронте свой героический путь по борьбе за освобождение Европы от немецких оккупантов пулемётчиком в 1-й роте 556 стрелкового полка 169 дивизии. В январе 1945 года в районе Гляжево-Виты Варшавского воеводства, при боях по прорыву вражеской обороны, невзирая на огонь противника, он с горсткой стрелков оставался на поле боя в течение суток и отстреливался от немцев. Предприняв несколько контратак его пулемётный взвод занял

рошу «Сапог», подавив при этом три пулемётные точки противника и уничтожив 11 солдат вермахта. Этими действиями они способствовали успешному прорыву наших войск в совсем другом направлении. 17 января 1945 г. участвуя в боях за прорыв вражеской обороны в районе посёлка Славково, рискуя жизнью выдвинулся вперёд и огнём своего пулемёта остановил наступление немцев. Уничтожил несколько десятков солдат вражеской пехоты. Этот поступок весьма помог тогда дальнейшему продвижению наших подразделений. А с начала войны на счету у Николая уже было документально подтверждено сотни самолично убитых немцев и множество подавленных меткими очередями его пулемёта огневых точек противника. За все эти подвиги в феврале 1945 года он получил орден «Красной Звезды».

Где-то в 1980-х годах, мне случайно удалось побывать в этом маленьком посёлке Славково, где происходили эти бои и посмотреть именно ту местность – тогда работая в сейсморазведке мне частенько приходилось бывать в командировках за границей. Оказывается, ещё во времена Наполеона здесь была большая битва русских с французами и на том месте много сохранившихся с тогдашних времён могил наших героев. Местные хорошо помнили происходившие здесь сильные бои во 2-ю Мировую войну, возили меня по этим местам, показывали памятники советским солдатам, а я в то время даже и не думал, что именно тут воевал мой дед, со смертельной опасностью для себя освобождая этот маленький, но славный городок.

На войне Николай Кононовича не страшила сама смерть, он больше всего боялся ужасной перспективы остаться беспомощным калекой, что в итоге у него и случилось. Под конец войны в апреле 1945 года, попав в окружение, более суток лежал в воронке с осколком в ноге и отстреливался от превосходящих сил противника. Глубоко засевший осколок удалось как-то вытащить с помощью товарищей. Они же слегка перебинтовали ногу чем пришлось. Медикаментов у них с собой не было. И вот из-за сильного ранения рана загноилась и начался сепсис (гангрена) левой ноги. Отрезали ему её в лазарете выше ступни, на фронт естественно он больше уже не попал.

Он очень сильно жалел не то, что потерял ногу, а то, что ему оставалась всего каких-то нескольких дней до Победы над немцами, и что он так и не смог расписаться на Рейхстаге, как это сделали его большинство однополчан. Часть его с боями тогда брала Берлин, стояла в южной части города, а он в это время лежал раненым в госпитале. Обида была тогда на такие обстоятельства вот у него весьма сильная.

Николай Кононович в госпитале.
Фото мая 1945 г.

Долго потом скитался Николай Кононович по разным госпиталям, нога всё время гноилась. А после вернулся на Кубань в родной хутор Братский к матери и родственникам. Но жизнь его на гражданке как инвалида с одной ногой началась весьма непростой. Первое время никак не мог отойти от войны. Она всё ещё продолжала жить внутри него. Боль от ран с застрявшими осколками и ноющая отрезанная нога постоянно давали о себе знать. По ночам кричал от боли. Не мог уснуть в тишине. Если проходил мимо лесополосы, то там ему казались немецкие снайперы, растяжки. Привыкнуть к новой мирной жизни ему было очень сложно.

Вообще-то сталинская власть вплоть до брежневских времён не так уж и много обращала внимания на искалеченных физически инвалидов войны. Народ тогда должен был устремляться вперёд в будущее, а не рассматривать своё травмированное прошлое. Кормились инвалиды войны в основном за счёт своих возможностей, игрой на музыкальных инструментах, спекулировали и даже попрошайничали. Редко кто из них мог работать. Пенсия была назначена Николай Кононовичу совсем мизерная с его довоенного оклада, на которую прожить было просто невозможно. Сколько он не обивал пороги местных начальников, подобрать хоть какой-то достойной работы ему те не смогли, везде поступали с ним по казённому. Все руководящие районные организаций обошёл: Сельсовет, Райисполком, Райком. Так просидел дома без дела месяца два. Случился жуткий запой, но потом он как-то справился с депрессией, мозги привёл в норму и зажил новой, совсем трезвой жизнью.

Во время войны в партизанском отряде у него была боевая подруга – весьма шустрая красавица-медсестра Вера, потерявшая мужа ещё в самом начале войны. У неё было двое своих детей, находившихся у матери в

деревне Ворончевичи под Толочином. Николай Кононович поехал туда к ней, но никак не смог ужиться в той семье, жалевшей его инвалида по всякому поводу. Да и там ему всё напоминало о войне. А его боевой товарищ, побратим Мамадали Топивалдыев, которого он не один раз спасал во время войны, вернувшись домой после демобилизации, стал видным политическим деятелем в Куйбышевском районе (сейчас Риштанский) Ферганской области Узбекистана. Жители этой республики тогда проявляли весьма большую заботу к участникам войны, помогли им с жильём, питанием, одеждой. Считая себя на всю жизнь обязанным Николаю Кононовичу, Мамадали пригласил его к себе на работу. С его помощью он почти сразу стал председателем совхоза в пригородном кишлаке Задиян. Партизанская дружба сроднила их навсегда. Туда же Николай Кононович забрал подругу-жену Веру. К ним приехал поднимать сельское хозяйство и их боевой друг по партизанскому отряду Иван Захарович Курушев. Он возглавил строительство арыков в районе, а в первую очередь жилья для инвалидов и колхозников, потерявших на войне своих родных. В 1954 году Мамадали Топивалдыев сам стал председателем колхоза в кишлаке Зохидон (Захидан).

Побратимы: Апанасенко Николай –
справа. Курушев Иван – слева и
Топивалдыев Мамадали – в центре.
Фото 1951 г. Узбекистан.

Узбекистану в те годы необходимо было обеспечить не только свои потребности в продуктах питания за счёт внутренних резервов, но и расширить посевные площади для увеличения сбора зерновых, при обязательном сохранении прежних объёмов производства хлопка. В сельском хозяйстве были те же трудности, что и везде, связанные с нехваткой рабочих рук. Несмотря на небывалые тяготы и недостаток в сырьевых ресурсах, опираясь на свои сельскохозяйственные знания, полученные ещё в юношестве на хуторе Братском, Николай Кононович сумел быстро организовать полевые бригады, которые провели новые арыки на поля и увеличили посевные площади хозяйства на 500 гектаров.

Апанасенко Николай Кононович – председатель совхоза «Задиян», Куйбышевского (Риштакского) района Узбекистана с 1950 по 1959 гг. Фото 1958 г.

Широкая поддержка со стороны руководства центра давала многие возможности для развития региона. Совхоз стал получать большие урожаи зерновых – аж до 30 центнеров с гектара и довольно хорошие хлопка-сырца, дававший урожайность тоже до 30 центнеров с гектара. Было развито садоводство (абрикос, айва и др.). Рабочим за это из земель совхоза были выделены индивидуальные земельные участки, на которых они трудились для своих потребностей. В итоге совхоз «Задиян» числился в районе одним из передовых хозяйств государственного типа.

Центральная улица кишлака Задиян в Узбекистане напротив здания правления колхоза. Фото 1958 г.

С квалифицированными кадрами тогда в тех местах было довольно тяжело и Николай Кононович пригласил на работу в местный совхоз моих отца и мать. Отец работал киномехаником и быстро стал известным человеком по окрестным кишлакам – кинопрокат тогда ещё мало был там распространён, а фильмы «урушли» (военные) шли на «ура». Ему колхоз выделил автобус, который переделали под кинопередвижку и на нем он с помощником киномеханика Мамудом колесил по пыльным дорогам от одного кишлака к другому. Некоторые люди в то время там впервые увидели кинематограф. Мать вначале устроилась санитаркой в местной больнице, а затем стала работать в русской библиотеке, чтобы было больше времени для воспитания своих детей.

Именно в эти годы я, ещё малолеткой, проживал там в Узбекистане у Николая Кононовича со своими родителями. Совместных детей у него с Верой Ивановной не случилось, а её уже повзрослевшие поразлетелись по разным уголкам Советского Союза. Меня же они просто обожали, считая самым близким и родным внуком. Покупали какие-то ценные по тем временам подарки, привозили с Ферганы дефицитные конфеты.

Самого Мамадали Топивалдыев по местным обычаям женили ещё в 1946 году на местной узбечке Донохон из кишлака Уйрат и к тому времени он уже имел четверых детей, с которыми я постоянно играл. Со старшим сыном – Ахматдали мы вместе изучали книжки с картинками, которые нам постоянно приносила с библиотеки моя мать. Русской школы в кишлаке не было, учились мы читать и писать на русском языке все вместе с преподавательницей тётёй Надей прям на улице под большим и раскидистым деревом. Это было что-то вроде детского сада. Она же после занятий следила за моим младшим братом и другими детьми живших в кишлаке русских людей. Нам же была предоставлена полная свобода, мы бегали по кишлаку, где только хотели, вечно перемазанные тутовником. Я же тогда неплохо выучил разговорный узбекский язык. Мог даже на улице спокойно переводить родителям повседневную речь местных жителей. В то же время дети Мамадали со мной неплохо усваивали русский. С ними было весело и интересно.

Апанасенко Вячеслав с сыном Мамадали Топивалдыева – Ахматдали. Фото 1958 года

Но вот 24 июля 1959 года пришла беда, случилась непоправимая трагедия – на свой 41-й день рождения Николай Кононович разбился насмерть. Хотя и с одной ногой, но он тогда везде ездил сам на мотоцикле «Минск М1А» без коляски. Рано утром в тот день заехал к нам, был весёлый и радостный. Родители поздравили его. В обед в самое пекло объезжая хлопковые поля на мотоцикле, он попал под смолу, разлитую дорожниками на новой асфальтовой дороге. По словам очевидцев, когда мотоциклист решил объехать стоящий в попутном направлении автомобиль ремонтников дороги, то его мотоцикл пошёл юзом налево, а точки опоры не оказалось и уже в кювете он ударился виском прямо о камень. Здесь и сказалось отсутствие у него одной ноги. Хотя и был на его голове танковый шлем, но тот не спас. Скончался Николай Кононович почти сразу, там же на дороге, не приходя в сознание.

Горе для нас тогда было несказанным. Мамадали Топивалдыев организовал пышные похороны, где простится с ним собрался весь кишлак от мало до велика, приехали люди с районного центра. Дед мой Иван едва успел прилететь к нему на похороны. Как раз буквально накануне своей смерти вблизи посёлка Задиян Николай Кононович выбил выделение земли под новое кладбище – христианское, и по вот какому-то уж совсем злому стечению обстоятельств его могила на нём оказалась первой.

Возле свежей могилки Николая Кононовича на новом христианском кладбище узбекского кишлака Задиян. Фото 1959 года.

Через год на этом же самом кладбище рядом с ним похоронят его боевого друга Ивана Захаровича Курушева, так же трагически погибшего в автокатастрофе. Местные узбеки до сих пор весьма хорошо ухаживают за их могилками, чтут и оказывают им почёт в дни поминовения и на 9 Мая. На надгробьях всегда лежат венки. Рядом с их могилами и сегодня растут две сосны, привезённые с Белоруссии и посаженные лично самим Мамадали.

Могила героев Великой Отечественной войны - Апанасенко Николая Кононовича и Курушева Ивана Захаровича в кишлаке Задиян Риштакского района, Ферганской области Узбекистана. Фото 2006 г.

А ровно через 10 лет 6 мая 1969 года хоронят и самого побратима Николай Кононовича – Мамадали, трагически погибшего от ножа в сердце. В его кабинет ворвался злой мужчина, которому не нравился стиль его руководства. За пренебрежительное общение с ним он выхватил нож. Боевой партизан не ожидал такого и не успел даже среагировать.

У Топивалдыева осталось восемь детей. Из более поздних разговоров родственников я слышал, что в партизанском отряде у Мамадали была любовь с разведчицей Лидой Корниловой, из местного села. Лиду во время очередного задания схватили немцы и больше про неё ничего не было слышно. По рассказам, сбежав из шлюспунта, она пришла в другой отряд, где её тяжело раненую перевезли самолётом на большую землю. Там оказалась что она беременна. В эвакуации в г. Петропавловске (Казахстан), у неё родилась девочка Валя. Говорили, что Мамадали про этого ребёночка знал. Так вот, наши родные всегда считали всех девяти детей Мамадали Топивалдыева своими родственниками, но вот только развал Советского Союза привёл к тому, что мы стали про них почему-то совсем подзабывать...

Бюст Героя Советского Союза Мамадали Топивалдыева в городе Минске (Беларусь) на улице его имени. Фото 2006 г.

**Партизан
Апанасенко Николай Кононович**

Я вот никогда в своей жизни не видел, чтобы мой дед Иван плакал, но однажды, это произошло. Когда в 1975 году ему впервые на хуторе Братском показали новый мемориал погибшим воинам-односельчанам. По его щекам потекли скупые мужские слезы и тот произнёс: «Это наш Коля с братом Мамедали». Не знаю какие рассказы о войне сподвигли местного скульптора мемориального комплекса Виктора Сметанина именно на такую вот композицию, но до конца жизни мой дед считал, что на памятнике из нержавеющей стали стоит первым именно его брат – партизан Николай Кононович ...

Мемориальный комплекс жителям Братского сельского поселения,
павшим в Великую Отечественную войну 1941-45 гг.

Про деда Ивана и бабушку Александру

Апанасенко Иван Кононович с женой Александрой Павловной. Фото 1926 г.

Дед мой Иван Кононович Апанасенко родился в зимнюю стужу 7 февраля (25 января по старому стилю) 1908 года в прадедовом доме на хуторе Братском. Прожил он там с родителями всё своё детство и юношеские годы. А годы его детства совпали с весьма тяжёлыми этапами в жизни многих людей – революцией и гражданской войной. Хоть и довольно высоким тогда был у кубанских жителей уровень грамотности, но в 1915 году, в разгар первой мировой войны, мало кто из хуторян решались посылать ребят в школу. Дед все же успел окончить, как немногие на хуторе, только три класса начальной подготовки двуклассной школы на Школьном хуторе. Считалась она в общем казачьей, иногородние в неё редко допускались, обучение было платным в одну смену. В состав министерских не входила, тем не менее, согласно тогдашнему закону о всеобщем начальном образовании, она подчинялась дирекции народных училищ инспекторского района №2 Кубанской

области. Преподавательский состав состоял из заведующего, двух учительниц и законоучителя Закона Божьего – священника с местного молитвенного дома. За три года школа давали минимальные навыки – читать и писать, производить простые арифметические и геометрические действия. 4-й и 5-й годы были тогда вторым классом, и дед там получил азы некоторых наук – физики, естествознания и истории. Кроме этого, несколько раз в неделю с хутора Александровского приезжали инструктора гимнастики и начальной военно-казачьей подготовки, занятия которых по полдня проводились на полигоне за хутором. Там осваивали верховую езду на лошадях с солдатскими сёдлами без оружия, а старшие – обращению с шашкой, заканчивая каждую езду рубкой лозы. Были так же и школьные соревнования по гимнастике. Дед рассказывал, что учился он на «хорошо», тяжело ему только давались естествознание и история, которые нудно было «вызубривать».

Однако в апреле 1918 года всё образование деда закончилось. Приехала инспектриса с заплаканным лицом и сказала, что их школа новой властью закрыта. Кроме житейского опыта в его голове в последующие годы уже никаких знаний не прибавлялось. Правда, сразу после революции учиться ещё можно было, в новую советскую школу ШКМ его даже приняли вначале, но он не сильно туда рвался, лишь иногда посещал её осенью. После той, в которой он учился, было для него примитивно и то что там преподавали он уже всё знал.

На хуторе Братском парубком мой дед встретил все суровые моменты становления Советской власти. Вступая в самостоятельную жизнь в юношеские переломные годы, как и большинство тогдашних детей, уже приучился понимать, каким тяжёлым трудом достаются материальные блага. Деньги ведь в то время никакой цены не имели – только натуральный обмен. Несколько коробок спичек стоил миллион советских рублей. Поэтому прекрасно осознавал, что только личный труд каждого на земле давал в итоге кое-какую возможность для нормальной жизни в большой семье его отца. С малолетства был приучен к тяжелейшему крестьянскому труду. С 12 лет вместе с отцом и старшими братьями он уже работал на землях Братского товарищества. С ранней весны до осени помогал в полевых работах родителям, а ночью с хуторскими мальчишками ещё и пас лошадей.

После октябрьской революции в России начался повальный голод, от которого тамошние крестьяне, собрав кое-какие пожитки, пускались на поиски лучшей жизни. Они ехали на Кубань, считая, что места тут хлебные и жизнь посытнее. Много людей присылала компартия для восстановления сельского хозяйства. На хуторе к тому времени мало кого

осталось из старожилов. Население хутора менялось – коренных жителей почти не оставалось, а пошёл приток иногородних. Эти жители в своём большинстве жили бедно у себя на родине, часто там голодали. Общение с их детьми помогло деду многое понять, многое узнать, задуматься над происходящими событиями. С ними у него начали складываться дружеские и откровенные отношения, которые потом ему не раз товарищески помогали в решении своих непростых жизненных ситуаций.

Женился мой дед по традиции рано в 18 лет, на Александре Павловне Хоружевской (20.06.1906 г.р.), урождённой хутора Братского. Обычно у нас стараются девок замуж отдавать по осени, главным образом потому, чтобы она основные сельхозработы проработала у родителей, но наши решили по-своему и молодые, как тогда говорили, «расписались в Братском Сельсовете» в воскресенье 13 июня 1926 года.

Запись о браке Ивана
Кононовича и
Александры
Павловны

Указанная на обряде сего гр-ка
хоружевская Александра Павловна
вступила в первый брак с гр-ном
Анастасом Ивановичем Кононовичем.
Брак зарегистрирован в Братском
с/совете 13 июня 26г. что удостоверяет
печать Председателя Кошар
Д. И. Кошар
13/VI - 26.2

Хотя времена были суровые – не время свадеб, но постарались её сыграть хоть и скромно, но всё же по традиционным правилам. Тем не менее в церкви дед и бабушка венчались. По обычаям того времени, при проезде свадебного поезда через хутор, в центре жители выходили из домов натягивали верёвку через дорогу. Дружок жениха ехал впереди на коне и если конь заденет за верёвку, то нужно было отдавать хоть что ни будь из веселящего. Дружком деда на свадьбе был Иван Перепелица. Он так натренировал свою лошадь, что она нигде не задела верёвку. После обеда собралось застолье в прадедовом доме. Гости дарили новобрачным скромные подарки.

25 апреля 1927 года у молодых появился первенец Анатолий – мой отец, 21 января 1930 года бабушка родила второго мальчика – Александра, а третий Виктор случился у них в 1932 году. Бабушка Саня всю свою жизнь очень сильно жалела, что у неё не было ни одной дочки. Так вот ей этого хотелось – не было родимой помощницы, советчицы, чтобы хоть с кем-то можно было по-женски поделиться своими печальми.

Бабушка Александра и её
родственники Хоружевские

Родилась Александра Павловна – в девичестве Хоружевская, 8 июня 1906 года (по старому стилю) на хуторе Братском. Отец её Павел Степанович Хоружевский – 1865 года рождения. В метрической записи приходской книги молельного дома хутора Братского говорится о прибытии Павла Степановича из села Покровского Луганской волости Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Старожилы этого села (есть ещё ныне живущие в Покровском) рассказывали, что прапрадед Степана Хоружевского был в числе каторжных семейств, присланных под конвоем и поселённых в десяти вёрстах на северо-востоке от Бахмута. Это было где-то в 1795 году, во времена царствования Екатерины II, когда к России после войны и раздела Речи Посполитой были присоединены земли великого княжества Литовского: Беларусь, Волынь и др. Царица Екатерина велела всё распущенное войско княжества сослать в Екатеринославскую губернию на вечное поселение. Тридцать семейств из числа непокорных воевод были посланы на работы в солеварни Бахмута. После отбытия наказания бахмутские солевары указом царя перечислены в казённые поселяне с переводом их в слободу Покровскую с назначением государственной землёй по числу их душ. К тому времени все бахмутские государственные соляные заводы из-за своей низкой рентабельности были предназначены к закрытию.

Интересно то, что на родовых фотографиях XIX века семейств Хоружевских из села Покровского, то те везде стоят под своим священным флагом, польско-литовским «Хоругов-знаменем». На нем присутствуют черты герба Волынского воеводства – крест с характерным вензелем. Прорисовка реликвии говорит, что их предки-военачальники похоже раньше дислоцировались в городе Новгород-Волынский (сейчас это Житомир). По рассказам же родственников, тремя поколениями ранее эти шляхтичи имели польские корни и обитали где-то под Варшавой. Манера одеваться как у выходцев из западных районов Украины сохранилась у Хоружевских до нашего времени. У моей бабушки Сани тоже это было заметно. Она сама лично мне в детстве сшила западынскую вышиванку, и я её с гордостью носил.

Семья родителей Павел Степановича – отца бабушки Александры, по рассказам была не из бедных. Так получилось, что в ней в большинстве своём превалировал женский род. Почти всех девиц отец вывозил на Кубань для выдачи замуж. Родители Павла были довольно религиозны, и почему-то решили, что их сын должен стать церковным светилом. И вот в младшем возрасте его отдали учиться грамоте в Бахмутскую духовную школу, где готовили молодых людей, могущих нести православные обряды и «*траковать греческого и латишского диалекта*». На самом же деле Павел сильно тяготился таким своим положением. Священники в школе постоянно учили его жизни, а он частенько начинал заводить с ними споры о истинном учении. Поссорившись с преподавателями, бросил семинарию. Вместе с братом отца Антоном Степановичем, жившим тогда в Вязовках Павлоградской волости и занимавшегося извозом, поехал на Кубань пристраивать замуж его семерых дочек. Поговаривали, что Павел Степанович всё же имел свидетельство об окончании курса богословских классов, т.е. какой-то церковный разряд в Бахмуте всё же получил. Довольно образованный по тем временам человек на Кубани он почти сразу же через очередного свата Захара Речмедилова был пристроен титарем (церковным старостой) в Николаевскую церковь станицы Усть-Лабинской (разрушена в 1935 году). Должность довольно серьёзная – вести приходо-расходные книги, проверять употребление и хранение церковных денег, оприходовать приношения. При храме действовала церковно-приходская школа, где он вёл географию латынь и греческий. Но насмотревшись как там попы проводили различные церковные обряды в свою пользу, на этой почве довольно сильно разругался с церковным начальством и окончательно разочаровался в этом деле. Быстро женившись, двинул с молодой женой Ульяной Демидовной (в дев. Жадан) к своим родственникам на хутор Братский. Имея немного накоплений, вступил в Братское поземельное товарищество, впоследствии став одним из его активистов и секретарём правления. Всего у Павла Степановича и Ульяны Демидовны, было десять детей, но большая часть из них умерла, так и не дожив до детородного возраста. Согласно первой советской переписи 1920 года в личном хозяйстве Павла Степановича числилось 17 душ. Было трое мужчин, 8 женщин и какие-то родственники. Ещё двое мужчин служили в Красной Армии.

Отец бабушки Павел Степанович, как только поселился с женой на хуторе Братском, то почти сразу построил себе хороший саманный дом у самой излучины реки Зеленчук. Известно, что до революции его земли занимали место от теперешнего пустыря возле стадиона по улице

Советской и до речки Зеленчук. Рядом с ним на этом участке потом выстроили дома и его сыновья – Максим и Григорий, заимевшие потом помногу детей. Со временем те посадили фруктовый сад с яблонями, грушами и ещё один большой участок с виноградником, площадью с десятину. Сад находился на довольно хорошем, чуть возвышенном месте, которое никогда весной не подтапливалось грунтовыми водами. Урожай всегда снимали хороший, который шёл в большинстве на продажу.

Павел Степанович в своё время был утверждённым титарем в хуторской Петропавловской церкви и решал текущие хозяйственные проблемы, приобретал потребное для прихода имущество, вёл инвентарные книги. Как наиболее грамотный в округе проводил ревизию бухгалтерии товарищества с составлением различных податных документов. Принимал активное участие в снабжении товарищества новыми сельскохозяйственными машинами. Многие хуторяне довольно часто приходили к нему и тот давал им толковые советы по различным вопросам. Помогал писать письма. Учил маленьких детей и внуков географии и латыни в первоклассной церковноприходской школе. С приходом Советской власти отец бабушки Павел Степанович долгое время проработал в конторе артели, а потом и колхоза. Дожил до апреля 1941 года. Умер от сердечного приступа, сердце остановилось во сне не вынеся страданий. Под конец жизни он стал сильно переживать за гибель всех своих сыновей, а потом уже и своих внуков.

Мать нашей бабушки Сани – Ульяна (в дев. Жадан) умерла рано в 1920 году. Толи сердце не выдержало гибели многих детей, особенно сильно переживала она за старшего сына Максима, долго ездила по разным Сальским местам разыскивая его могилу, где тот воевал за Белых, толи от скарлатины, занесённой в дом за время этих поездок. Бабушка во многом переняла от неё порядочность, скромность и кротость характера. Отец бабушки Сани овдовевши после установления Советской власти на Кубани, остался на руках с тремя малолетними девочками. Участь вдовца незавидна и вскоре он женился на такой же вдовице, казачке Марфе Титаренко из хутора Каланбетова, у которой было двое своих парней – Владимир и Николай. Жили все они после революции относительно скромно, но, тем не менее, своих девочек он очень сильно любил и на их воспитание денег не жалел. Бабушка, в ту пору девушка, успела окончить до революции два класса школы первой степени (училась 4 года), а затем успела даже поступить в народное училище. Схватывала всё на лету. Потом, как только она чуть подросла, а в хозяйстве всегда было много работы, то мачеха уже не пустила учиться дальше. После революции учителя хвалили её и просили отца всё же отпустить дочку на

дальнейшую учёбу в советское училище в станице Ладожской. Но мачеха настояла: «Всё, хватит! Девкам это уже совсем ни к чему».

В дальнейшей жизни бабушка много читала – самообразовывалась, но систематического образования, так и не получила, не дала революция. Детство бабушки Сани прошло на одной улице с моим дедушкой и здесь же они стали заглядываться друг на друга. В свои 20 лет бабушка Саня восприняла сватовство Ивана Кононовича как счастье, полюбила его, и всю жизнь вспоминала об этом событии с благоговением. Проживая в доме отца с мачехой, которая хотя её и не сильно притесняла, она уже особо не надеялась выйти замуж – мужиков на хуторе в то время совсем не осталось. После свадьбы её с особой радостью приняли в дом Апанасенко, где она чувствовала себя гораздо лучше, чем в своей семье. Работала стала в колхозе «Путь коммунизму»

Из характеристики на
Апанасенко Александру
Павловну от колхоза «Путь
к Коммунизму».

С мачехой бабушка потом мало общалась. Хотя и доглядала её перед самой смертью. Умерла мачеха чуть позднее Павла Степановича, где-то сразу после оккупации немцами хутора. По натуре бабушка Саня была человеком весьма скромным и очень неприязненным, никогда ни на что она не жаловалась. Но обида на мачеху в её душе всё же видимо какая-то запала. Один раз она такой с горечью вспоминала, о том, как та не захотела передать детям даже части семейного столового серебра, оставшихся в доме после смерти её матери и золотых часов с боем, полученных по наследству ей ещё от своей бабушки. Она без согласия отца всё продала, а деньги в голодные годы непонятно на что истратила. В наследство от отца бабушка особенно ничего ценного тоже не получила. К сожалению, ни одной старой фотографии прадедов тех времён не сохранилось, потому что с наступлением репрессий на семью в 1930-33 годах вторая жена Павла Степановича Марфа все их сожгла, боясь гонений со стороны Советской власти, и всех взрослых детей заставила сделать аналогичное.

Один из старших сыновей Павла Степановича, брат бабушки – Максим (1892 г.р.) погиб во время революции. Придя с Кавказского фронта после февральской революции 1917 года, пошёл воевать за белых в Кубанскую Армию. Был тяжело ранен, тесня красных, пробивавшихся через сальские степи и калмыцкие пески на Баку. Там же где-то в степи умер и похоронен. У Максима было три маленьких дочки и сын Павел. Жена его Александра впоследствии попыталась вторично выйти замуж за приказного Бабица из Нововеличковской – дальнего родственника последнего наказного атамана Кубани, но его за эту родственную связь впоследствии репрессировали, и она так и жила на хуторе. А сын их Павел, окончив школу в Ладожской, уехал на заработки в п. Хасавюрт (Дагестан), там осел, впоследствии став директором местного рыбсовхоза. К нему потом поближе переехали две его младшие сёстры и так они все вместе прожили там до конца жизни. На Кубани они уже никогда не были и в дальнейшем со своими родственниками с хутора Братского больше не виделись, хотя и изредка переписывались.

Хоружевский Максим Павлович Фото 1915 г. Хоружевский Павел Максимович. Фото 1932 г.

Другой сын Павла Степановича – Григорий (1900 г.р.), построил себе так же большой дом и всё время жил по соседству с ним. В 30-х годах был репрессирован Советской властью за «саботаж», бывши в голодовку секретарём Сельсовета х. Братского. Как только мог спасал от смерти хуторян, выдавая по запискам Сельсовета продукты, за что и поплатился. Умер в лагерях Томской области в 1934 году. От Григория, на руках у его жены Прасковьи Федоровны (в дев. Волобуева), осталось трое детей – младший сын Георгий (1924 г.р.), пропавший без вести на войне в декабре 1943 года на Кавказе, дочь Нина (25.07.1923 г. - 28.12.2018.) и старший сын Алексей (04.03.1920г. - 11.09.1942 г.).

Хоружевские Григорий Павлович с женой Пасковьей (Волобуевой) и сестрой Надеждой Павловной. Фото 1920г.

Дочь Григория Павловича – Нина, окончив семь классов на хуторе Братском уехала на дальнейшее обучение в ст. Ладожскую (на хуторе Братском тогда была только семилетняя школа). В 1941 году, в первые дни войны, на следующий день после выпускного, пошла на учёбу связисткой и потом добровольцем на фронт. В июле месяце 1942 года, будучи на Кубани при массированных налётах авиации противника, уже активно воевала и на своих боевых дежурствах довольно точно передавала сведения нашим активным средствам ПВО. Хорошо освоила боевую технику, была группомсоргом. За отличную службу имела много благодарностей от командования частей, за что получила медаль «За оборону Кавказа». При отступлении наших войск вела себя стойко и мужественно, показывала многим мужчинам примеры храбрости. Геройски провоевала всю войну связисткой, получила медаль «За боевые заслуги». После демобилизации работала в х. Братский секретарём сельсовета. Затем закончив сельхозинститут во Львове, вернулась по распределению на Кубань и поселилась в селе Горькая Балка. Выйдя замуж, родила троих детей. Проработала она почти всю свою жизнь главным агрономом в колхозе, имела много наград за свой труд. В 1958 году избиралась депутатом Верховного совета СССР от Тихорецкого округа. Так в колхозном труде и заботах о нивах Кубани прошла её жизнь.

Нина Григорьевна Хоружевская (справа) на фронте – 15-й отдельный батальон ВНОС 8-й Гвардейской Армии. Фото 1944г

Старший сын Григория Павловича – Алексей с детства любил коней, занимался конным спортом и джигитовкой, лозу заправски рубил. Несколько раз получал первые места на районных скачках. Закончив Братскую семилетнюю школу, продолжил учёбу в станице Ладожской.

Алексей Григорьевич Хоружевский. Фото 1940 г.

На военную службу Алексея Григорьевича призвали ещё до войны в 1940 г. Попал он в элитный 94-й Казачий кавалерийский полк 6-й дивизии, который стоял на новой западной границе в г. Ломжа (сейчас Польша). В первые дни войны ему выпали самые серьёзные испытания. Полк плечом к плечу с пограничниками первым принял на себя огненный вал наступающих немецких армий. 3 июля под Минском Алексей попал в плен при окружении оказавшего упорное сопротивление полка. Был расстрелян немцами за ослушание (побег) в лагере для военнопленных Шталаг IVB Мюльберг 11 сентября 1942 года.

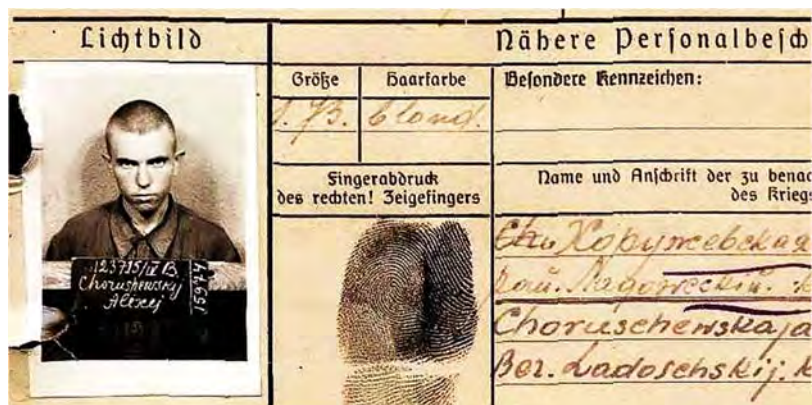

Фото из личного дела Хоружевского Алексея Григорьевича в немецком концлагере Цайтхан. Документ 1941 г.

Вот на них кубанская ветвь семьи Хоружевских из Братского и закончилась. Больше мне по мужской линии из этой части родственников обнаружить никого не удалось. По рассказам один из каких-то двоюродных братьев Павла Степановича после революции проживал на хуторе Согласном, другой же вообще попал с белогвардейцами в Африку, и его внуки в итоге обосновались в Северной Америке. были ещё двоюродные братья в селе Покровском Луганской волости Бахмутского уезда Екатеринославской губернии.

Старшую сестру бабушки – Надежду Павловну (1898 г.р.) всё время сватал местный учитель Рябоконь, намного её старший. Ухаживал так, что отбоя не было. Но она прямо перед самой революцией вышла замуж за молодого красавца – казачьего поручика Николенко, только что отслужившего службу. Уехала на жительство в хутор Романовский (сейчас это г. Кропоткин). Хутор тогда уже был крупным торгово-транспортным центром с промышленностью небольшого города. Жили там они довольно зажиточно – отец мужа имел много земли и даже какое-то своё кондитерское производство. Но в 1918 году её мужа вместе с отцом расстреляли красные, всё хозяйство реквизируют. Податься ей было некуда и через год после этих событий вернулась она к своему родному отцу в хутор Братский – детей от того брака как-то так не случилось, а оставаться там ей уже было просто опасно для жизни.

В 1922 году Надежда Павловна повторно вышла замуж за Николая Александровича Добрынина из станицы Ново-Лабинской и уехала жить туда к нему. Но прожила, как и её мать, тоже недолго – умерла от тяжёлой болезни в 1936 году. На мужа её поступил донос в НКВД от одного из

бывших работников, его быстро схватили и посадили. Он после революции, во времена НЭПа развил неплохое своё дело. Брал в аренду у казаков земли, нанимал работников и высаживал на них большие площади подсолнечника. Сам сбивал масло и ездил продавать его по окрестным станицам. Поэтому его хорошо знали все в округе. Но среди тех работников, кого он нанимал, нашёлся недовольный этой его деятельностью, указавший на него как на спекулянта и написавший заявление в органы НКВД. Его посадили в Усть-Лабинскую районную тюрьму, где он заразился тифом. Власти не стали долго с ним разбираться – фактов спекулянтства особенно не нашли и его выпустили. Умер он уже в станичной больнице. В скорости слегла и сама Надежда Павловна – как только могла выхаживала мужа, каждый день ходила к нему в больницу, носила кушать и не смогла спастись от заразы. Через месяц от этой же болезни умерла она и одновременно с ней и её старшая дочка. Остались сиротами сын и младшая дочь, которых в последствии определили в Ново-Лабинский приют. Сын их Александр Добрынин до войны поступил в авиационное училище, стал лётчиком и в Кубанском небе получил своё первое крещение. На войне в сентябре 1942 в одном из воздушных боев его самолёт был сбит, но он успел выпрыгнуть из горящей машины и раскрыть парашют. Впоследствии был тяжело ранен в боях при защите от немецко-фашистских захватчиков железнодорожной станции Куринской, Апшеронского р-она, Краснодарского края. Умер от ран в военном госпитале в г. Тбилиси.

Интересно то что, когда только началась война и немцы ещё не начали наступать на Кубань, Александр Николаевич уже участвовал в полётах. И вот однажды пролетая над хутором Орлова, где жила бабушка Саня с детьми, покругив со страшным шумом несколько раз над их домом, попытался бросить им записку. Они вначале испугались, думали, что будет бомбёжка, но потом поняли, что это Александр и даже рассмотрели его. Но, к сожалению, бумажку ветром снесло в речку. Поплыв подобрать её на лодке, родственники увидели, что вся она сильно намокла. Удалось прочитать только часть каких-то обрывочных сведений о его дате отправки на фронт. А младшая дочка Надежды Павловны – Полина Николаевна (29.05.1929-02.03.2012), племянница нашей бабушки Сани, которую она очень любила, до недавнего времени проживала в г. Краснодаре. Когда я после института в 1973 был распределён в Краснодар, то некоторое время проживал в их семье. С сыном её Добрыниным Валерием Георгиевичем (9.04.1958-8.05.2005 г.), умершим довольно рано от неизлечимой болезни, мы были дружны, и долгое время проработали вместе.

Самая младшая сестра бабушки Сани – Мария Павловна (1911 г.р.) после революции вышла замуж за Григория Васильева, сына потомственного врача из станицы Ново-Лабинской, и он её забрал к себе. Весьма интересно познакомились они друг с другом. Маруся однажды решила сходить в гости к своей замужней сестре Надежде в Ново-Лабу, а когда пришла, то не застала никого дома. Все были на свадьбе на краю станицы. Она пошла туда, и не зная никого там, постеснялась заходить. Стала вблизи наблюдать за происходящим вместе с играющими вблизи двора незнакомыми мелкими девочками. А дед Жора, ещё тогда молодой парень-ухарь увидел её через плетень, пригласил, посадил с собой рядом и влюбился в неё сразу. Так шуточками, прибауточками и приманул. Частенько он потом к ней ездил на хутор – это почти 15 километров, пока она не согласилась выйти за него замуж. Свадьбу играли на хуторе Братском в доме Хоружевских. Так вот они очень крепко дружили семьями с моим дедом и бабушкой до самой смерти. Часто ездили друг к другу в гости.

Мария Павловна Хоружевская (Васильева).
Фото 1929 г.

Дед Григория Васильева до революции имел в станице Ново-Лабинской свою частную больницу, перешедшую потом к его отцу, которую с приходом Советов реквизируют, а ему самому пришлось долго скрываться от новых властей. В апреле 1920 года при отступлении Кубанского войска из соседней станицы Некрасовской мост через Лабу был взорван и красные, пользуясь моментом, побили с горы много людей оставшихся на берегу из пулемётов. И тогда местные казаки-некрасовцы, отчаявшись или от сильной злости за то, что им пришлось бросать свою родную станицу, порубали почти всех наступающих кавалеристов. Погибло там немало голов с двух сторон. Бой происходил недалеко на берегу Лабы и раненых казаков привезли в его станичную больницу, где он пытался их лечить. Красные, когда вошли в станицу и перестреляв раненных казаков, не смогли ему простить таких прегрешений, захотели

тоже расстрелять, но он успел выбежать с больницы, сесть на лошадь и ускакать в соседний адыгейский аул Джамбичи. Черкесы его там хорошо знали и приютили – ранее он всегда лечил их детей. Но потом кто-то из своих станичников всё же его выдал. Почти до 1990-х годов здание станичной больницы в центре Ново-Лабинской – бывшей Васильевых, было ещё цело. Удивительно то, что дед Жора с бабой Марусей вернулись до войны в 1936 году в станицу Ново-Лабинскую, поселились рядом с этой же больницей – видимо так их тянуло в родные края. Васильев при Советской власти продолжал долгое время работать фельдшером в станичной больничке, а Мария Павловна, окончив училище – медицинской сестрой.

А любимый их сын Анатолий, трагически погиб сразу после войны, купаясь в реке Лабе. Работал он киномехаником на кинопередвижке и однажды во время сильной жары, остановив машину на обрыве реки, решил пойти искупаться. Но, нырнув в бурную реку, в воде напоролся на большую корягу, запутался в ней и уже никак не смог выплыть на поверхность.

Дети Марии Павловны Хоружевской
(Васильевой) – Анатолий и Лида. Фото 1938 г.
ст. Ново-Лабинская.

Я в 1980-х годах часто проезжая мимо этой станицы к своим родителям в Лабинск, частенько заезжал к ним и всегда удивлялся их весёлому и задорному характеру. Дед Жора был заядлым охотником и часто проводил время на природе, а бабушка Маруся великолепно умела стряпать, особенно мучное. Но потом, когда они уже совсем состарились и ослабели, их забрала к себе дочь Лида (по мужу Минович) в г. Волжский Волгоградской области, где они закончили свой жизненный путь и похоронены. Вот такие братья, сестры и их дети были у моей бабушки по отцу Александры Павловны Хоружевской.

Про жизнь родителей отца при социализме

Апанасенко Иван Кононович с
женой Александрой Павловной.
Хутор Братский. Фото 1927г.

Сразу после женитьбы мои дед и бабушка жили одной семьёй в родительском доме прадеда Конона Корнеевича. Там они в 1930 году застали дни раскулачивания. Пока зачитывали постановление дед хотел было воспротивиться, но его силой вывела из дома группа местных косоцов. Хорошо он запомнил, как те выносили из дома посуду и мебель, как выгоняли их со своего двора. Как к ногам домочадцев милиционеры молча бросали узлы с личными вещами. А мать его Дарья долго стояла на воротах и приговаривала хныкающим маленьким внучатам, что бы те не плакали – *«Никто же ведь не вмер, чаго вы так голосите»*. Как потом в центре хутора в огороженное под открытым небом место колхозники сгонялся скот с таких же дворов и сделали загон. Кормить его там особо было нечем. Плохое обращение было с теми волами, которых дед любил. Когда их уводили, они смотрели умными глазами, как будто чувствовали, какая доля их ожидает. Они прожили в колхозе недолго, почти сразу стали немощными калеками – их заставляя возить непосильные тяжести. А через два года, в голодовку, пустили под нож. Бабушка Саня тогда только что родила второго сына – Александра и пролила много слёз из-за расставания с уже ставшим ей родным домом семьи Апанасенко.

После раскулачивания в 1930 году дед мой с бабушкой осели у родственников бабушки – Хоружевских в их старой мазанке. Отец бабушки Сани поселил их в свою старую мазанку-временку. В этот год у них только родился второй сын Александр (21.01.1930). Имея на руках месячного ребёнка и трёхлетнего моего отца, да ещё в этой же хатенке с ними жила прабабушка Дарья со своим сыном Николаем, им было очень трудно своё положение. Да и у семьи Хоружевских своих малолетних детей в то время было предостаточно. Есть было нечего, денег тоже ничего не осталось. Но если бы не их помощь, вряд ли бы младшие братья моего отца смогли тогда выжить. Им постоянно хотелось кушать.

В 1930 году деда в армию не взяли, как сына «белоказака и бывшего депутата Кубанской Казачьей Рады». Хотя оба его старших брата уже успели спокойно отслужить свой срок в Красной Армии ещё при НЭП-е. А брат Яков, вернувшись после демобилизации на хутор Братский в сентябре 1929 года, даже смог поступил в ряды Красной милиции. Призывной возраст военнообязанных тогда был 21 год к 1 января года призыва. Военкомат же на основании документов от Братского Сельсовета записал деда в разряд «неблагонадёжных». Он был поставлен на специальный учёт и выдано свидетельство обязанного службой в тыловом ополчении – «белый билет». Что это означило? Согласно тогдашнему Закону об обязательной военной службе, такие лица лишались права защиты СССР с оружием в руках. С момента призыва на военную службу они подлежали обязательному зачислению только в тыловое ополчение. Поскольку в мирное время создание частей тылового ополчения не предусматривалось, то лица, зачисленные в ополчение, ещё облагались особым военным налогом. Этот налог взимался в размере половины основного дохода и поступал в фонд социального обеспечения для оказания помощи инвалидам гражданской войны. Сами зачисленные в тыловое ополчение лица состояли на особом воинском учёте и им выдавались ополченческие билеты на бланках белого цвета. Такой и был у моего деда.

Но вот однажды, какой-то умный городской человек, приехавший с Усть-Лабинской, где он работал тогда с его братом, посоветовал деду вообще переселиться побыстрее и подальше из этих мест, где все знали о его отце – вскоре грянут совсем страшные времена. Семье сына «беглого кулака» лучше властям лишний раз глаза не мозолить. Как говорится от «греха подальше» в этом же 1930 году они уехали с двумя малолетними детьми в Дагестан к двоюродному брату бабушки Александры – Павлу, сыну Максима Хоружевского, который к тому времени стал председателем рыболовецкой коммуны в посёлке Хасавюрт. Работали

там на переработке рыбы. Бабушка к этому времени уже была беременна третьим ребёнком. Но пробыли они там недолго, до осени 1932 года. В тех местах начались заварушки на национальной почве, как тогда говорили «саботаж» – местные гнобили и вырезали русских. Им срочно пришлось покинуть эти места опасаясь за свои жизни. Помыкавшись по чужим краям, где жизнь была ещё хуже, решили, что всё же лучше бы им вернуться домой и рожать бабушке в своих краях где есть родственники.

Но сделали они это конечно зря, о чём потом много раз пожалели. Как только они вернулись на хутор Братский зимой 1932-33 года в Ладужском районе Азово-Черноморского края разразился подготовленный всем ходом коллективизации Советов страшный голод. Раньше тоже бывали сильные засухи, например, в 1921 году на хуторе почти всё засохло, пшеница даже колосков не выбрасывала. Но тогда запасы продуктов были у всех. А страшный голод 1933-го года был вызван властями искусственно. Сталин тогда сказал: *«Мы отстаем от развитых капиталистических стран на пятьдесят лет и должны пробежать это расстояние за десять»*. А для закупки промышленного оборудования требовалась валюта. Получить её тогда можно было лишь в обмен на зерно. Между тем в мировой экономике разразился кризис, цены на хлеб резко упали. За 1932 г. несмотря на начинавшийся массовый голод, из страны экспортировали его огромное количество по бросовым ценам. Люди умирали от голода, а в это время правительство вывозило зерно за границу. Это всё позволило к началу 1940-х годов превратить Советский Союз в одну из немногих стран мира, способных производить все виды индустриальной продукции. Но для этого только в 1932 г. в Краснодарском крае было заготовлено свыше 15 млн. центнеров хлеба. Потребовалось сдать в счёт хлебазаготовок даже часть семенного фонда, но планы партии так и не были выполнены. В колхозах урожай был плохой. Из окрестных хуторов было вывезено все зерно. Осенью весь район был наводнён уполномоченными, которые руководили группами по изыманию хлеба у населения. У жителей всё взяли на учёт: хлеб в зерне, кормовое зерно и сено, лошадей, рогатый скот, свиней, овец, домашнюю птицу и даже пчёл, определив минимальную норму расходов для каждого двора, на расходование остального наложили запрет.

Хотя формально колхозы в хуторе существовали, но их фактически уже и не стало. Все хуторяне, обозлённые на власть, поразбежались в поисках продовольствия для себя. Бригадиры смогли как-то утаить часть зерна прошлогоднего урожая от выгребавших всё господставок и нелегально его раздавать. Деду и бабушке, хоть и имеющим трёх малолетних детей, мало что выпадало из общественного фонда. Но у семьи оставался ещё

мешок кукурузной муки, привезённой с Дагестана. Из неё, макухи и того, что ещё можно было достать, делали хлеб. Пекли лепёшки из травы. Из стебля подсолнуха вытаскивали сердцевину, перемалывали её и клали в эту муку зелень. Рядом была река, кое-что удавалось там выловить, хоть комары сильно заедали людей и везде появился запах гнилья и болота. Воду в ней и спустили, но мелководья ещё немного оставалось и там были малосъедобные двухстворчатые ракушки-беззубки, из которых бабушка варила суп. От этого безводья по реке везде вырос густой высокий камыш. Люди вылавливали в них последних лягушек. Дед с моим отцом кипятили котёл в конце огорода, прямо на берегу и высыпали туда пойманных ночью с помощью мешка с приманкой лягушек. Через пять минут дед опрокидывал его на сухой камыш. Снимал с лягушек кожу как с варёной картошки, потрошил, отрезал лапки, мыл в проточной воде тушки и продолжал варить в котле на жарком огне от камыша. Этими лягушками дед спасал себя и свою семью. Отец помнил вкус этого мяса, с лепёшкой его не сравнить, в которой питательного ничего не было, только набивался пустой желудок, а есть всё равно хотелось. Охота в полях тоже спасала. Правда живность и птиц побили всю сразу, но дед ловил ещё каких-то оставшихся в полях сусликов. Голодали все тогда очень сильно. Люди на хуторах в этот год многие не выжили от голода и болезней. По рассказам старших в самом хуторе Братском около двадцати семей тогда не смогли полностью пережить эту голодовку, но трупы по улицам, как в соседней станице Ладужской, всё же не валялись.

Как рассказывали старики, в станице Ладужской съели всё, что двигалось. Запас продовольствия и фуража иссяк почти сразу осенью, и его больше не подвозили – власти считали, что у всех есть где-то что-то ещё припрятанным. На самом же деле у людей всё было вывезено, а нереальные планы по заготовкам в станице срывались. Для оказания помощи в выполнении государственного плана по сбору хлеба и борьбы с кулацким саботажем, в станицу Ладужскую прибыли чекисты под руководством комиссара одной из воинских частей Черноморского флота. Люди были очень злы на власть, убили присланного комиссара и несколько его помощников. За что и поплатились. Опираясь на карательные отряды ГПУ, специальные бригады стали ходить по домам и изымали все, что можно было взять: пшеницу, кукурузу, фасоль. Продукты изымались с одной целью – под страхом голодной смерти заставить людей отдать спрятанное от государства зерно, выполнить любой ценой утверждённый план хлебопоставок. Каждому, указавшему на спрятанный хлеб, выдавалось в размере 10% от найденного зерна. На дорогах установлены были заслоны по возврату «ушедших на отходные

заработки», введён контроль над продажей железнодорожных билетов – только по командировочным удостоверениям и с разрешением Советов. Патрулировались улицы станицы силами милиции с подворным обходом для выявления беглецов. Им тогда окружёнными со всех сторон выставленными милицейскими постами и стрелявшими в людей, шедшими голодными для поиска пропитания, не удавалось даже вырваться за пределы станицы. Они умирали тут же на выезде.

Несмотря на то, что у жителей станицы были и деньги, и предметы для продажи, купить продукты на них не было никакой возможности. Просто никакой еды в ближайшей округе не у кого уже не осталось. Сначала все съели остатки припасов, которые по тем или иным причинам не забрали, потом стали есть семена, а дальше – кто что найдёт. Советы полностью прекратили завоз товаров и вывезли всё со складов райпотребсоюза. Когда появилась первая трава, люди ели её без разбора. Но и это не спасало. Телега-катафалк регулярно объезжала дворы и собирала умерших, которых хоронили в братских, наспех вырытых могилах на окраине кладбища станицы. Тогда зимой 1932 года и весной 1933 года около 75% жителей в станице Ладожской умерли от голода и болезней.

Родня деда, точнее семья его родной сестры Татьяны, вышедшей замуж за Загорулько Константина, чтобы выжить, пыталась прорваться через кордоны за Кубань на хутора. Но были пойманы. Их вернули в станицу и предупредили, что при повторной попытке бегства просто будут стрелять. Тогда они решились коллективно уйти подальше с этих краёв. Так было легче прорываться группой и затем менее опасно обжиться на новом месте, опираясь на помощь друг друга. Во главе беженцев был известный многим казак Курилов. Совершив вторую попытку побега ночью на плотках через реку (мост через Кубань ещё не был восстановлен), на этот раз удачную, им удалось пробраться к своим родственникам на хутор, и тем самым избежать голодной смерти. Побросав в станице всё своё имущество и забрав только маленьких детей смогли как-то пешком добраться до станции Тихорецкой. Двинули они потом в Тюрскую республику (Азербайджан) и где-то там осели вблизи Баку. Никто из них до конца своей жизни больше не возвращался в родные края.

Интересно отметить, что в Адыгее голода в этот год практически не было, они таскали что-то понемногу с колхозных закромов и ели, об этом никто никуда не заявлял. Достаточно было пройти через Лабу километров за десять, и там можно спокойно поменять вещи на продукты. Например, за новую кашемировую юбку адыгейцы давали десять маленьких початков кукурузы. Некоторые с хутора так и делали, ходили за едой к черкесам.

Вот как описывает события на хуторах этого января 1933 года в своих воспоминаниях тогдашний молодой коммунист Александр Константинович Коротченко, наш свояк, учившийся в Краснодаре на III курсе педагогического института:

«Меня вместе с другими коммунистами вызвали в Горком ВКП(б). Сказали, что на время зимних каникул нас направляют для оказания помощи при проведении хлебозаготовок. Проинструктировали, что при себе нужно иметь железный щуп, так как придётся искать хлеб, закопанный кулаками. На инструктаже в Горкоме нам прямо сказали: «Срывается план хлебозаготовок. Зажиточные крестьяне и казаки стали на путь саботажа, не хотят сдавать хлеб, спрятали его весь по ямам. Надо его любой ценой взять». И вот сформированная Краснодарским Горкомом группа коммунистов около 60 человек отправилась по разным уголкам края. Нашу бригаду из 12 человек поселили на хуторе в доме выселенного ранее кулака на казарменном положении. На второй день собрали в Сельсовете. Уполномоченный Азово-Черноморского Крайкома партии и секретарь сельской Партячейки распределили нас по 3 - 4 человека по хуторам. Каждому в качестве проводников дали местных активистов с подводами. Главное внимание мы уделяли поискам хлеба, зарытого в земле. Получалось вскрывать ямы с бочками, заполненными пшеницей. Бывали дни, когда нам вообще не удавалось обнаруживать хлеб. У многих крестьян его просто не было. Хуторяне по-прежнему занимались только своим хозяйством, на колхозную работу не ходили, хотя все и числились колхозниками. Много неубранного колхозного хлеба осталось лежать на полях, его никто не хотел собирать, даже себе, за его присвоение – под суд и выселение.

Во время этих хлебозаготовок вначале многие из нашей группы, в том числе и я, верили, что хлеб у всех упрятан и нужно только приложить старания, чтобы его найти. Однако, после бесед с крестьянами, которые все чаще и чаще стали открыто роптать и говорить, что «к весне все распухнем с голоду», у меня иногда возникали сомнения насчёт данных нам указаний «забирать хлеб под метлу». Многие колхозники и даже колхозные активисты неоднократно жаловались мне, что им кушать уже нечего, что сами они еле ноги таскают. Страшно было подумать о том, что, забирая сейчас последний хлеб по домам, мы обрекаем население хлебоборной Кубани на голодание. Я хорошо представлял себе, что в таких условиях будет очень трудно найти семена и рабочий скот весной, всё это подвезти и провести сев. С этими трудностями действительно пришлось потом столкнуться вплотную в весеннюю посевную лично мне, когда нас снова посылали на помощь в проведении весенний сев.

А тогда, в январе 1933 года, сразу бросалось в глаза, что часть хуторского населения уже довольно сильно голодала, хотя на полях хлеб был. Своими глазами пришлось мне видеть эту страшную трагедию. Я хорошо запомнил местную, совсем молоденькую черноглазую девушку Ганну, которая приходила в ту хату где мы питались, к завтраку, обеду, а иногда и к ужину. Девочка становилась у двери, с жадностью наблюдала за нашей едой, незаметно глотая слюну. Когда я оказывался за столом вблизи двери, старался оставить что-либо из еды на столе, чтобы она могла после нас покушать оставленное. Намекал товарищам следовать моему примеру, хотя, если признаться, подаваемого нам и самим было мало, мы тоже были голодны. В это время кусочки местного хлеба мы часто не брали, а раздавали его людям. Прочнее мы чувствовали себя только тогда, когда из станицы нам привозили полученный по карточкам хлеб. Привозили его раз в три дня по 500 грамм и то кукурузного хлеба. Он казался нам сдобным. Это был третий случай в моей жизни, когда приходилось мечтать лишь о том, чтобы наступило время, в которое можно будет вдоволь насытиться хлебом.

В общем, нужно признать, что несмотря на все наши усилия, хлеба мы тогда заготовили очень мало. Каждый вечер все члены нашей группы должны были информировать руководство о результатах своей работы. Представитель райкома ВКП(б) и секретарь Партячейки учиняли страшный разнос тем, кто вообще ничего не смог заготовить за день. Трое студентов почти сразу без разрешения уехали, не выдержав таких испытаний. Двоих же отправили вон из группы, предварительно предложив им положить на стол свои партийные билеты и исключив их из института. Мы, конечно, очень сильно побаивались, что и нас также может постигнуть такая же участь «саботажников».

Вот в этот печальный 1933 год в ряды «саботажников» попал родной брат бабушки Александры – Григорий Павлович Хоружевский. Работал он тогда секретарём Сельсовета хутора Братского и его первым обвинили в «не предотвращение саботажа по выполнению плана хлебозаготовок». Ранней весной предали суду за участие в расхищении хуторянами излишков хлеба – как человек совестливый он, как только мог, помогал людям переживать эту голодовку. Многие старики хутора Братского ещё помнят это время и с большой благодарностью вспоминают Григорий Павловича за то, что он лично помог им тогда выжить. По воспоминаниям стариков где-то около трети жителей окрестных хуторов умерли в зиму этого года, в основном – мужики. Заявление же на Григорий Павловича написала и показания против него на суде дала жена его старшего брата Максима – Александра. Идеино она всегда была на стороне своего мужа,

погибшего за белых в Гражданскую войну. Григория Павловича терпеть не могла, считая его источником всех своих жизненных бед и переживаний – ведь это он сам добровольно пошёл на службу к Советской власти, убившей её любимого мужа и отца четверых детей. Второго её мужа, казака Бабича с двумя своими детьми, тоже репрессировали местные власти в 30-х годах – он был каким-то дальним родственником последнего наказного атамана. Тот долго упрашивал Александру сойтись и наконец, только когда та решилась, его быстренько забрали органы, приехавшие с района. Григорий Павлович считался противником такой женитьбы и поговаривали, что он приложил к этому руку. Александра, оставшись одна с детьми, так и жила с Григорий Павловичем по соседству, работала в колхозе, всё видела и про всё знала. Хоть и голодала её семья, но от помощи свояка она отказывалась. В протоколе следователю и потом на суде она подтвердила кому конкретно из голодающих по запискам с Сельсовета были розданы продукты с колхозных закромов. После быстрого суда в станице Усть-Лабинской Григория Павловича направили отбывать наказание в Томскую область, где он вскорости и умер в лагере.

Григорий Павлович Хоружевский – Секретарь Братского Сельского Совета в 1930-1933 гг., брат моей бабушки Александры Павловны.

В начале марта нужно было готовиться к весеннему севу, а сеять было совсем нечего. Все семена в январе были принудительно отобраны в счёт заготовок. Было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о выделении для края 400 тысяч тонн зерна в качестве семян и продовольствия. Но в таких условиях очень трудно было получить семена с вагонов пришедших по железной дороге в станицу Ладожскую, куда так же доставлялись зерно, крупа и мука. Всё это нужно подвезти на хутор и хоть как-то провести сев, а не на чём было. Партийные органы начали присылать для решения этих вопросов демобилизованных бойцов с азиатского востока и студентов с краевого центра.

Весной 1933 года на всех наших пошли откровенные репрессии. По заявлению нового председателя Сельсовета Покровского деда с бабушкой лишили гражданских прав как детей «зажиточных родителей». Лишенцам не давали возможности получения различных льгот, пайков и пенсии. В колхоз их тогда не приняли, а дед работал в артели заготовителем леса – точнее дранки. Из-того, что у него не было справки из Дагестана о военном налоге по «белому билету» (пришлось бежать, спасая свои жизни, не до справок тогда им было) дед в марте 1933 года попал в лагерь. Согласно ст.15 УК РСФСР его силой призвали ополченцем в штрафной батальон Трудовой Армии. Вооружённые милиционеры пришли и забрали его по повестке райвоенкомата. Через два дня на Усть-Лабинской станции деда погрузили в эшелон для отправки на Дальний восток в трудовой лагерь. Перед самой отправкой выдали рваную шинель и стоптанные сапоги. Этап в лагерь был долгим и трудным. Дед всегда мечтала увидеть какие-нибудь дальние края и вот он проехался через весь СССР по транссибирской магистрали, единственному пути через Байкал на Дальний восток среди бескрайних лесов и болот. На пересадках и остановках чаще всего их кормили, но иногда было так, что просто пересчитывали всех поголовно и всё. Тогда дед ел то что домашние смогли успеть предать – шмат сала. В пересыльных вагонах некоторых везли целыми семьями, были даже дети. Были и блатные, но у них скуки не бывало, откуда-то те раздобыли патефон и всю дорогу заводили пластинки и танцевали. Часть пути дед провёл в пересыльном лагере, где его ужасно угнетала неодолимая тоска по дому, по жене, по детям, где ему казалось, что уже возврата к нормальной жизни у него никогда не будет. Часть людей оставляли где-то в промежуточных пунктах, а блатных преступников везли туда, как тогда выражались: «куда Макар телят не гонял» – в Магадан. В итоге прибыл дед в Дальневосточный край во Владивосток, где распределяли по работам на шахтах, а затем на грузовиках повезли по трассе до лагеря. Сама шахта находилась в 5 километрах от станции Озёрные Ключи (сейчас это г. Артём, возле Владивостока). Предупредили, что покидать лагерь никто не имеет права. Да и куда было с него уходить...

С 24 апреля 1933 и по 15 марта 1935 года дед пробыл забойщиком на лагерной шахте №2 «Артемуголь» в 1 взводе 1 роты 48 отдельного батальона. Палатки, холод, скупой паек – там он впервые познал все тяжести рабского изнурительного труда в лагере. От уголовников его отличала только военная форма. Но судя по характеристике из этих мест, привыкший к труду дед добросовестно выполнял все задания и приказы командного состава, дисциплинарным взысканиям не подвергался.

Характеристика на Иван Кононовича из трудового лагеря

Прошли похороны, поминки, а оставшиеся на хуторе Братском в живых запуганные люди безропотно продолжали жить своей жизнью. Многие обзлётанные люди уходили в города, уезжали на Кавказ, оставляя свои обжитые хаты. Надо было сеять, убирать, а рабочих рук не хватало. Весной на хуторе Братском практически одни только женщины и дети в поле от зари до зари трудились под неусыпным глазом колхозного бригадира – выживших взрослых мужчин совсем мало осталось. Один старик из Манько умер весной, когда сеял кукурузу. Он с жадностью наглотался зерном и получил заворот кишок. Были случаи что от голода, болезней и непосильного труда маленькие дети падали на пахотные глыбы и умирали прямо на работе. Такой случай произошёл и у наших родственников Хоружевских.

Март 1933 г. на хуторе Братском.
Похороны Августины
Григорьевны Хоружевской.
Крайняя слева - Александра
Павловна, моя бабушка. Отец её
на фото слева вырезан, его
вторая жена Марфа – стоит
последняя.

Летом 1933 года окрестные хуторские поля из-за того, что не кому было обрабатывать их весной, превратились в полудикую пустыню, поросшую лебедой и чертополохом. Осенью того же года стали направлять в Кубанский край демобилизованных бойцов с востока и крестьянскую бедноту из центральных областей России, которую распределяли по станицам и хуторам. В Ладожскую их прибыло целых два состава. На хуторе Братском они тоже появились. Повеявшие соседние хутора заселились новыми поселенцами. Всем тем, кто приезжал по вербовке, местная власть давала пустующую хату и корову. Стали они занимать опустевшие дома и пользоваться хозяйством умерших. Им обещали, что если они отработают 10 лет в колхозе, то хозяйство перейдёт в их собственность. Наступила зима. Топливом пришельцы своевременно себя не смогли обеспечить и начали вырубать деревья в окрестных местах. За эту зиму все тополя и фруктовые сады на хуторе были сожжены на топку. Тогда под топор попали и старые большущие сады раскулаченных семей Солодких и Хоружевских. Готовясь к весне Советские власти из остатков населения и приезжих крестьян со средней полосы России стали усиленно организовывать новые колхозы им. Кирова и «Путь к коммунизму». В них вновь избранные председатели Ковалев и Нижегородский всё начали по-новому.

Постановлением СНК СССР от 26 января 1934 года в сельской местности везде был введён похозяйственный учёт, но многие данные этого учёта до сих пор под грифом секретно. Тогдашние бесконечные поиски врагов народа, волны арестов «недокулаченных» не прекращались до самой войны. Возможно позднее сведения появятся в свободном доступе, но архивные работники поговаривали, что по хутору Братскому видимо было всё преднамеренно уничтожено. Сколько тогда населения после голодовки на хуторе оставалось – точно никто сейчас не может сказать.

Пока дед отбывал повинность в Трудовой Армии, его мать с младшим сыном Николаем и жена Александра с тремя маленькими детьми переживали последствия страшной голодовки 1933 года. Отцу моему Анатолию в то время было шесть лет, его брату Александру, который очень сильно тогда страдал от недоедания – всего три. Видимо из-за этого недоедания он потом так и вырос совсем мелкого роста. Бабушка Саня только что родила третьего и ей было особенно тяжело. Хоть и подкармливали детей на колхозной детской площадке, но маленький Виктор всё время плакал и плакал, прося хоть что-нибудь дать ему пожевать. На полевом стане бабушка мяла ему какой-то конский концентрат, сыпала в ведро с водой. Крупицы зерна садились на дно, и

она из них варила ему кое-какую кашу. Вероятно, поэтому потом, когда его взрослым призвали на военный флот, он там стал коком на корабле.

Дети хутора Братского на колхозной площадке осенью 1934 г.
Вверху справа третий – мой отец.

Дед отпустили из трудовых лагерей 14 марта 1935 года. Сразу как только приехал на хутор вступил в производственный сельскохозяйственный коллектив (колхоз) «Путь к коммунизму», где с 1933 г. уже работали его жена Александра и мать Дарья. После мыканий окончательно поселились они на левом берегу реки Мокрый Зеленчук, на месте бывшего хутора Орлова (с 1983 это ул. Восточная хутора Братского). Им председатель колхоза Нижегородский Петр Казимирович выделил участок на берегу реки, из числа пустующих земель выселенных в 30-х годах казаков. На хуторе Орлова селили тогда всех раскулаченных. Через кладку-мостик оттуда легко можно было пешком добираться до самого центра хутора Братского, а детям ходить в школу. Обосновавшись, почти сразу же сделали себе турлучную времянку из глины, досок и лозины. Работали в основном на полевых работах в колхозе. Взрослые женщины и мужчины тогда за один рабочий день получали 0,75-1 трудодень (прополка, сноповязание и пр.). Подростки и юноши – 0,25 трудодня, а если работы были тяжёлые – до 0,5. За скошенный же вручную пол гектара сена мужчины могли заработать и до 2 трудодней. Оплата выполнялась один раз в три месяца, при условии, что

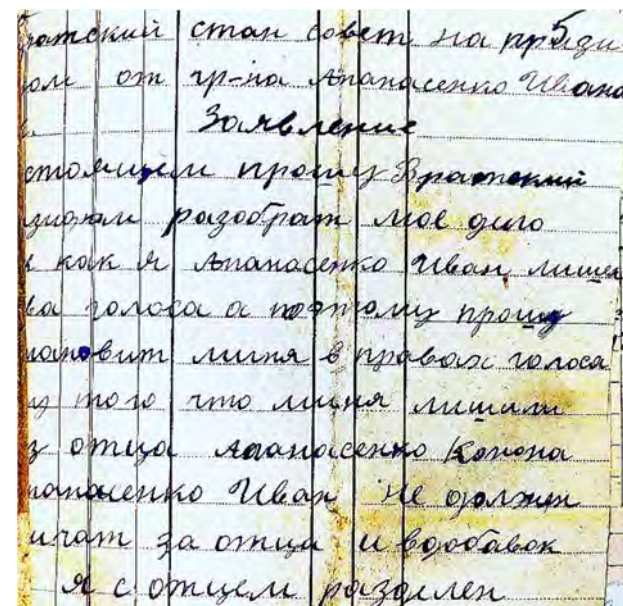
выполнены обязательства перед государством. Весь оставшийся доход от сдачи урожая поступал в распоряжение колхоза. На 1 трудодень обычно начислялось 1,5-1,9 кг зерна и от 60 до 90 копеек. За простые сапоги тогда на рынке просили не меньше 100 руб., дамские туфли стоили 50 руб.

Дед был порядочным и совестливым человеком, всегда хорошо работал, это видимо оказывало влияние на тогдашнего председателя колхоза. Согласно его характеристике, дед в 1935 году за девять месяцев заработал 332, а бабушка за одиннадцать – 250 трудодней.

Характеристика на Анастасию Ивану Кононовича за 1935 г. из его личного дела.

Дед Иван и бабушка Александра Павловна продолжали везде числиться кулаками и лишенцами, что сильно влияло на их повседневную жизнь. К примеру из-за этого они не могли тогда даже вступить в сельскую потребкооперацию, где всё продавалось и цены были гораздо ниже чем на рынке, ну хотя бы тот же керосин, соль, сахар. Бабушка, когда ещё дед отбывал срок в трудовой армии, не раз писала заявления в различные парторганы с просьбой об восстановлении их в правах. Дед тоже делал аналогичные попытки, даже ездил несколько раз в район по этому вопросу с положительным решением пленума Братского Сельсовета. И вот наконец согласно Постановлению Ладожского РИК Азово-Черноморского края №37 от 29.01.1936 г. деду и бабушке были восстановлены все права как граждан СССР. Основанием послужили повторное ходатайство от 6.12.1935 г. подписанное секретарем Сельсовета х. Братского Перепелицей и хорошая характеристика на деда, присланная с места его службы в штрафном батальоне Трудовой армии.

Из заявления Анастасию Ивану Кононовича с просьбой о восстановлении его в правах

По рассказам родственников, жилось им и в последующие годы так же довольно тяжело. Работали все в колхозе «Путь к коммунизму». Трудились целыми днями, не разгибаясь, вечером ещё на своём участке земли. А в доме трое малолетних детей. Отец рассказывал, что иногда, туда, где пропалывали поле, их маленьких брали собой, и чтобы они не убежали далеко – оставлять было не с кем, просто привязывали за ножку к ближайшему дереву в тень. И там они игрались самодельными игрушками. А старшие в это время работали.

Видимо только настоящая семья воспитывает детей, способных выстоять в трудные времена, с достоинством вынести всё то, что выпало на их долю и стойко переносить тяготы судьбы наравне с взрослыми. К сожалению, тогда в наших краях, большинство людей так существовало. Но что интересно, в своих воспоминаниях они никогда не отзывались плохо о тех временах или людях. Рассказы их всё-таки были больше пропитаны пониманием к тому голодному и не очень весёлому хуторскому детству. Большую радость получали они от горячего хлеба, малюсенькой конфетки, подаренной на пасху или от первого душистого мёда с дедовых ульев. По воспоминаниям отца, в его детстве они не замечали ничего вокруг, кроме счастья просто хорошо поесть. Голод, бедность, повсеместная скудость, всё это было, но это было как-то привычно и обыденно: так жили все вокруг – другой жизни они просто не знали.

1937 год на хуторе Братском. На фото моя прабабушка Дарья Алексеевна – в центре, мой отец Анатолий – слева и бабушка Александра Павловна (Хоружевская) – справа.

Известно по документам, что мои дед Иван с бабой Саней и детьми проживали в то время на хуторе Орлова (в 1983 он вошёл в состав хутора Братского) до 1947 года. Вместе с ними жили ещё мать деда – Дарья Алексеевна с младшим братом деда – Николаем Кононовичем. За несколько лет на нарезанном участке деда построили небольшую саманную хатку. Если до революции местные строили по большей части большие четырёхскатные донские дома на много жильцов, то после революции в хуторах стали больше делать по типу черноморских казаков – двухскатные мазаные хатки на одну семью. На Кубани раньше все собиралась, как говорили – «гуртом», родственники и знакомые за несколько дней строили молодым саманный дом. Саман заготавливался заранее. Во дворе делали круг, внутри которого лошадыми, привязанными к столбу, месили замес из глины и соломы. Затем наполняли этим составом на земле деревянные формы. Сушился саман не меньше месяца. Затем из него делали кладку стен и штукатурили глиной с известью. Таким вот образом, с помощью родственников и друзей в то время и был построен домик-хатка деда на бывшем хуторе Орлова (ныне Братский). Домик их по улице Восточной д. 72 и сейчас жив, стоит целым. Правда в нем уже никто не проживает – разваливается и совсем зарос весь бурьяном и плющом. Участок пустует, огород не засажен. Но пожилые соседки ещё помнят семью деда, когда и кем он строился, кто в нём жил.

Домик-хатка Апанасенко Ивана Кононовича на хуторе Орлова (ныне Братский).

За какие-то последующие пять лет начался подъем сельского хозяйства на Кубани. Повысились закупочные госцены на зерно, снизились цены на основные продукты питания. Доходы колхозников везде на хуторах значительно возросли. Хлебозаготовительная компания 1937 года прошла весьма успешно. 1939-40 годы ознаменовались в Советском государстве успешным окончанием 2-ой пятилетки. Правительство рабочим сделало пятидневную рабочую неделю, но вот колхозников это практически не коснулось. Выходной день у них был не общим, а скользящим. Постепенно повысилась производительность труда, улучшалось материальное состояние колхозов, стала приходиться новая техника. Повсеместно в сельском хозяйстве начали собираться урожаи, превышающие дореволюционные, продолжилось развитие перерабатывающей промышленности. С 1 апреля появилось так называемое летнее время, а с 1 октября стрелки переводилось на час назад. Правда личные часы были тогда редкостью. В каждой хате "тикали" ходики с тяжёлыми гириями на цепочке. Зажиточнее становились колхозники и рабочие совхозов. Это ощутимо было по обеспечению продуктами питания. Лекарства уже можно было получать бесплатно по рецепту врача. Стали летние, более низкие цены на колхозное мясо, которые с наступлением осени слегка повышались. Сельские магазины стали значительно лучше, чем городские снабжаться промышленными товарами. В сельпо полки были не пустыми, как раньше, но всё же у

большинства хуторян денег для покупки каких-либо промтоваров или же мясных продуктов ещё не хватало. Отец вероятно поэтому всю свою жизнь очень любил варенную любительскую колбасу – в его детстве дедом она покупалась по праздникам и с наслаждением кушалась малышкой. Люди тогда отъедались и радовались жизни. Былая неуверенность, недоверие, подозрительность и напряжённость между людьми сменились взаимным уважением, смелостью в суждениях. Часть людей, подвергшихся ранее необоснованным репрессиям, вернулась к труду. Удалось выжить – ну и хорошо, считали они. Заметно поднялось моральное настроение хуторян. В Братском на танцах в клубе появился свой духовой оркестр – играли весёлые песни и вальсы. Молодёжь устраивала комсомольские свадьбы. Появлению нового человека в семье были рады не только родные, но и все знакомые хуторяне. Но жили люди всё равно довольно скромно. Никаких украшений у тогдашних женщин не было. Золотые и серебряные вещи были принадлежностью детей из старорежимных семей. Девушка с золотыми серёжками даже не принимали на работу в колхоз. Тем не менее, в те годы редко кто питался и жил повольготнее, чем коренные жители хутора до революции – только некоторые из тех семей, где кто ещё занимал ответственные посты в колхозе или оборотистые приспособленцы у которых была финансовая возможность как-то приобретать дефицитные товары в сельпо. Но этому чужому достатку в то время никто совсем не завидовал – сегодня есть, а будет ли он завтра. Как вспоминают старожилы, впервые хуторяне наелись досыта хлеба только после 1937 г.

Перед колхозами Братского Сельсовета в 1937-40 годах партией и правительством была поставлена задача во чтобы то не стало увеличить посевы озимых зерновых, поднять урожайность, уменьшить потери и достичь хлебопоставок государству в количественном отношении почти в два раза. В колхозах появились нововведения. Посевное зерно яровизировалось и подвергалось обработке ядохимикатами. Выполняя задачу повышения планов по поставкам сельхозпродукции государству, колхозы получили довольно много новой сельхозтехники – комбайнов, тракторов и автомашин. Появились новые МТС с современной базой, более производительные комбайны. В эти же самые годы со стороны станицы Ладожской начали протягивать в дома хуторян электрические и радио линии. Появились детский сад-ясли, клуб с кинопроектором в здании бывшей церкви, библиотека, радиоузел. Колхозы стали получать более стабильные результаты урожайности зерновых в пределах 20-24 центнеров с гектара, а отдельные звенья в колхозе «Путь к коммунизму» до 35 и даже под 40, что в то время было очень большим достижением.

Группа передовиков колхоза «Путь к коммунизму» хутора Братского. Апанасенко Иван Кононович (стоит посередине), Фоменко, Перепелица, Рябошапка, Нижевский. Фото 1937г.

Самим колхозникам на трудодни в 1940 году выдалось столько зерна, что те не знали, что с ним потом делать. Некоторые семьи начали сдавать лишнее зерно государству через магазин Потребкооперации, получив за это ценные вещи: швейные машинки, велосипеды, ткани. Но Сельпотребкооперация тогда не справлялась с наплывом желающих и на очередном заседании Сельсовета председателю Сельпо т. Ковалеву было вынесено строгое взыскание за недостаточную обеспеченность завоза самыми необходимыми товарами повседневного спроса: чайниками, котлами, чашками, ложками, сахаром и даже мылом. План по самозакупке зерна на начало 1941 года им выполнен всего лишь только на 67% и был сорван. Винаваты были и председатели колхозов, не обеспечившие транспортом вывоз на элеватор зерна, закупленного по договорам с колхозниками через Сельпо, решая какие-то свои текущие проблемы. Дед же ссыпал полученное зерно во все возможные закрома, и как многие тогда завёл побольше домашнего скота и птицы.

Война

Перед самой войной, 19 мая 1941 г. моего деда Ивана вместе с двумя десятком таких же хуторян призвали в армию на сборы для переподготовки, в военные лагеря где-то в центре Крыма. С началом войны их перебазировали на побережье в Евпаторию. В связи с вероятной угрозой прорыва противника, они строили окопы и дзоты вдоль берега моря от Евпатории до Севастополя. В полках 34-й дивизии, где служил дед, люди работали дни и ночи, совершенствуя оборону Евпаторийского побережья и участь отражению морских десантов. Его батальон выделялся особой находчивостью. У них была создана система ложных окопов, на каждую батарею оборудовано по три позиции. Машины и лошади надёжно укрыты. С августа пошли жесточайшие бои на севере Крыма и его подразделение сразу же перебросили на фронт в распоряжение 106-й дивизии 51-й Армии.

В сентябре месяце 1941 года дед попал в плен в результате окружения его 442 стрелкового полка 106-й дивизии 51-й Армии. Эта армия, созданная наспех на базе корпуса, плохо вооружённая и обученная, без боеприпасов и армейской артиллерии была сразу брошена на передовую в Перекоп. Сильное превосходство в живой силе и боевой технике было на стороне гитлеровцев. Вот там, в Крыму дед и испытал все ужасы осени сорок первого года, когда шансов умереть было в тысячу раз больше, чем выжить. Счастьем считали тогда многие его однополчане быть убитым сразу же, а не корчиться потом в тяжких мучениях с изорванным осколками телом, в грязи, в гное, в одиночестве или же в плену среди чужих, совсем безразличных к его страданиям людей.

Во второй половине августа дедов полк занял позиции на 15-километровом участке фронта, тянувшегося вдоль южного берега озера Сиваш. Пресекали неоднократные попытки передовых частей немецкого генерала Манштейна овладеть входом в Крым в районе Литовского полуострова и посёлка Кантемировка. Противник так и не смог на этом участке фронта достичь успеха. Но вечером 26 сентября немецкие войска сумели овладеть последним опорным пунктом нашей обороны на Перекопе, древней крепостью в районе Турецкого вала – городом Армянск (бывший Армянский базар). Армянск четыре раза переходил из рук в руки. На рассвете следующего дня дед с новеньким автоматом ППШ в руках участвовал в контратаке на этот город. Он вместе со всеми ворвался в Армянск, где завязались уличные бои. Армянск – это небольшой населённый пункт, в нем была длинная центральная улица с

кирпичными строениями, железнодорожный вокзал и здание депо. Продвигаясь по улице, дед уничтожал засевших на чердаках и в подвалах немцев. Видел сам, что убил нескольких фрицев гранатой. Автоматчики дедова батальона с помощью подоспевшей кавалерии 42 Кавдивизии отогнали немцев к кирпичному заводу, расположенному на северной окраине города. Уже в 9 часов полностью отбросили противника из города и двинулись на подмогу атакующим частям в направлении старой крепости Ор-Капу. Ворвались в развалины крепости и там закрепились. Но после обеда пошёл массированный налёт авиации противника в количестве 50 бомбардировщиков, заставив советские войска отступить. Наши подразделения понесли огромнейшие потери, численность бойцов в стрелковых ротах тогда не превышала и двадцати человек. Против каждой нашей части действовало от 20 до 30 вражеских танков, поддерживавших рывок своей пехоты. Фашистские танки прорвались к переднему краю батальона. Обойдя левый фланг, немецкая пехота пробилла себе брешь к берегам Перекопского залива. Отражая натиск, соединение предприняло последнюю попытку перехватить боевую инициативу, вернуться на Турецкий вал и закрепитсь на нем. Некоторые тактически важные опорные пункты и высоты по несколько раз переходили из рук в руки. После 17 часов противник начал контратаку за контратакой. Советские части отошли опять к Армянску и улицам завязался ночной бой. На окраине города, на небольшой горке было кладбище. Вокруг этой высотки и разгорелась схватка. Батальон деда, защищая этот городок, продолжал отражать все атаки противника. Бой шёл почти двенадцать часов. Но, развивая наступление на флангах, врагу всё же удалось окружить его батальон. Ночью этого дня, будучи сбитым взрывной волной с ног, закончился этот кровавый бой для деда.

Вот что про это писала дивизионная красноармейская газета «Щорсовец», рассказавшая о подвигах бойцов этого 442-го полка. *«Полк, – пишет корреспондент газеты С. Л. Ревзин, – принял боевой порядок и начал наступать на пункт А. (Армянск). В начале боя осколком был сражен всеми любимый комиссар полка Петр Яковлевич Штоде. Бойцы поклялись отомстить за смерть своего комиссара. Они сдержали слово. Ворвались в поселок А. и освободили его от гитлеровских бандитов...»*

На второй день (27.09.1941) в бою за высоту К. (кладбище) старший сержант Худоярко своим пулемётом отбил контратаку фашистов, второй раз его ранило осколком вражеской мины, и, когда товарищи его выносили, он сказал: «За меня отомстят мои пулемётчики». О старшине Мартыненко (непосредственный командир деда) говорят, как о смелом и отважном командире. Враг, преобладав в силах, окружил его

подразделение. Ранен командир роты. Мартыненко принял командование. Всю ночь продолжался бой. Утром рота прорвала кольцо...». Но в это время, дед контуженный взрывом снаряда и раненый в ногу, без единого патрона и весь в крови, остался лежать недалеко от кладбища, занятого ночью немцами. Когда очнулся, увидел у себя с левой стороны ниже колена сквозное пулевое отверстие, с правой стороны вместо икры – дыры с рваными краями, заполненные кровью.

В этот день вместе с ним к немцам из его 442 полка 106-й стрелковой дивизии в плен попали 41 человек, а на следующий пригнали ещё 19. Им, как и ему, «повезло». Предстояло медленно расставаться с жизнью, терпя издевательства и насилие в лагере военнопленных. Среди пленённых были ранеными и его земляки с хутора Братского – Лёня Чиженко, Пантелей Чигрин и Иван Григорьевич Сидоренко с Киевского, с которыми его вместе призывали и которых он знал по мирной жизни при работе в Братском колхозе «Путь к коммунизму». С ними ему через пару дней удалось бежать – немцы заставили пленных копать могилы, а раненым приказали выполнять лёгкую работу, там и удался побег. Но их почти сразу же выловили румынские солдаты и нещадно забили плётками и штыками. Следы диких побоев этих завоевателей остались на спине деда на всю жизнь и поэтому он никогда не ходил в общественную баню и не раздевался не только при посторонних людях, но и даже перед своими. Я же всего один раз это видел – сплошной панцирь из шрамов на его спине и следы сильных порезов на ягодицах вызвали весьма неприятные впечатления и какой-то внутренний холодок в теле.

Но дед, всё равно потом ожесточившись, умудрился скрыться с тремя однополчанами из амбара, где их всех заперли на ночь, убив при этом лопатой двоих охранников. Охрана была не слишком бдительна и пленных тогда много сбежало после них. В основном бежали те, кто знал куда идти – местные русские с Ак-Мечетского (ныне Черноморского) района Крыма и крымские татары, решившие разойтись по домам во главе с Эмиром Муждабаевым. Они прекрасно знали эту местность и быстро ушли вперёд, рассказав им путь. А раненная нога и кровоточащая спина не позволили деду далеко уйти, поэтому он с сотоварищами неделю ходил по тылам немцем, прячась у местных жителей. Вёл их пулемётчик Сидоренко Роман – местный с Евпатории, у него кто-то из родственников проживал в одном из тех селений, где они проходили.

Население рабочих поселков и участков, которое их кормило и слегка подлечивало, было преимущественно женщины. Они им подсказывали как можно было ночью по солончакам проходить незаметно на юг. В этих посёлках были в основном румынские солдаты, служившие немцам. Они

заняты своими делами и особо не обращали на них внимания. Нередко встречались бежавшие красноармейцы с их 106 дивизии, утратившие связь с командованием и пытавшиеся примкнуть к ним. Некоторые из них сильно боялись, как своих, так и местных татар одобрительно встретивших немцев. Поэтому они быстро отставали от дедовой группы, прячась по подвалам поселков. Беглецы, сбившись в группу как-то удачно обходили немцев и даже смогли воровать у них еду. Одну за другой они совершали попытки пересечь линию фронта и вот в конце концов в 20-х числах октября, где-то между посёлками Воронцовка и Ишунь, она получилась удачной. Наши войска в это время начали контрнаступление, товарищи деда, опередив его сразу рванулись вперёд на нейтральную полосу, немцы по ним открыли бешённый миномётный огонь и почти все они были убиты. А он медленно, потихоньку как-то смог переползти. После всего этого его эвакуировали на Тамань в станицу Запорожскую, где лечился. В списках безвозвратных потерь по 442 полку 106-й дивизии он уже не числился.

Пройдя спецпроверку в СПП (сборно-пересыльный пункт) 23 ноября 1941 г., дед опять был направлен на фронт рядовым стрелком в свой переформированный полк. За героизм в боях за оборону Ростова был представлен к медали «За боевые заслуги». Правда, получил он её на руки уже только после войны (указом Президиума Верховного Совета от 08.02.1958г.). Тогда при её оформлении писарь ошибся и в приказе неправильно написал фамилию деда – Апасаненко.

В начале марта 1942 года дед вторично попал в плен. Его 442-й стрелковый полк 106-й дивизии в составе уже 57-й армии Южного фронта был окружён в районе посёлка Александровки Сталинской (ныне Донецкой) области. Командование с целью достижения внезапности контрудара, приняло решение о наступлении глубокой ночью. Его команда из 50 человек вышла на выполнение этого задания. Но при подходе к деревне Голубовка они провалились под лёд на речке Самаре, были обнаружены противником и понесли значительные потери. Тем не менее, деду удалось добраться до каких-то строений. Он там засел с остатками отряда и занял оборону. Фашисты «очухались» и стали обстреливать окраину деревни, находящуюся в ложбинке. Большой обстрел вёлся из миномётов по подходящим соединениям. Превосходящим силам немцев удалось окружить его отряд и почти всех бойцов уничтожить, наши так и не смогли им помочь – тогда при обстреле немцев погибло много людей. Остаткам, когда у них кончились все боеприпасы, пришлось сдаваться – умереть вот просто так совсем не хотелось.

В лагерь для военнопленных Stalag VIII F куда в конце концов пригнали деда немцы, это где-то под посёлком Ламсдорф (Lamsdorf) начальство было «хорошим». Подобно другим военнопленным со стажем он для себя открыл там закономерность: чем дальше ты находился от линии фронта, тем хуже становилось отношение немцев к ним. За малейшие провинности наказывали довольно строго, вплоть до расстрела. Иногда, по воскресеньям, выстраивали всех и приказывали рассчитаться на первый-седьмой. Каждого седьмого за чей-то побег тут же при всех расстреливали. Многие из его товарищей не выдерживали плена и накладывали на себя руки. На протяжении первой осени и зимы умерла одна треть пленных из-за общей слабости и неспособности работать в тяжёлых условиях. Редко кто из пленных активно боролся за свою жизнь. Но к середине войны немцы уже никого не били, берегли рабочую силу, регулярно посылая на тяжёлые работы. Деда вскоре перевели в рабочую команду в лагерь Рейвиз (Reihwiesen) Силезия – строить там дороги.

СССР до войны не подписал тогда Женевскую конвенцию о военнопленных. Поэтому еда наших солдат серьёзно отличалась от еды, скажем, польских. Истощались люди быстро. Дед оказался стойким и всё терпел. Суп баланда – пустая похлёбка, а в ней несколько кусочка свёклы или турнепса и крохотный кусочек чёрного, как уголь, эрзац-хлеб. Иногда попадался песок в пищу, он её не ел до конца потому, что это была прямая угроза здоровью, а значит смерть. Будучи вечно голодным, старался избежать расстройства желудка. Такое расстройство означало конец. Но от совсем плохой еды у него всё равно открылась язва. Начал ходить кровью. И вот дошёл он до того, что остались в нем одна кожа да кости. А когда уже дед совсем было собрался помирать, вспомнил, что один из его родственников однажды во время голода тоже заболел такой же болезнью. И ему ничего не помогало. Тогда тот стал постоянно жевать макуху и на третий день всю болезнь как рукой сняло. Каким-то образом на «лагерном базаре» дед обменял часть своей пайки хлеба и оставшейся крепкой одежды на куски макухи. Жевал её. И болезнь пошла на убыль.

Однажды немцы построили весь лагерь на плацу, дед подумал, что будут опять отбирать на очередной расстрел. Но они стали выпрашивать, кто хорошо умеет ухаживать за лошадьми и коровами. А он-то всю жизнь жил на хуторе и прекрасно знал всё домашнее хозяйство. Вот и ответил, что умеет делать это дело. Его и ещё четверых таких же вывели из строя и передали для сельхозработ местному жителю полунемцу Йозефу, где он потихоньку стал оживать на коровьем молоке. Как оказалось, потом, их просто продали этому помещику в рабство за 100 марок. Ухаживал дед за домашним скотом и ещё молотил хлеб на молотилке. Немцы

обмолачивали его постепенно, когда все полевые работы были уже закончены, то есть поздней осенью или даже зимой, храня его в сарае. Работал там он у бюргера прилежно – не умел по-другому, за это те его относительно неплохо кормили. Но через год тяжёлых физических работ дед опять подхватил какую-то заразу, тяжело заболел желудком и сильно запоносил. Хозяин подумал, это у него, наверное, открылась дизентерия и захотел его вернуть обратно в лагерь вместе с таким же его напарником, поляком Влашеком. Пожалела деда младшая дочка помещика Мица, сообщив ему об этом. Дед ничего не говорил, но косвенно по поздним рассказам старших можно было догадаться, что у них там были какие-то взаимоотношения. Она испытывала к нему интерес и даже предлагала деду остаться жить у них насовсем. Считала, что война закончится победой гитлеровцев. Стала упрашивать отца подлечить такого хорошего работника, но тот, догадываясь об их взаимоотношениях, решил этот вопрос по-своему. Сказал, что нужно вызвать надсмотрщиков из лагеря и пусть забирают своих дохляков обратно. С помощью дочки хозяина, благоволившей деду, он с напарником смог сбежать. Хотя у них были продукты, лекарства и даже какие-то документы от Мицы, но на чужбине без хорошего знания языка далеко не уйдёшь. Прошли они довольно много километров, подошли уже к Польше, но через какое-то время их заприметили и всё же выловили немецкие фельджандармы. Заставили снять фуражки. Вычислили по длине волос. Если совсем короткий волос, то считали, что это переодевшийся военнопленный. Усиленно обнюхали их рубашки – те пропахли дымом костров. Ещё нашли в вещмешке сильно закопчённый котелок. Посадили в подвал и неделю проводили проверку по той местности, по которой они шли – не было ли там грабежей или каких-либо убийств, а то бы сразу их расстреляли. Немцы ничего крамольного не нашли и конвоировали деда в лагерь Stalag XI Ганноверского военного округа в окрестности Магдебурга, на воротах которого висела стандартная надпись: **ARBEIT MACHT FREI** – «Работа делает свободу». Оформили очередную карту военнопленного, получил дед робу и опять на тяжёлые работы, строить немцам новые дороги.

Я, когда при социализме работал главным конструктором завода «Геофизприбор», то по служебным делам бывал в командировках в ФРГ – там было смежное производство в Ганновере, и ездил к знакомым немцам по ихним деревням с прекрасными сельскими дорогами, но у меня тогда и мысли не возникало, что вот именно их мог в войну строить мой дед. Просто я тогда всего этого не знал, не рассказывал мне ничего дед, а я когда ещё он был жив, и не спрашивал у него ничего конкретного обо всем, о чём сейчас, конечно, весьма сильно сожалею.

Освободили деда из плена в апреле 1945 года уже советские войска 3-й Ударной Армии. Прошёл он спецпроверку СМЕРШ-а в фильтрационном лагере №239 города Бурга и как-то упросился «искупать вину» на передний край – отвоевал месяц автоматчиком в штурмовом батальоне западнее Братиславы. В таких подразделениях воевали все или до гибели, или до получения какой-либо медали. И там ему опять «повезло» – успел за это короткое время как-то получить медаль «За отвагу» (№ Е782311).

Боевые действия закончилась, но деду долго ещё пришлось служить в батальоне хозобслуживания Управления тыла 3-й Ударной Армии. В Европе значительную часть узкой железнодорожной колеи при отступлении немцы вывели из строя и имущество, боеприпасы, продовольствие войскам приходилось вывозить с собой на подводах, автомобилей всегда не хватало. Количество ездовых к концу войны всё увеличивалось, так как увеличивалось количество грузов, вывозимых с оккупированной территории. На его подводах были не только неодушевлённые грузы, но и живые – легкораненые. Сталин запретил победителей отправлять домой пешим строем.

Дед пробыл в войсках до осени 1945 года. А при демобилизации в октябре того года следователи контрразведки деда долго мучили и не выпускали из своих рук – не нашлось в проверочно-фильтрационном деле каких-то оправдательных документов, подтверждающих его службу. Хотели, было даже семью лишить воинских денег. И как большинство тех, кто тогда был в плену у немцев во время войны, его осудили в связи с обвинением в сотрудничестве с противником. Согласно проведённому следствию, приговорили к наказанию с пребыванием в лагерях системы ГУЛАГ сроком на пять лет по статье 58-1а Уголовного Кодекса РСФСР. Он хоть и понимал, за что его наказывают, но вот чтобы так своим нужно было опять загонять его лагерь, этого он тогда так и не понял. Отбывал он назначенный срок на ссыльном поселении в Красноярском крае, но за хорошую работу был досрочно освобождён из лагеря осенью 1947 года.

Вообще мой дед не так уж сильно и радовался, что выжил в той проклятой войне. Из всего первого тогдашнего призыва с Братского Сельсовета только несколько человек остались в живых, а вообще не вернулось домой с войны около 300 человек. Сложили головы многие его хуторские друзья-товарищи с детства, с которыми до войны знали: Иван Григорьевич Перепилица и его сын Иван, Константин и Иван Рябошапка, Михаил и Николай Манько, двоюродные братья жены Алексей и Георгий Хоружевские. Пропал без вести его родной брат Яков Кононович – не раз выручавший деда по жизни.

Во все времена у всех народов считалось, что самая тяжёлая судьба, какая может только выпасть на долю человека во время войны – это судьба пленного. Поэтому про саму войну дед никогда никому ничего вообще не хотел рассказывать. Но, несмотря на такую тяжёлую жизнь, полную лишений и бедствий, я не слышал от него ни слова упрёка в адрес Советской власти или же партии. Да и к немцам он уже не питал никакой злобы. Однажды, правда, как-то дед высказался: «Вначале войны на фронте почти все были уверены в собственной гибели. Ужасны были встречи с превосходящими силами немцев, с их мощнейшими пулемётами и танками. А огненная мясорубка артиллерийского обстрела или бомбёжки стаям самолётов. Мы же просто вставали в атаку и шли на немца, потому что нужно же было защищать свой народ. На передовой слышен был лишь дикий вой и мат, пока пули не затыкали оружие глотки. Поймёт это всё лишь тот, кто сам на себе испытал эту необходимость просто вставать и идти умирать. Не кто-нибудь другой, а именно ты должен идти туда, где в лучшем случае тебя легко ранит, а в худшем – оторвёт челюсть, разворотит живот, выбьёт глаз или снесёт череп. Умереть на фронте мне было совсем не страшно, сто раз я смотрел этой самой смерти в глаза. Я ведь ещё до войны много раз спасался от собственной гибели, поэтому может и выживал на фронте, как и многие такие же, как и я. Нам ведь сначала устроили гражданскую войну, а затем загоняли штыками в лагерь. А жить-то всем ведь хочется, особенно когда тебя дома ждёт жена с детьми! Победили в эту войну, конечно, не генералы, а те, кто полегли на поле боя, куски тела которых завёрнутые в палатку я сам выносил. Те же кто, как и я остался жив, будут молчать, совсем не хочется таких вот воспоминаний. Я видел, как многие из оставшихся спились от послевоенных тягот жизни. Всё восстановление государства происходило ведь за их счёт. А вот же сохранились как-то и те другие, кто не думая гнал нас в бессмысленные атаки на войне, кто потом загонял в лагерь. Такая вот селекция нашего народа. Уничтожила в революцию многих активных и честных мужиков, а в войну и их детей. Не хочется даже думать, что будет через несколько поколений. Когда эта масса людей породит новое поколение себе подобных. Вообще, будет ли тогда в состоянии существовать наш Советский Союз? И какая же страшная может быть следующая война с Америкой, если в эту, чтобы победить, надо было уложить в землю чуть не половину наших самых лучших мужиков».

Я так тогда ничего и не понял из этого пересказа деда, о чём это он говорил и только во времена заката социализма ко мне кое-что стало немного доходить.

Оккупация хутора Братского

Бабушка Александра Павловна вместе с тремя малолетними детьми всю войну и оккупацию немцами прожила на хуторе Орлова (ныне Братский), вместе с родственниками. Труд дома, труд в поле, во имя приближения победы, был для них самым тяжёлым испытанием. Для крестьян с апреля 1942 г. СНК СССР была установлена обязательная норма работ в колхозе в 120 трудодней. Тем, кто её не выполнял, грозило полгода исправительных работ. К июлю 1942 г., когда война пришла на землю Кубани, каждый второй житель хутора был уже на фронте. Остались только дети, совсем старики и калеки, неспособные ни к какому труду. Вся тяжесть тогдашней хлеборобской жизни легла на женские плечи. Перед самой войной командование Красной армии уделяло большое внимание формированию кавалерийских соединений, как наиболее подвижного рода войск. Формировалось они по принципу казачьих войск. Из наших родственников, таким образом, ушли воевать казаками Василий Михайлович Солодкий, Алексей и Георгий Хоружевские, впоследствии погибшие. Поэтому с началом войны на хуторе лошадей совсем не стало. Чтобы враг не смог использовать колхозную технику, наши что смогли перед отступлением вывезли в Ладожскую на железную дорогу. Был также уведён в горы колхозный крупный рогатый скот, осталась только свиньи и мелкая живность в подсобных хозяйствах.

Вторжение войск вермахта на Кубань совпало по времени с самой горячей порой – уборкой урожая. Отряды Красной армии в первых числах августа 1942 г. очень быстро отступали через Братский на хутор Болгов и дальше по реке Лабе на юг. Советское руководство не обеспечило необходимых условий для своевременной эвакуации и с ними проходило много эвакуированных людей и раненых бойцов. Некоторые из них физически не уже могли идти и оставались в окрестных хуторах, местным жителям приходилось брать их к себе. Особых боев на хуторе не было, так как он не представлял какой-либо стратегической ценности. Только вот ночью 7 августа 1942 г. немцы высадили южнее х. Братского возле Новолабинской переправы десант батальона «Бранденбург» переодетого в форму сотрудников НКВД и свободно владевшего русским языком. Они перекрыли все дороги и мост по Лабе. А мост через Кубань возле Ладожской взорвали ушедшие в лес местные подпольщики. Движение техники и людей прекратилось, связь с районным центром потерялась.

Через неделю безвластия на хуторе появилось новое правление. Население встречало его по-разному: были кто и с приветствием, а многие с нескрываемой злобой. Сначала, как рассказывала бабушка,

немцы присматривались к населению и особенно его не трогали. Заехав на хутор и разместившись в Сельсовете, они оставили свой патруль из пяти румынских солдат в бывшем прадедовом доме и начали ставить полицаев из местных. Арестов те не проводили, только собрали всех комсомольцев – из коммунистов никто не остался на хуторе, все ушли в лес. Отвезли их в Ладожскую, где была районная жандармерия. Поставили на учёт и отпустили домой, письменно предупредив об ответственности за нелояльное отношение к новым властям. В их биографиях на долгие годы так и осталось тёмное пятно пребывания на оккупированной территории с этими расписками о нейтралитете к врагу.

В окрестных местах хутора Болгова, вблизи где впадают Зеленчуки в Кубань, был небольшой лесной массив. После стремительного наступления немцев там одиночно укрылось много раненых бойцов. Некоторые жители, не боясь немцев, помогали оставшимся там раненым солдатам и партизанам. Наши тоже. Родственники рассказывали, что сестра моего деда Ивана – Ганна Кононовна (Киптило) поддерживала с ними тесную связь. Пекла хлеб и передавала им продукты в условленном месте. Муж у неё умер в 1937 году и жила её семья весьма скромненько. Возможно, что она носила еду своему брату – Якову Кононовичу. Вот её по пути и выследил полицай Николай Жуков из соседнего хутора Семёнова. Она собирала небольшие мешочки с продуктами и прятала вместе с хлебом под полом в одной недостроенной хозпостройке, которая стояла на берегу реки возле гребли – перед самой войной местный колхоз хотел использовать этот водоём для выращивания нутрии, но не успел. Проследив весь её путь и схрон, полицай выдал себя, нечаянно оступившись в водоём. Не став дожидаться прихода связного, решил сам с ней разобраться. Начал пытать и бить. Отбила её маленькая дочка Надя, увязавшаяся за ней и поднявшая страшный крик при виде того как Жуков избивает мать прикладом. Убежать-то от него они вдвоём смогли, но вот вечером к ним нагрянули с обыском полицаи на подводе и не найдя ничего крамольного, забрали в доме всё что было из запасов продуктов, не оставив даже солений. Родственникам пришлось им помогать зимой.

Кроме того, в лесном массиве за Болговым и около хутора Южный скрывались бойцы местного истребительного батальона с Ладожской во главе с начальником Никандровым, а также специально созданный Ладожский партизанский отряд, который не смог сразу перебазироваться в горы. Боясь, что их немцы быстро вычислят, части партизан, сформированных из местного партийного руководства под начальством Нерушева Ф.П., почти сразу с приходом немцев удалось уйти за Лабу. Неделью они пробирались по тылам, перешли железную дорогу, ведущую

к Туапсе, и скрылись в Апшеронских лесах, а потом вышли на плато Лаго-Наки. Соединившись там с другими партизанскими отрядами и 23 полком погранвойск НКВД, охраняли большое количество скопившегося там скота, пригнанного с оккупированной немцами равнины, защищая так же перевалы к морю.

Остаткам ладожских партизан и раненым бойцам, которые не смогли просочиться через тылы немцев вслед за ушедшим отрядом Нерушева, пришлось скрываться в прикубанских лесах. Среди них оказалось немало людей, которым пребывание на захваченной территории угрожало в первую очередь – руководящие партийные работники, коммунисты, местные евреи. В их составе были так же работники Братского сельсовета и милиционер, а в большинстве своём раненые бойцы, отставшие от быстро отступавших войск. Сами эти отряды активных боевых действий не вели, акций особых не проводили. Но вместе с подпольщиками они подорвали жизненно важные для оставшегося населения объекты, которые Советская армия при отступлении не стала трогать – мельницы, маслобойни и мост через реку Кубань. Тогда мост находился не там, где сейчас существует, а был как раз напротив села Семеновского. Это отрезало оставшееся на левом берегу Кубани население, лишив его связи с внешним миром и возможности перерабатывать сельхозпродукцию.

Немцы вообще не заботились о снабжении продовольствием полицейских и те стали грабить население – тащили скот, птицу, кукурузу, последнюю картошку. Были уничтожены на хуторах все собаки, так как они выводили их из себя своим звонким лаем. Часть же местного населения относилась и к партизанам достаточно настороженно. Сами партизаны из-за быстрого наступления немцев не успели себе оставить припасов и жили за счет оставшегося местного населения, иногда втихую увозя у хуторян то коров, то последних поросят, что вызывало недовольство некоторой части жителей – и так уже все начали голодать, поди пойми кто там есть, кто. Командиром одного из таких сформировавшихся партизанских отрядов выбрали местного лесничего Зазыбу. К нему как-то пришла жительница хутора Болгова с просьбой о том, чтобы они не убивали немцев и не воровали живность по хуторам, ибо те предупредили, что за одного убитого немца казнят с десяток хуторян. Партизаны провели с ней разъяснительную работу, но потом, когда немцы расстреляли в Братском хуторе молодых парней Александра Гришаева и Павла Юдина, те не стали их особенно трогать. Но вот однажды, когда местные подпольщики послали связного в отряд Зазыбы, совсем юного парня по фамилии Потапенко, то по дороге его узнали хуторские и кто-то «капнул» полицейам. Пытали его немцы в Ладожской

до тех пор, пока тот не выдал все места, где он побывал. Полицейские с немцами в большом количестве сразу же понаехали в окрестные хутора во главе с самим начальником ладожской полиции Арзубовым. Стали рыскать по домам, были почему-то и у наших с осмотром. Начали вылавливать раненых бойцов в лесу, разыскивать партизан и тут же их расстреливать. Потом свезли со всех хуторов с полсотни тел и побросали вблизи Кубани в большом противотанковом рве. Особенно старался начальник жандармерии Герр Кольбах, самолично расстреливая людей на местах. Трупы их закапывали в том месте, где раньше был кирпичный завод на хуторе Болгова.

Сами же немцы вначале ничего плохого населению Братского не делали, ни в каких карательных операциях, расстрелах участия не принимали. К осени заняли все окрестные хутора. Везде появились атаманы и жандармы – одним из них стал местный немец по фамилии Кольбах. Районным атаманом – казак Колесников. Тот в Братском поставил старостой грамотного сына репрессированного в 30-х годах секретаря Сельсовета Николая Винника – Ивана, оставшегося из-за хромоты в оккупации с двумя сыновьями и женой на хуторе Согласном. Он раздал немецкие прокламации о том, что дети бывших кулаков могут забирать свои участки и дома обратно в свою собственность. Но тогда так никто из хутора Братского так и не клюнул на эти ихние байки.

Практически вместе с немцами вошли на хутор украинские жандармы, вот их все и боялись, они сильно зверствовали. Те преследовали целью уничтожения цыган и еврейских беженцев с юга Украины, размещённых весной по окрестным хуторам. В Братском цыгане побросав всё поразбежались почти сразу с началом войны, а евреев-беженцев было до пяти семей – в хутор их местные жить не пустили, хотя те и работали до прихода немцев некоторое время в колхозе, за счет чего кормились. Жили они прямо в полях возле хутора Братского в железных будках-прицепах от тракторов, там, где работали, а за едой приходили на хутор, выменивая на вещи или же просто просили что-либо поесть. Жители подкармливали их как могли. В сентябре всех их выловили местные полицейские и жандармы вывезли в Ладожскую, а в ноябре расстреляли в противотанковом рве около Кубани. В этой казни от Братского принимали участие младшие братья Ивана Сидоренко и староста Винник с двумя своими сыновьями. Закапывали они там рвы с телами умерших. После всех этих событий Иван Винник очень сильно и продолжительно запил и смог как-то отказаться от исполнения своих обязанностей. Его приехавшие на мотоциклах немцы заменили другими полицейскими, иногородними прибывшими из Ленинграда.

Сельскохозяйственные работы с приходом немцев на хуторе не прекращались. Как только немцы пришли на хутор, то по их приказу все колхозы сельсовета сразу стали функционировать в прежней структуре, только назывались уже общинами. Земля их стало собственностью общин. Председателем поставили бывшего управленца Ивана Иосифовича Винника. Все трудоспособные члены общины должны были участвовать в совместной работе по уборке урожая. Был обязательным выход в поле с 6 до 19 часов. За работающими на полях присматривали полицаи и прикрикивали, чтобы те лучше работали и били иногда плётками. Особенно легкораненых пленных военных, которые были отправлены в общину на поправку. После 19 часов – время прихода всех домой. Ночью по любому появившемуся на хуторе открывалась стрельба полицейскими без всякого предупреждения. Приусадебную землю немцы объявили частной собственностью, сразу освободив её от налогов. Они заявили, что эти участки должны использовать как можно интенсивнее, преимущественно для развития животноводства. Поздней осенью даже подкидывали кое-какие семена на посадку, так как весь собранный общиной урожай ими же был ранее вывезен. Полицаи должны были следить за тем, чтобы население их не проедало – иначе сразу расстрел.

Во время оккупации хутора немцами никто не пух от голода, но недоедали все. Питались только за счет своего натурального хозяйства, а вот одеться и обуться, было совсем не во что. С целью продажи населению промтоваров в хуторах стали появляться так называемые «заготовители». Они занимались закупкой продовольствия для городского населения. Расплачивались те не деньгами, а специальными бонами на определённые суммы. Предполагалось, что сдавшие продукты, смогут по этим бонам приобрести в магазинах необходимые товары: белье, мыло, табак, спички, стекло. Но в этих магазинах цены были не ниже рыночных и на деле сельхозпродукты просто изымались. Перед войной среди других культур много хуторской земли было занято под подсолнухи. Немцам было в диковинку, что повсюду на Кубани щелкают семечки. Но через некоторое время они сами начали охотно их щелкать, а позже, оборудовали на рынке в Ладожской мастерскую по изготовлению жестяных бидонов. В них немцы отправляли своим родным в Германию подсолнечное масло, которое заготовители всякими хитростями изымали у хуторского населения, обменивая его на шоколадки и конфеты.

Во время войны обязанность обработки приусадебного огорода лежала на моём молодом отце и прабабушке Дарье. Хуторская молодёжь днём фактически была без призора и большинство времени была

предоставлена сама себе. Совсем маленьких детей мамы брали с собой на поле, а кто чуть постарше болтался совсем без дела. Детвора повзрослей, если не работала на своих участках, то днём ватагой ходили на бывшие колхозные поля собирать для дома оставшиеся после сбора урожая колоски пшеницы, остатки кукурузы или шляпки подсолнечника для топки. Делали это так, чтобы их не видели полицаи, а то всё отберут. Подкапывали картошку с собственного огорода, чем в основном и питались. Хлеб для еды бабушка Саня сама пекла из кукурузной муки, в него же добавлялись бобы (соя) или макуха из подсолнечника. Сахара вообще невозможно было достать, но для чая варили сладкую патоку из сахарной свёклы с тростником. До войны колхоз пытался тростником засаживать небольшие плантации. Вот его дети и жевали, он и потом рос везде как сорняк – вкус его я помню с детства. В кубанских лесопосадках всегда самым распространённым деревом была жердёла – дикий абрикос. Плоды жердёлы, по сравнению с абрикосом, не такие сладкие, но в пищу его местные всегда использовали. Собранную пацанами жердёлу в начале лета сушили, готовили повидло. Сок этого плода подвергается брожению без сахара, его взрослые перегоняли в самогонку – абрикосовку. Содержимое косточек жердёлы, в отличие от абрикосовых – горькие по вкусу, их нельзя употреблять в пищу в большом количестве, это может привести к отравлению. Несмотря на эту горечь, а точнее, именно поэтому, содержимое косточек использовалось в хозяйстве. Из них на Кубани в годы войны хуторяне варили мыло. В этой работе малыши были незаменимыми помощниками: камнями разбивали косточки. Старшие аккуратно собирали зёрнышки и смешав их с каустической содой долго варили до вязкой консистенции. Потом это домашнее мыло застывало и использовалось зимой для стирки очень грязного белья.

Многие те, кто жил у воды, держали уток. Ещё весной маленьких утят поместили и запустили в Зеленчук. Их не кормили, они там сами питались, и уже по осени, когда пришли немцы и начали их стрелять, детвора быстро выловили каждый своих. Рыбалка на Зеленчуках была так же источником дополнительного пропитания для многих семей, где были пацаны. У каждого имелось какое-то своё заветное место, где другие по какому-то негласному общепринятому правилу старались не появляться. Отец рассказывал, что когда пришли немцы, то полицаи поглотили много рыбы. Но ему однажды повезло, и он вытащил с глубины огромного сазана. Когда нёс его домой, то соседи просили поменять хоть часть его на что-нибудь дефицитное. Правда потом полицаями на хуторе была создана рыболовецкая бригада из местных жителей, и та повылавливала почти всю оставшуюся рыбу в Зеленчуках.

В то недалёкое время, по рассказам братьев отца, их маленьких пацанов постоянно преследовало ощущение голода. Им всегда хотелось кушать, и они искали любую возможность, чтобы его как-то притупить. На Кубани перед войной везде садили понемногу табак или ещё как его называли – тютюн. Во время войны он рос дичком. Те ребята, кто мог хорошо держать в руках нож, ходили его резать. Кромсали табак на мелкие полоски. Взрослые потом его сушили, измельчали и делали махорку. А малышня, решала тут для себя другую проблему: искали повсюду клочки бумаги, чтобы соорудить что-то вроде мундштука, брали его в рот и дымили. Это ненадолго забивало чувство голода и отвлекало на время от мыслей о еде. Но бабушка Дарья всегда была настороже, чуть что искала гибкую длинную хворостину и за это увлечение табаком угощала мелких такими хлёсткими ударами по спине, что сразу проходило всё желание покурить.

Совсем поздней осенью разнёсся слух, что хуторян начали обворовывать. Пока всё взрослое население работало в степи, с сараев постоянно стали пропадать овощи, запасённые на зиму. После этого дети начали охранять дворы, дежуря поочерёдно. Кто-то из них застал вора с картошкой. Сбежавшиеся по тревоге хуторские женщины в ярости забили его лопатами. Отец с бабушкой этого не видели, это было где-то возле гребли, но об этом все тогда говорили. Растерзанный труп долго там лежал, отец видел его сам. Улик и свидетелей никаких не было, полицейские не стали с этим разбираться, сказали, что это был какой-то солдат и сами его закопали. Больше об этом события не вспоминали.

После победоносных событий нашей армии оккупанты начали совсем зверствовать, угонять весь оставшийся скот и занялись сплошной экспроприацией. Один раз холодной зимой (14 декабря 1942 г.) понаехавшие фашисты начали отбирать хуторскую молодёжь для отправки на работы в Германию. Под это дело как раз по возрасту и попадал в списки мой отец. О каждом из жителей через полицая немцы заранее собирали очень подробные биографические данные. Но, бабушка Саня, пользуясь тем, что при отступлении Советской Армии по указанию председателя Сельсовета Чехова Г.Н. архивы сожгли, смогла каким-то образом в выдаваемом старостой аусвайсе своему пятнадцатилетнему сыну Анатолию – моему отцу, уменьшить возраст. Вместо месяца рождения апрель она поставила – декабрь. А у малолетнего сына Александра (ему было тогда 11 лет) получилось уменьшить три года – он родившийся в голодные 30-е годы был совсем мелкого роста. Это тогда спасло отца от депортации, а в дальнейшем, так получилось, что и от призыва на фронт. Когда пришли наши, то секретарь Сельсовета

Федоренко Екатерина, не теряя время на поиски архивных документов, стала выдавать справки о рождении на основании немецких документов. Вот оттуда у моего отца и его брата на всю жизнь остались неверные записи в паспортах о датах и месте рождения.

В хутор Братский советские солдаты-разведчики зашли утром 30 января 1943 года. Через два дня вошли советские войска, а через неделю заработал Сельсовет х. Братского, председателем поставили Ковалева. 28 мая этого же года был избран исполком Братского Сельсовета депутатов трудящихся и состоялось его первое заседание. В Братском и на окружающих хуторах началось восстановление колхозов. Весной 1943 года посевная в этих колхозах проходила с большим трудом. Мужиков в то время не было совсем, шёл переломный год войны. На сельхозработы мобилизовали всё трудоспособное население. Посевная затягивалась из-за отсутствия живой тягловой силы. Трактора простаивали без топлива и масла, которое должны были делать сами колхозники из клещевины, а вот её и не хватало. От государства помощи в этом вопросе ожидать было трудно – всё шло на фронт. Волонеров не было вообще, а малопродуктивных коров, годных к запряжке, у колхозников забрали в апреле в счёт госзаготовок. Прополка пропашных культур была недостаточной и колхоз установил «индивидуальную сдельщину», стимулирующую эти работы. Отец в то время уже работал конюхом в колхозе «Путь к Коммунизму», который смог к 15 июля прополоть только 110 гектар из посаженных 500. Летом урожайность пшеницы была 5 ц/г.

В первые послевоенные годы жизнь на хуторе легче не стала. Взрослые вместе с детьми работали целыми днями в колхозе и дома по хозяйству. В 1946 году край постиг большой неурожай и правительством были повышены в два раза налоги по самообложению на личные подсобные хозяйства. Урожай был небольшой, колхозы Братского Сельсовета людям практически ничего не оставляли, весь его сдавали государству. В этот год не уродился картофель, не вызрела даже фасоль и зимой опять пришёл голод. На хуторе пошли повальные воровства у частных скота и птицы пришлыми элементами. Новому председателю Сельсовета хутора Солодкому И.М. пришлось даже срочно организовать самоохрону населённого пункта и привлечь к этому всех коммунистов с целью контроля ночных обходов по улицам хутора и выявления посторонних лиц, не внушающих доверия.

Основные продукты питания в то время всем без исключения выдавались только по карточкам Сельсовета. Дороговизна остальных была невероятная. Булка белого хлеба стоила в сельпо 50 руб. На рынке за кило сала просили 1500 руб., ведро кукурузы – 1000 руб., а стакан соли

– 100 руб. К примеру, секретарь хуторского Сельсовета Нина Хоружевская (сестра бабушки) тогда получала 500 рублей в месяц, а средняя заработная плата по Союзу составляла около 600 руб.

Во время войны постоянное недоедание, непосильный труд, всё это сочеталось у бабушки Сани с большим психологическим напряжением – горем в связи с пришедшем известием о пропавшем без вести муже. Тревогой за детей, оказавшихся фактически без присмотра. Но потом пришла весточка, что муж жив. Радость у бабушки и детей была беспредельной. Семья жила надеждой на возвращение отца, мужа, но осенью 1945 года пришло очередное известие о том, что его осудили. Судьба хранила деда, но не щадила. Он попал в списки тех, кто воевал с врагом, но по каким-то причинам побывал в плену. По случаю победы всем была объявлена амнистия. Многие выходили на свободу и приезжали домой, а он поехал через всю страну отбывать наказание в сталинские лагеря.

Апанасенко Иван Кононович.
Фото 1946 г.

Дед досрочно вернулся из лагерей на хутор осенью 1947 году, а затем им пришлось переехать в станицу Апшеронскую Краснодарского края, к жене пропавшего на войне брата Якова. Связано это было с тем, что после того как дед пришёл с войны, отношение к нему со стороны нового руководства стало весьма неблагоприятное. Он сразу начал работать в местном колхозе «Путь к коммунизму», в котором со времён войны уже освоил профессию тракториста и пахал землю его старший сын Анатолий – мой отец. Вот тут у него сразу и не сложились взаимоотношения с местным начальством, выразившиеся в малом количестве наделяемых трудодней и формальным придиркам безо всяких поводов нового председателя колхоза Никитенко. Проклятый знак в военном билете, удостоверяющий его пребывании в немецком плену, тяжело давил на деда – именно этим и унижало его руководство. Да и не мог он спокойно смотреть в глаза вдовам ушедших вместе с ним хуторян и не вернувшихся потом с этой проклятой войны. Решающую роль к тому же тут ещё

больше сыграло то обстоятельство, что семье погибшего брата Якова хотелось оказать хоть какую-то посильную помощь. Им потерявшим все средства к существованию приходилось в то время ещё хуже.

Получив сведения от посетившей их племянницы Раисы, дочери старшего брата деда – Якова, которая проживала в ст. Апшеронской Краснодарского края, о том, что их местные рабочие имеют довольно хорошие заработки, недолго думая, решили туда переехать. Дед с бабой с трудом продали хату и собрались в путь вместе со своими почти уже взрослыми детьми. Им к тому же хотелось, чтобы их сыновья получили хорошие профессии, а с возможностью учёбы и работы в большом населённом пункте тогда было действительно получше. Но уехать быстро не получилось, потому что все взрослые члены семьи были колхозниками. Паспорта в те годы колхозникам не выдавались. Покинуть колхоз, поменять место жительства можно было только с разрешения Сельсовета. А он отпускал на учёбу или по надобности колхоза, например, на какие-нибудь курсы механизаторов, бухгалтеров или же по вызову. Только у моего отца был тогда паспорт. Но в данном случае они каким-то образом получили вызов из Нефтегорского р-на (в то время в тот район входила ст. Апшеронская). Весь путь в 150 км до станицы Апшеронской свою единственную корову дед тогда вёл пешком по зимней распутице. Поселились они вначале в центре ст. Апшеронской на квартире возле родственников брата Якова, и через полгода почти сразу же купили участок в соседнем хуторе им. Калинина Кимовского сельсовета. Это в трёх километрах по железнодорожным рельсам от станицы Апшеронской. Станица Апшеронская впоследствии стала районным городом, и я там родился 21 ноября 1951 года.

Мои родители с бабушкой Александрой
возле хатки на хуторе Калинина по ул.
Советской. Фото 1953 г.

Жизнь более, менее у дедов в Апшеронске начала налаживаться. Построенный ими домик-хатка по улице Советской имел довольно много земли, с большим огородом, выходящим на берег маленькой речушки Ерик, которая почти всегда пересыхала летом. Имели неплохой садик, хозяйство с коровками и свиньями, садили картофель и много кукурузы. Дети Ивана Кононовича и Александры Павловны отучились в городской школе, где образование детей было гораздо лучше поставлено, чем на хуторе Братском. Окончив школу оба сразу пошли служить в армию.

Братья моего отца в молодости: Виктор (слева) и Александр (справа). Фото 1954 г.

Дед почти все то время проработал на табачных плантациях. Возделывание табака начало зарождаться на Кубани ещё прошлым веком и в 1950-х годах вблизи Апшеронска тогда уже достигло весьма больших промышленных масштабов. Новая отрасль сельского хозяйства была весьма доходной, площадь табачных плантаций в местном совхозе с каждым годом возрастала и требовала всё больших усилий от рабочих. Деду приходилось очень много работать на сушке и рубке табака, но и заработки были неплохие. До сих пор помню его задубевшие и мозолистые руки – они почти всегда были в больших незаживающих трещинах, и он всё время смазывал их вазелином, придя после работы вечером домой.

Семья Апанасенко Ивана Кононовича. Во втором ряду сыновья с жёнами: слева – Александр, справа – Анатолий, посередине – Виктор. В центре – внук Вячеслав, слева от него, сестра бабушки Александры – Мария с мужем Георгием. г. Апшеронск, 1956 г.

Но спокойной старости у них как-то так и не получилось. В Апшеронске предгорный климат стал сильно влиять на здоровье бабушки – её всё время терзало сердце, которое она подорвала на тяжёлых физических работах ещё во время войны. Однажды, на хуторе Орловском она в поле подняла сноп сена больше своего веса, и случился сильный сердечный приступ. В колхозе она уже не работала по состоянию здоровья. Болезнь с каждым годом всё усиливалась – она с трудом могла поднимать даже ведро воды, сильно задыхалась. Врачи настоятельно рекомендовали бабушке переехать на равнину, что и решено было сделать. Перебрались они в 1959 году к своему младшему сыну Виктору в г. Кореновск.

Но всё время жизнь на пенсии была у дедов в каких-то заботах, суете в воспитании внуков. Дом деда Иван и бабушки Саня в Кореновске постоянно всегда был полон гостей и внуков. Как-то так получалось, что все дети тянулись к ним. Каждое лето меня с младшим братом Виктором на месяц отправляли к бабушке с дедушкой. Мы весьма рады были этому событию. У них тогда одновременно собирались почти все внуки, было всегда весело и интересно всем.

Дедушка Иван Кононович умер в 73 года от рака желудка 4 мая 1981 года. Видимо сказались перенесённые болезни и лагеря, ну и ещё то, что он всю свою жизнь с самого детства и до последнего дня, даже будучи уже больным, хорошо курил. Перед этим ему сделали несколько операций по удалению части желудка. После них он сильно страдал, принимал какие-то обезболивающие, не мог вообще принимать пищу, сильно похудел от недоедания. Дед, как сказали врачи, начал отходить 1-го мая – было тогда три праздничных дня. Но не знаю, как так получилось, но бабушке Сане он приказал готовиться к похоронам сразу после выходных – видимо не хотел портить родственникам праздники, и терпел свои невыносимые боли ещё несколько дней.

Бабушка Саня была золотой души человек. Таких людей в своей жизни я видел не так уж и много. Тихая, скромная, ласковая и добрая. Как она нас встречала и провожала, какая она была заботливая! Бабушка прививала внукам расхожую истину что, нужно не идти на поводу у обстоятельств. Ещё учась в школе побольше читать литературы, изучать различные предметы и историю, ведь хорошее образование расширит наш кругозор. С такой подготовкой легче будет потом ориентироваться в сложных жизненных ситуациях и продвигаться по работе. Когда мы приезжали на каникулы, то упрашивали бабушку рассказать что-нибудь интересное, усаживаясь вечером вокруг неё и затаив дыхание, слушали. А та рассказывала какие-нибудь трогательные истории из жизни простых людей. Помнится, бабушка заставляла меня успокаивать младших детей играми, когда сама занималась готовкой или стиркой. Я ещё тогда сочувствовал ей и старался помогать, бросая свои детские забавы.

Бабушка Саня пережила деда Ивана на пять лет. Умерла от остановки сердца 3 октября 1986 года. Похоронены они вдвоём вместе в одной могилке на новом кладбище города Кореновска. Тяжесть жестокой жизни в переломные моменты государства, постоянная тревога в сердце за жизнь своих детей, за родителей и родственников дважды пострадавших от советской действительности, удары военного времени — всё это им пришлось перенести на своих плечах, как и многим простым людям того времени. Но они творили свой маленький быт, вели своё хозяйство, воспитывали детей и вообще всегда заботились об устройстве и благополучии всех тех, кто их рядом окружал. Всё было у них так же, как и у многих других людей попавших в эти жестокие условия. Прошлое молчит, о том, чего это им всё стоило, какими трудами сопровождался каждый их шаг, сколько было пролито слез, какую бездну горечи и гнетущих мыслей они вынесли – мало кто сейчас из нашего поколения всё это может себе представить.

Но они не падали духом и бились из сил, пока не поставили на ноги своих детей, а потом под конец жизни и внуков. В доставшихся им тяжёлых, порой нечеловеческих условиях, в которых жили они в столь суровые времена, способные к любому труду, сильные, выносливые физически и духовно, они смогли сохранить всё своё душевное тепло, не только для себя, но и для своих детей и внуков. Не такие уж и далёкие эти наши деды и прадеды были носителями тех нравственных заветов и устоев, которые они получили от своего старшего поколения нашей семьи и с честью передали нам, чтобы мы смогли так же достойно их продолжать...

Апанасенко Иван Кононович с Александрой Павловной.
Фото 1978 года.

* * *

Сыновья Ивана Кононовича и Александры Павловны Апанасенко

Анатолий

Александр

Виктор

Младший сын Виктор, к которому переехали в Кореновск дед Иван с бабушкой Александрой, неожиданно рано ушёл из жизни, трагически погиб 28.08.1965 года. Попав по молодости в армии на Тихоокеанский флот, стал коком на военном корабле, был у него интерес к кулинарному делу. По рассказам он вообще по умственным способностям отличался от многих – ему легко давались любые науки. Демобилизовавшись после трёх лет службы, он поступил в Краснодарский кулинарный техникум. Там же встретил свою будущую жену – Екатерину, родом из г. Кореновска. После окончания техникума поженившись, осели в её родном городе. Жили они по тем временам достаточно обеспеченно, потом он стал заведующим кафе. Проживали вместе с дедом и бабушкой в одном доме по Береговому переулку 16, возле самой речки Бейсуг. Домик хоть и небольшой, но был разделён на две половины, имел небольшой сад и огородик. Но в дальнейшем по рассказам родственников, похоже, большой любви особо между ними не было.

По-молодости Виктор Иванович изредка позволял себе весёленький образ жизни. Однажды возвращаясь «под шафе» с работы поздно вечером на мотоцикле с коляской на полном ходу налетел на телегу, находящуюся впереди на его же полосе движения, совсем не заметив её. Причиной послужило ослепление встречной машиной. Задняя торчащая балка телеги как раз пришлась ему на грудь, и он скончался, не приходя в себя. От него остались двое детей – дочь Елена (17.12.1959 г.р.) и сын Сергей (09.01.1963 г.р.), которому тогда было уже чуть больше годика. Жена его Екатерина Ивановна почти сразу же вышла замуж за ухажёра – Синчука Анатолия Трофимовича (1938 г.р.), всё время работала, а уходом за детьми по большей части занималась бабушка.

Но видимо смерть отца сильно повлияла на маленьких, дети Виктора и Екатерины росли нервными, постоянно требовали к себе особого внимания. Но потом они подросли и воспитанием больше стала заниматься их мать. Повзрослев, они завели свои семьи и сейчас проживают в том же городе Кореновске, имея помногу детей.

А чуть позднее с младшим братом отца Александром тоже случилась не очень весёлая история. Он уехал на заработки, на север, в г. Мончегорск Мурманской области, где женился на местной девице Галине Васильевне. Работал бульдозеристом в карьере медно-никелевого комбината «Североникель». Но лет через десять его жена понемногу всё больше и больше стала пристрастяться к спиртному, её даже однажды пришлось отправлять на лечение в спецпрофилактории. Да и сам он редко когда стал отказываться от этого дела. И вот однажды во время празднования Нового 1971 года в своей квартире увидел в спальне пьяную жену, а рядом с ней лежащего мужчину. В ярости, недолго думая, схватил кухонный нож и нанёс ей несколько ударов. Один из них оказался смертельным. Дали ему наказание десять лет колонии-поселения в Петрозаводской области.

От этого брака у него осталось двое детей – Константин (24.02.1962 г.р.) и Алексей (22.11.1966 г.р.). Их и пришлось тогда забрать к себе деду и бабушке. Воспитывали они их до совершеннолетия, пока не вернулся с лагерей отец. Растить малолетних детей в пожилом возрасте было уже довольно трудно, но им и через это пришлось пройти. Обеспечивать их одеждой и обувкой, водить сначала в садик, а потом и в школу. Дед с бабушкой сильно любили своих внуков и очень старались дать им хорошее воспитание, во многом даже через чур потакая их детским шалостям. В последствии Константин, женившись, остался жить в дедовом доме в Кореновске, а младший Алексей после армии уехал в г. Апатиты – ему досталась квартира родителей. Там же женился и имеет много детей, работает мастером в местном карьере.

Александр Иванович, отец их, в 1981 году вернулся после колонии в город Кореновск уже после смерти дедушки. Там же и женился второй раз на Шолковичь Марии Васильевне. С ней на ул. Береговой возле старшего сына Константина и его детьми прожил он остаток своей жизни. Работал на местной птицефабрике, а после развала социализма, чтобы как-то прожить с мизерной пенсией, приторговывал на колхозном рыночке различной мелочёвкой. Часто приезжал в Краснодар на её закупки, и заходил ко мне на работу, чему я был весьма рад. Умер он 31.10.1997 г., похоронен на кладбище г. Кореновска, недалеко от своих родителей.

О моих отце и матери

Родился мой отец Анатолий Иванович 25 апреля 1927 г. как раз в ночь на пасху в старом прадедовом доме на хуторе Братском. Дети в то время рано познавали, что и как нужно делать по хозяйству. Настрой на работу прививался в семьях сызмальства. Малышей с пятилетнего возраста приучали вместе с взрослыми поначалу заниматься посадкой огорода или бахчи, затем уже делами посложнее. В 1935 году отец пошёл в хуторскую школу. Из-за малого количества детей первый и второй класс садили вместе всех в гостиной комнате здания бывших его прадедов Солодких. Ему тогда хотелось учиться, но время было трудное. Будучи мальчишкой, зимой – учился, летом отец активно участвовал в труде: боронил, ворошил сено и возил копны на покосе. Но самым интересным, конечно, для него была работа на лошадях. Не так легко усидеть пацану на коне, если ноги короткие, и ты не можешь обхватить коня, чтобы удержаться при быстрой езде. А проскакать перед девчатами очень хочется. Приходилось ему и сильно падать с запряжённой лошади. Бывало, что в 13 лет поручалось его отцом (моим дедом) ездить одному на лошадях за сеном, а когда было 14, то ездил уже на двух лошадях один. На подводу ему нужно было наложить столько сена, сколько весит примерно воз зерна. Вот тут надо было иметь силу, ловкость и смекалку, чтобы одному уложить сено, привязать его так туго, что при езде воз не развалился бы. Когда в семье стало невмогуту из-за материальных трудностей, в 15-летнем возрасте уже зарабатывал свой хлеб. Бабушка считала, что он хоть годами и не велик, но силой не обойдён, и поэтому давала ему наиболее тяжёлые поручения по выполнению крестьянского труда. Рано он постиг тяжёлый хлеборобский труд, может даже раньше и побольше, чем его братья – он был старшим мужчиной в семье, когда дед был на войне. Тяжёлым бременем легли военные годы на плечи детей.

Когда в мае 1941 г. деда призвали в военные лагеря на переподготовку, то отец и не думал, что тот фактически отправляется на войну. Все думали, что договор о ненападении, подписанный между СССР и Германией в 1939 году, является для гитлеровцев клочком бумаги, но простые люди тогда считали, что всё же какое-то препятствие он представляет. Уже вбила партия им в голову классовую идею, что все трудящиеся в мире братья. И в сорок первом году очень многие из детворы по наивности верили в то, что германский рабочий в русского крестьянина не станет стрелять, а начнёт брататься.

В выходной день 22 июня 1941 года бабушка Саня с раннего утра уже была на колхозном поле – начиналась уборка. Отец тоже проснулся рано. Он с утра помогал дома по хозяйству, чтобы потом после обеда пойти к родственникам на выпускной. Но остановилась проезжающая машина, из неё водитель прокричал бегавшим по улице ребятам: *«Война! Война дыточки! Немцы-гады напали на нас. Шукайте быстро родителей, трэба им повестки ити получати»*. Дети, конечно, не отдавали себе отчёта в величине и размахе события, о грандиозности катастрофы, разразившейся над нашей страной. Никто не ожидал такого вероломства от фашистов, и мысли не допускали, что после этого выходного начались ещё одни страшные испытания для них всех. С первых дней войны всем пришлось трудиться ещё больше, в том числе и подросткам, без отдыха буквально круглые сутки. Отцу было уже четырнадцать с половиной лет.

В эти первые дни войны бабушка была в отчаянии – муж, который предположительно был уже на фронте, совсем не подавал весточек. Она пыталась хоть как-то что-то узнать – жив ли он вообще. Послала моего отца в Ладожский военкомат, но там он каких-либо сведений получить не смог. В начале войны отец, как и большинство на хуторе, не особо верил в то, как освещаются по радиоточке зверства гитлеровцев над нашими людьми. Рядом с Братским хутором жило много немцев-колонистов, отец их хорошо знал, дети учились вместе с ним. Все они были прекрасными и трудолюбивыми людьми, довольно приветливыми и общительными. Но все эти его сомнения быстро исчезли после того, когда ему пришлось лично встретить на вокзале в Ладожской прибывших ранеными калек, и выслушать их рассказы о том, кто такие гитлеровские фашисты. Когда он увидел такое большое количество перевязанных людей без обеих ног, то был просто потрясён. Стал каждый день следить за событиями на фронте. Пытался слушать сводки, а они были неутешительны, наши повсюду всё отступали и отступали. Неудачи были ошеломляющи, горечь их ощущалась у всех очень остро, хотя мало кто на хуторе представлял всю трагичности положения своей страны.

Потом пришли немцы. Население, жившее на оккупированной территории, жило в страхе и неуверенности в завтрашнем дне. Одни боялись немцев, другие по старой памяти ещё и советских. Большинство считало себя советскими, но небольшая часть была всё же за немцев. И у каждого из них были свои правильные объяснения и свои верные доводы. У живых людей тогда много было разных причин, чтобы поступать как-то по-своему. Одни, не любя Советы, пошли служить к ним. Другие, боясь расстрелов немцев, уходили к партизанам. А ещё была категория людей, которые вообще были ни за кого. Они были сами за себя и хотели

только одного - жить. Но так просто всё не получалось, каждый что-то делал в своих интересах. В своих поступках люди руководствовались не только политикой. У большинства ребят было желание познакомиться с войной поближе. Просто из-за влечения молодости, чтобы потом считать себя человеком бывалым. Думали, что если не убьют и не искалечат, то его характеристика, как человека бывалого, будет обеспечена ему на всю оставшуюся жизнь. Они ночью резали провода связи, за что постоянно были под подозрением полицаев. Потом двоих таких они расстреляли.

Со времени начала оккупации на хуторе стало появляться всё больше полицаев и румын. В сопровождении немецких солдат на мотоциклах они стали проводить перепись всего трудоспособного населения для принудительных работ и гонять людей на ремонты дорог. Подростки скрывались от них в зарослях камыша. Однажды даже умудрились укрыть там брошенный полицаями старый колёсный трактор ХТЗ-15. Он у них застрял на дороге и не смог самостоятельно выбраться из грязи. Те сняли с него магнето, чтобы его нельзя было завести. По кубанскому чернозёму, по дорогам между мелкими хуторами, можно было проезжать на них только в сухое время года. В зимнюю же погоду грязь так налипала на колёса этих тяжёлых тракторов, что возможность передвижения их практически исключалась. Когда стало посуше, ребятам каким-то образом получилось найти недостающие запчасти – брошенной техники около хутора Болгова было очень много, там раньше находилась Братская МТС. Вычистили в песке свечи, завели его и перекатили к речке. Слили с трактора остатки керосина для дома и притопили его в речке, замаскировав камышом. Некоторые детали от него отец пытался спрятать в своём дворе. Мать его очень сильно ругалась, когда узнала про это – боялась, что полицаи расстреляют отца как тех двоих парней-партизан. После освобождения района этот трактор был отремонтирован колхозом и даже выполнял кое-какие сельхозработы в поле.

В конце оккупации, приехавшие с фашистами полицаи, заняли все помещения школ в Братском. Было очень холодно, и они сожгли почти все столы, парты, разорили библиотеку, уничтожили наглядные пособия. Парты порубили прямо в классах. После этого дети вообще перестали учиться, и никто школу практически не посещал. Бывший дом-школа прапрадедов Солодких находилась в обветшалом и весьма неприглядном состоянии, стекла выбиты, в комнатах был конский и человеческий кал. Но с приходом наших войск благодаря энтузиазму учительницы Крамаренко А.М. она была быстро восстановлена, и младшая детвора через месяц сразу же приступила к занятиям.

В освобождённых от фашистов районах весной того же года во время посевной несколько раз закрывалась школа и всем детям было не до учёбы – работали в поле. Отец в 1942 году по возрасту как раз должен был заканчивать седьмой класс. Что касается самого отца, то в это время посещение школы было для него пыткой, и только совесть перед семьёй заставила его уже повзрослевшего учить уроки. Он, вероятно, бросил бы её, так и не доучившись, если бы не один случай. Однажды ранней весной ребят прихватил мелкий дождь. Чтобы не промокнуть до нитки, забежали они в чей-то сарай. Дождь зарядил надолго и выходить им, чтобы идти в школу, не особо хотелось. У кого-то из ребят оказались спички, они развели небольшой костёр, и им не захотелось уходить от тёплого костра. Решили не ходить на занятия, в которых военрук муштровал всех парней. Дурачились и окончательно пропустили занятия. Дождались, когда девчонки возвратятся с учёбы, пригрозили им карами, если проболтаются об их прогуле и пошли домой. К счастью или несчастью, но в этот день дома был хороший обед. Бабушка заботливо налила постный борщ, спрашивая, как же это он легко перенёс такую плохую погоду. Отцу было стыдно врать, и он признался, что ни в школе, ни на военных занятиях он не был. Ребята долго потом его ругали и укоряли за это, но отец твёрдо дал себе обещание окончить школу и продолжал учебу, когда только мог отрываться от работы в колхозе.

Такие простенькие справочки на бумаге из ученической тетрадки директор Коломийцев Иван Иванович выдавал тем, кто окончил Братскую семилетнюю школу №5 в 1942 году.

Значительные успехи наших вооружённых сил в Великой Отечественной войне способствовали подъёму настроения большинства людей на хуторе. На фронтах шли бои, советские войска рвались на запад, а в тылу все по-своему приближали победу. Нужно было не только вырастить колхозный урожай, но и сохранить его до колоска, до зёрнышка. Хуторская молодёжь была весьма активной и воспитана на пионерских и комсомольских идеалах. Дети прекрасно понимали, как фронту нужен хлеб. Ребята шли по стопам своих родителей и одногодки между собой невольно соревновались, кто из них раньше освоит то или иное дело. Дети работали в колхозных бригадах вместо своих родителей. Они выполняли самые разнообразные виды работ сельхозработ. Ребята очищали деревья от гусениц в садах, управляли лошадьми и быками, работали на сеялках, косили ручную траву на лугах. Они сажали овощи, пропалывали их, работали на уборке зерновых культур в токах, жали серпами, убирали свёклу и картофель. Дети старшего школьного возраста пахали, косили, молотили и скирдовали хлеб ручную. Младшие собирали в поле колосья. В зимнее время подростки, которые не посещали школу из-за отсутствия одежды или обуви, подвозили корма к фермам, возили сено с лугов, вывозили навоз на поля. Это был очень тяжёлый труд для этих подростков, которые питались кое-как – хлеба, как основного продукта, постоянно не хватало. Большой радостью у подростков в то время было съесть его тёплой кусочек. С каким аппетитом они поедали на полевой кухне галушки и запивали травянистым чаем с добавками листьев смородины, вспоминали старшие.

Отец уже тогда начал работать ездовым в поле наравне с взрослыми. Тракторов почти не было, лошадей и волов было мало, в плуги и бороны приходилось впрягать коров, для которых делали специальные ярма. Но отец всё больше стремился к технике, самостоятельно начал изучать трактор, и его поставили помощником тракториста – прицепщиком. Он отвечал за работу плуга, культиватора, сеялки или любой другой прицепленной к трактору машины. В его обязанности входила ежедневная смазка узлов трактора и его агрегатов. А если случался ремонт, то вместе с трактористом прицепщик выполнял все тяжёлые работы: детали были увесистыми, и одному человеку ни в какую с ними не справиться, подъёмных механизмов тогда почти не было, если не считать ломиков и верёвок. За лето ему всякое приходилось делать при полевых работах, а уже ближе к уборке урожая его допустили за рычаги трактора. Именно такую начальную механизаторскую школу прошёл отец. На перемену с такими же малолетками и бригадиром, скашивали

поля. Бригадир приходилось бегать по полю то к одному, то другому трактору и рассказывать, как более правильно производить операции.

Уборочная в военные годы. Фото 1943 г.

К шестнадцати годам отец уже хорошо освоил профессию тракториста и работу на колхозных полях. Трактора были, в основном, Харьковского тракторного завода выпуска 1935 года и имели солидный износ деталей, главным образом, двигателей и заднего моста, поэтому часто нуждались в ремонте и замене деталей. На своём тракторе СХТЗ-15/30 с помощью бригадира отец сразу научился делать перетяжку некоторых подшипников, притирку клапанов, менять шестерни заднего моста. Пахали с рассвета и до темна – берегли рабочее время. Бывало, что работали практически каждые сутки, ночевать приходилось под трактором, подстелив соломки или ещё чего-либо подходящего. Проспать было невозможно, хоть коллектор двигателя во время работы и сильно разогревался, но станина трактора довольно быстро из обогревающей становилась охлаждающей, и это заставляло подниматься с земли, когда ещё было темно и приниматься за работу. Бригадир приказал, чтобы учётчицы на велосипедах привозили им еду прямо на поле. В то время, пока обедали, трактор продолжал пахать – за руль садилась сама учётчица и трактор не терял ни минуты. Отцу тогда весьма нравилась одна из них Мария Манько – первая любовь, как он говорил.

Осенью и зимой стало полегче. Но весной, когда бабушка отправлялась на работу в колхоз, то маленьким детям уже давался объем работ на день. Вскопать, прополоть огород – это всё было на плечах пацанов. Жили все бедненько. У наших не было денег даже на одежду и бабушка сама шила холщовые рубашки всей своей детворе. Хоть бабушка Саня и была чистюлей – дети всегда ходили в свежевыстиранных и отглаженных рубашечках, отец стеснялся их носить перед девушками. Поэтому, когда шёл на работу в поле, снимал её и аккуратно прятал в кустах терновника. А придя до места, одевал комбинезон, в котором и проводил весь день.

Так прошли его военные годы на хуторе. За два года войны (1941-42 г.) отец кое-как смог окончить 7 классов, а в 1945 году поступил в Ладожскую школу механиков сельского хозяйства, получив среднее специальное образование. Школа в Ладожской позволила ему занять паспорт. В то время с шестнадцатилетнего возраста юношам должны были выдавать паспорта, но в сельской местности после 1932 года их не кому не давали, прикрепляя, таким образом, молодых людей накрепко к месту жительства.

Апанасенко Анатолий Иванович.
Фото 1 января 1945 г.

Когда война закончилась, пригнали с гор скот – коров, быков. Но всё, что производилось в колхозе, уходило в армию или города. Оставшийся хлеб давали по карточкам. Тогда все работали без всякой оплаты труда и только в 1946 году, впервые с начала войны, трактористам начали выдавать пшеницу на трудодни. Настолько семья была рада этому. Из армии начали возвращаться "старые" трактористы, стало мальчишкам, да и в принципе всем, полегче. Отец работал в колхозе и после окончания механизаторской школы. Как большинство трактористов, после изгнания немцев, оставался на брони (был приказ Сталина молодых сберечь) и его не призывали в армию, тогда наоборот её сокращали. В 1947 году вернулся его отец после фронта и двухгодичной отсидки в лагере. Какой радостью и восторгом от приезда была пронизана эта встреча!

После переезда в этом же году вместе с родителями в г. Апшеронск, начал он там трудиться вместе со своим отцом на Лесобазе, электромонтёром. В 1948 году его призвали в армию на восемь месяцев и

отправили на учебные курсы. Там отец стал военным специалистом по радиолокаторным станциям орудийной наводки. Впоследствии его частенько отправляли в военные лагеря на переподготовку из-за этой дефицитной специальности. Как-то так получилось, что и я во время учёбы в институте получил аналогичную воинскую специальность.

Вернувшись с армии, отец продолжал трудиться в Апшеронском Леспромхозе. Будучи ещё подростком, он увидел впервые в клубе хутора Братского кинофильм «Трактористы». Фильм так понравился, что ему очень захотелось узнать секреты кинематографа, например, как на экране осуществляется движение, как появляется звук. С тех пор он просто «заболел» кино. До начала сеансов отец приходил в клуб, старался помочь киномеханику расклеивать афиши. А в тоже время задавал ему вопросы, связанные с устройством аппаратуры, принципами действия сложных узлов и механизмов. Видя сообразительность отца в этом деле, начальство Леспромхоза в Апшеронской через неделю стажировки привлекло его к работе в качестве помощника киномеханика в поездках по горным посёлкам района.

Киномеханик Апанасенко Анатолий
Иванович с новым аппаратом K-102.
Фото 1948 г.

В те годы профессия киномеханика была очень востребованной и даже престижной. В 1949 году отца послали по направлению на учёбу в весьма перспективную тогда школу киномехаников в г. Лабинске. Окончившим её гарантировалась хорошая и денежная работа впоследствии. Учёба давалась отцу легко, но за год ему нужно было освоить довольно много теоретического материала и сдать экзамены на квалификацию механика звукового кино II категории. Практику потом проходили в кинотеатрах Лабинского района на самом современном оборудовании.

В городе Лабинске в послевоенные годы восстановление разрушенного народного хозяйства шло усиленными темпами. Город за короткое время превзошёл довоенный уровень, став одним из больших промышленных и культурных центров Кубани. В городе появилось более двадцати новых различных предприятий и несколько учебных заведений.

Город Лабинск в послевоенные годы. Сейчас на этом месте стоит кинотеатр «Восход»

В Лабинске тогда было много учащейся молодёжи, шумно, интересно протекала жизнь. Устраивались вечера в Доме Культуры с танцами и играми. Там и приглянулась отцу местная дивчина Марийчка Макаренко – моя мать, которая училась в медучилище. По словам многих, в свои 20 лет она пользовалась большим успехом у парней – весёлая, яркая, живая. Они начали встречаться.

Макаренко Мария Петровна.
Фото 1948 г.

По рассказам, мать действительно была тогда довольно шустрой девицей, училась на медсестру, но всё время у неё проявлялась в отличие от отца, какая-то коммерческая жилка. Она пыталась хоть как-то что-то подзаработать. Поехав в Москву, умудрилась договориться со знакомыми, что бы те отправляли ей посылками модные вещи, которые она там где-то доставала и потом продавала сокурсницам в Лабинске. Но на почте Лабинска, видя, что в один и тот же адрес приходит уже третья увесистая поклажа, «капнули» куда следует. Не помогло даже то, что отец её работал здесь же на этой почте. Мать вызвали в милицию и уже хотели было завести на неё уголовное дело по факту спекуляции. Но знакомый следователь, встретивши её в коридоре, посоветовал на какое-то время скрыться. Что та и сделала, срочно завербовавшись, уехала в Туркмению, в город Небит-Даг (сейчас Балханабад) в пустыне Кара-Кум. Там только что произошло сильнейшее землетрясение в 9 баллов и среди тамошней неразберихи довольно легко можно было затеряться. Устроилась работать медицинской сестрой и выправила новый паспорт. Здесь же она приобрела свой первый трудовой опыт, который оказался весьма нелёгок – пострадавших было такое огромное количество, что не одна больница не справлялась с ними. Так как были разрушены все административные и жилые здания, то стелили им кошмы прямо на землю. На улицах росли невысокие деревья, которые тени практически не давали, и больные лежали прямо под ними. Температура в тени под 40 градусов – это нормальное явление для такой местности. По улицам Небит-Дага тянулись арыки (неглубокие каналы для воды). Воду в них давали три раза в неделю, все запасались ею, чтобы потом пить, мыться и готовить еду. Какая-то русская хозяйка уцелевшего дома сдала матери комнату, в которой не было даже кровати. Спала она на большом столе. Кушать тоже особенно было нечего. На базаре всё было очень дорого, да и денег у неё почти не было. Покупала на аванс муку и урюк, вместе с подружкой во дворе дома пекли какие-то чуреки (лепёшки). Мама рассказывала, что в больницу часто привозили горячие пирожки на «Москвиче» и когда это происходило, все сестры бросая процедуры бегали за ними для себя и больных. Тогда и наедались. Сейчас нам трудно представить, но это были послевоенные годы и воспринималось всё это как-то обыденно.

А отец разыскивал её в то время. Наконец его труды увенчались успехом и к ней от лабинских подружек дошла весточка о том, что он её ждёт. Проработав там с полгода, она вернулась, и они встретились. Отец по окончанию школы киномехаников в то время должен был уже отправляться по распределению на работу в таманскую станицу Ахтанизавскую. Он уехал, а мать решила последовать вслед за ним,

отправив свои вещи багажом до станции Сенной. Отцу моей матери – деду Петру Макаренко было всё равно, а вот мать её – бабушка Дуня неодобрительно высказывалась по этому делу. Ей хотелось, чтобы всё было обязательно «по закону» – расписались и сыграли свадьбу, хотя бы у них. Бабушка почти всегда считала мать слишком самостоятельной и не очень почитающей родителей. Она обиделась и вообще была против её отъезда, но мать, напротив, считая себя независимой, сказала, что сама вольна в своих действиях. Может это у матери разыгралась тогда гордыня, а может, ей особенно этого не хотелось из-за отсутствия собственных денег, но только вначале между ними не было особого понимания по этому вопросу. К моему отцу бабушка Дуня всегда относилась чуть лучше, чем к матери. И он её всегда сильно уважал. Тем не менее, бабушка дала ей «приданное» – перину, две подушки, швейную машинку «Зингер» и ещё кое-что по мелочам. А проводил её до железнодорожной станции Курганная старший брат Николай, полностью одобрявший действия матери. По дороге в вагоне у неё воры утащили красивую тёплую обувь, когда она спала, и ей пришлось добираться чуть ли не босиком. Правда, она нашла какие-то старые галоши и дала телеграмму отцу. Он три дня подряд встречал её на лошадях на станции Сенная, что в пяти километрах от самой станицы Ахтанизавской, и встретил наконец. Домики этой старинной казачьей станицы, куда привёз её отец, разбросаны по берегам Кизилташского лимана. В большинстве они имели камышовые крыши и стены турлучные. Полы в комнатах были земляные, хорошо утрамбованные и смазанные глиной, круто замешенной коровяком. Привёз отец мою мать вот в такую половину хатки, где её сам снимал. Хозяйка оказалась на редкость гостеприимными. Вместе с ними устроили небольшой стол с местными деликатесами – пироги с печенью осетрины, жареным рыбцом в собственном жире и различными вкуснейшими сухими винами со своего подвала. Послевоенная жизнь везде тогда была довольно трудная и голодная. Но станица эта расположена в таких благодатных местах, с большим количеством лиманов и множеством виноградников, что рыба и вино были основными продуктами, которые довольно легко доставались местным жителям. На помолвку пришли друзья отца по работе со скромными подарками и открытками – такая тогда была жизнь. Удивительно, но факт остаётся фактом, в то время люди как-то ценили друг друга и всегда знали, что и как можно сделать приятное другому человеку. Людское сочувствие, взаимопонимание, товарищество и выручка были тогда у советских граждан на первом месте и это значило для них больше любых материальных благ.

Апанасенко Анатолий Иванович с женой Марией Петровной. Фото 1951 г.

К женитьбе сына и его выбору дед Иван Кононович бабушка и Саня отнеслась хорошо. «Сколько можно холостяковать, а то спортится совсем» – считали они. В то время мои родители уже жили вместе, как тогда говорили «гражданским браком», а оформили отношения лишь за месяц до моего рождения, когда уже вернулись в Апшеронск к родителям отца. Там же я и родился 21 ноября 1951 года на улице Кирова дом 32.

Отец после моего рождения работал киномехаником в Апшеронском Райкоме Союза работников леса и сплава. Постоянно на кинопередвижке ездил с напарником по окрестным станицам. В тяжёлые послевоенные годы это была, пожалуй, единственная радость в этих горных посёлках. Кино тогда было всем в диковинку, клубов практически не было, а киномеханик на кинопередвижке считался почти волшебником. Люди радовались жизни, каждому новому дню и каждой такой мелочи. Была молодость, здоровье, оптимизм, вера в лучшее. Заработки по тогдашним временам у киномехаников были скромные, а работа считалась тяжёлая. Кто-то из них пытался хитрить на билетах, но если его «закладывали», то сроки за хищение были солидные. Отец и не пытался делать что-то подобное. Люди и так с радостью встречали его, угощали, чем могли. Везде у него, в каждой станице, были свои друзья и приятели. Приедет мой отец, помоется, выстиранная матерью его немудрёная одежонка высохнет за ночь и опять айда в путь-дорогу, где ждали с нетерпением.

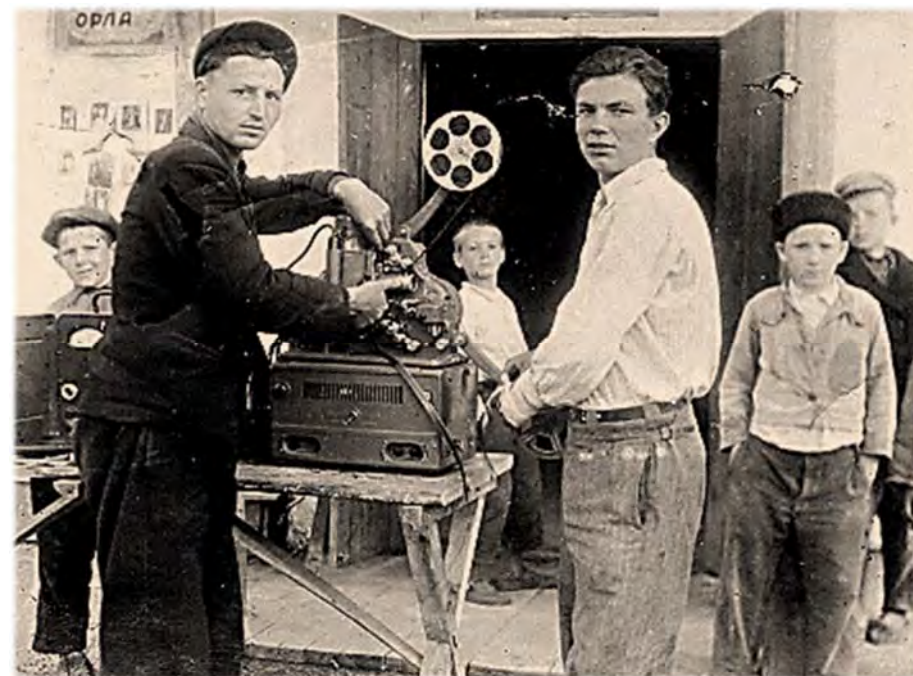

Кинопередвижка, на которой отец (стоит возле канистры) работал в Апшеронском Райкоме Союза работников леса и сплава. Фото 1953 г.

Прожив так несколько лет, родители решили подзаработать, завербовались на работу в Ленинградскую область. Прихватив с собой меня мелкого, поехали в глухие места вблизи города Тихвина, на лесоразработки. Но увидев, что там семейные люди просто не выживают в таких тяжелейших условиях, быстренько собрались и побросав всё, вернулись в итоге обратно в Апшеронск. Место отца было уже занято, и он тогда устроился в кинопрокат райотдела культуры, но только теперь послали его на работу в весьма глухие места. Жили родители в горах Краснодарского края, в посёлке Режёт Апшеронского района. В этом посёлке отец так же работал киномехаником, а мать в рабочей столовой. Там же родился мой младший брат Виктор – 11 мая 1957 года. Прожили они там до октября 1958 года.

Отец, работая в Режёте так же ездил по окрестным хуторам и станицам с кинопрокатом. В этих горных посёлках не было никаких развлечений, ни радио, ни кино. Кинопередвижка, которая изредка приезжала с отцом в эти отдалённые края была людям чем-то сродни великим событиям. Некоторые из них в то время впервые в своей жизни увидели кинематограф, такая это была глухомань. Кинопроектор обычно отец устанавливал прямо на улице на столе напротив глухой белёной стены какого-либо дома, поближе к центру посёлка. А в одном месте, это я помню, экран висел прямо под мостом через железную дорогу. Зрители собиралась задолго до начала сеанса и ещё рассаживались прямо на

окружающих пригорках или по дороге. Курили, делились новостями. С наступлением сумерек начинал тарахтеть движок динамо-машины и в ярком прямоугольнике на стене появлялось движущееся изображение.

Отец (слева) перед началом киносеанса в клубе лесорубов посёлка Режёт. Фото 1956 г.

Отец, как тогда говорили, «крутил» запомнившиеся на всю жизнь такие яркие кинофильмы, которые я до сих пор помню с детства. Сидели все с напряжённым, неослабным вниманием. Шёл фильм обычно порядка двух часов. Узкоплёночный киноаппарат ЗП-16 одесского завода «Кинап» был один и кино отец показывал частями. Зарядит ленту из первой коробки, идёт первая часть. Мелькнёт на экране: «Конец первой части» и тянется томительное ожидание, пока он снимет плёнку от первой коробки и вставит из второй новую. Я ещё маленький буквально протираю штаны, ёрзая от нетерпенья: ну, когда же начнётся продолжение! Любил смотреть эти фильмы каждый вечер подряд, да и не так ведь много их тогда было. Каждый фильм был редкостью, и я почти все знал наизусть, потом спокойно мог его подробное содержание неоднократно пересказывать взрослым, не попавшим на него. Отец тогда меня научил заряжать киноаппарат, что для малолетки было делом довольно сложным, но я освоил пути прохождения киноплёнки через все ролики.

Изредка мне позволялось это делать до начала сеанса. Я своими мелкими ручонками с гордостью проделывал виртуозные операции перед взрослыми пацанами, и они с большим уважением относились ко мне. Считалось за счастье если отец доверял им только перемотать плёнку.

В то время численность жителей посёлка Режёт составляла около 600 человек. После войны посёлок лесорубов был вновь отстроен, в основном деревянными строениями. В послевоенное время сюда съезжались люди со всей страны, в связи с расцветом лесоперерабатывающей промышленности. Среди коренного населения самого посёлка Режёт тогда преобладали армяне, бежавшие в прошлом столетии от резни турок, высадившиеся на черноморском побережье и без разрешения правительства, перешедшие через горные перевалы. Многие эти люди старшего возраста ещё разговаривали между собой исключительно на армянском языке, даже совсем не зная русского. Там и сейчас в этих горных посёлках мало что из благ цивилизации имеется – автомобильных дорог как не было, так и нет. Остался только 30 километровый участок узкоколейной железной дороги (южнее станицы Черниговской), проходившей вдоль узкого ущелья реки Пшехи. Это вообще одна из последних сохранившихся у нас в стране горных лесовозных узкоколейных железных дорог. Построена она была заключёнными ещё в 1927 году, в основном для вывоза леса, но всегда использовалась и как пассажирская. С лесных посёлков по этой дороге ещё до войны производится вывоз древесины ценных пород: дуб, бук, граб, самшит. От места валки древесина доставлялась до точек погрузки на железную дорогу тракторными трелёвщиками. К моменту погрузки стволы пилились на отрезки длиной около трёх метров. Для перевозки древесины по железной дороге использовались приспособленные для этой цели вагоны-платформы, для которых на каждой крупной станции имелись путевые треугольники, где тепловозы могли разворачиваться. А для регулярного пассажирского сообщения применялся небольшой автотрис ТУП (пассажирская модификация узкоколейной дрезины). Среди постоянных пассажиров узкоколейной железной дороги были дети школьного возраста. Каждое утро они приезжали в Режёт – там была школа, а вечером возвращались на них домой. Завоз же продуктов в магазины поселков производился трижды в неделю из Апшеронска на «хлебных» дрезинах ПД. На них отец и ездил за фильмами. До города нужно было ехать часа три-четыре, а затем, забрав фильмы в отделе культуры, обратно трястись столько же времени – уходил почти целый день. Потом вечером «крутил» их по ближайшим по этой железной

дороге шести окрестным посёлкам лесорубов: Кушинка, Тубы, Верхние Тубы, Новый Режет, Шпалорез (сейчас – Отдалённый).

У ж/д станции в горном поселке Режёт Краснодарского края. Фото 1957 г.
Слева вдаль – моя мать Мария с маленьким братом Виктором, со спины – отец.

По железной дороге с этих поселков позднее продолжали вывозить в Апшеронск лес, но впоследствии его погрузка стала производиться всё выше и выше по реке Пшехе, в Шпалорезе. Туда же потом перевели Сельсовет и клуб. Сейчас там наиболее близким к цивилизации населённым пунктом является Шпалорез (новое название – Отдалённый), а Режета как такового уже не существует – остались всего несколько строений, в которых проживает не более 10 человек. В наше время Отдалённый уже доступен для автомобилей, в том числе и легковых. Я побывал в тех красивейших местах в 2008 году. Там проживало около 700 человек, имелись двухэтажные дома, магазин, школа, много вездеходных автомобилей. А вот в Режёт, со слов местных жителей, и сегодня крайне трудно проехать даже на полноприводном автомобиле. По крайней мере мне тогда этого не удалось сделать.

Во время войны в этой местности происходили ожесточённые бои за перевалы. Наша 11-я кавдивизия вышибала по реке Пшехе немецких горных егерей, дислоцировавшихся по реке в посёлках в районе впадения речек Режет и Маратуки. Им необходимо было не только стойкой

обороной остановить фашистов, но и запереть их в долине реки Пшехи, чтобы они не прошли к морю. Противник вёл себя нагло и самоуверенно. Вооружение, экипировка, транспорт, усиленное питание – всё было у него приспособлено для успешных действий в высокогорных районах. Разборные горные орудия, ящики с боеприпасами поднимали на горные кручи компактные сборные подъёмники, работавшие от бензиновых движков, всё то чего не было у наших бойцов. Наступая с перевалов вниз, казаки 4-го Кубанского казачьего корпуса каждый раз попадали под губительный артиллерийский и миномётный огонь противника, который вёлся немцами с вершин господствующих над долиной гор Оплепен и Утюг. Гора Оплепен, или как её называют местные жители – «Пилипень», имела важное оперативное значение. Она прикрывала долину реки Пшеха и тропы, ведущие к перевалу Грачёвскому в направлении Лазаревской, Дагомыса и Сочи. Основные же свои силы немцы сосредоточили на перевалах и западных склонах гор Пшеха-Су и Оштена. Там горные вершины тоже были ими заняты. Но к правому берегу реки Пшехи, внимание у гитлеровцев было немного ослаблено. Этим и решили воспользоваться казаки. Они выслали несколько конных отрядов в обход долины реки. Под покровом ночи зашли в тыл противника со стороны майкопского перевала к самым верховьям речушки Режёт, вышли к самому посёлку Режёт и удачно сняли там заслоны врага. Спуск в долину реки Пшехи был очень трудным: дождь, осыпи, везде валуны и упавшие деревья, но это не остановило бойцов. Они шли не по тропам, а напрямую. Кто там был, в тех местах, тот только может понять, что это чистое самоубийство для простого человека. Так же тихо они подобрались к позициям миномётных батарей на господствующих высотах, застав гитлеровцев спящими. Выскакивающих из землянок егерей казаки стали глушить гранатами, косить автоматными очередями, бить прикладами. Гитлеровцы метались в панике. Наши пошли дальше. На вершине Утюга захватили пулемётные точки. Егеря и немецкие части «Эдельвейс» отстреливаясь, бежали в свои тылы, к хутору Кушинка, но он уже был захвачен одним из эскадронов пришедшим с юга. Хутор Кушинка находится в 6-ти километрах от посёлка Режет. Кушинку хорошо помнят советские солдаты 75 полка, державшие оборону под горой Оплепен. Жизнь многих их однополчан оборвалась у подножья этой горы. А вот следующим днём появились вражеские самолёты. При одном из очередных налётов не стало посёлка Режет. Его просто сравняли с землёй и перемешали с камнями. Погибли местные жители, не успевшие скрыться в лесу. Земля в районе Режета была исклёвана воронками, перерыта и перепахана. Вообще все окружающие горы – это братская

могила многих наших соотечественников. Но, только таким образом, долина Пшехи была полностью закрыта для врага. Хотя потом у немцев и были попытки скрытно накапливать силы для удара в этом направлении, но все их усилия взять эту местность в свои руки оканчивались победой наших войск. Фашисты попадали в котёл сплошного огня. А всадник на коне и казачья форма – чёрная бурка, шапка-кубанка с красным верхом и шашка наводили на врага ужас.

Я хоть и был тогда маленьким, но прекрасно помню, как с отцом ходили по окружающему лесу, и практически везде можно было встретить гильзы от патронов, никому не нужное оружие, а кое-где в глухих местах ещё и обглоданные немецкие скелеты, а рядом валялись гранаты с длинной рукояткой. Отец запрещал мне близко подходить к ним, так как внутри этой ручки виден шнур с фарфоровой бусинкой. Если что-то потянуть, граната могла сработать. А на одной из полян, через которую мы ходили с отцом на рыбалку, над обрывом реки, стоял брошенный повреждённый немецкий пулемёт. Я с ним игрался: «Та-та-та...». По рассказам отца, на вершине горы Оплепен, со стороны скалы была пещера, там находился фашистский штаб. Полегло в ней очень много немцев и их проводников-предателей, практически весь фашистский гарнизон. Местные жители ходили в те места собирать боеприпасы для охоты. Ещё до конца 50-х годов возле пещеры было две ямы полных человеческих костей. Патроны можно и по сей день найти в тех местах.

В то время в Режете у людей на руках было много оружия, все ходили на охоту, но отец как-то тогда к ней был равнодушен, хотя хорошие ружья у него имелись. Он в то время больше любил рыбалку. В реке Пшехе протекавшей через Режёт, как и во всех ближайших речках горных отрогов Пшеха-Су и Фишта, было очень много рыбы, особенно форели, голавлика и усача. Вот отец довольно часто с удочками шёл на рыбалку и иногда брал меня с собой. Трудности подстерегали там за каждым поворотом. Это неглубокая, но коварная река, и ловить в них рыбу без наживки довольно сложно, не имея соответствующих навыков. А по берегам реки валялись мокрые камни-валуны, с которых можно было легко упасть и больно поранить ногу. Я маленький всегда старался подражать отцу, подсекая рыбу, но у меня это плохо получалось, и она постоянно срывалась. А отец редко приходил без хорошей рыбы. Когда же поспевали ягоды: земляника или ажина, отец с матерью во всякое свободное время шли за ними в лес, в верховья реки, почти под Фишт. Там же собирали груши-дички себе на зиму или же для продажи. Ходили через урочище Маратука за перевал ближе к морю, там росли каштаны. Насобирав их, спускались с мешками к железной дороге на станцию

Шаумян, где был заготпункт. Сбором грибов спокон веков в тех местах никто никогда не занимался – их не считали за продукты, часто ими травились. Научились позднее, когда эвакуированные со средней полосы начали заготавливать и солить себе на зиму. Но я не помню, что бы местные жители когда-либо использовали их как еду.

Отец тогда весьма пользовался авторитетом у местных жителей, каждый его знал. И если с работой всё было благополучно, то довольно «вольная» жизнь привела к тому, что он начал частенько заглядывать в рюмку. Стал приходить домой на короткое время и побыв немного, тут же исчезал по своим рабочим делам, возвращаясь уже после «под шафе». У него появилось множество приятелей, которые пользуясь добротой отца вечером бесплатно посещали киносеансы, а потом считали необходимым обязательно его угостить спиртным. Когда в посёлке у кого-то были радостные события, отца с матерью всегда приглашали в гости, отказаться невозможно было, народ простой был, обижались сильно люди. А домой всегда возвращались не с пустыми руками – то с кусками пирога, то с туршой (солёная фасоль) – любимой едой в тех местах. У отца в результате такой жизни пошло невыполнения планов по прокату, он начал докладывать свои собственные деньги в кассу, ну и в итоге начальство намекнуло – «не пора ли уже взяться за ум». Такая его весёлая жизнь привела к тому же к обидам и ссорам со стороны матери. Радость ожидания любимого человека сменилась для матери сплошными тревогами и переживаниями за него. Но преднамеренно и по-настоящему он мать никогда не обижал. Всем всегда говорил, что *«любит свою Марусечку, и ради неё готов на всё»*. Когда же родился мой младший брат Виктор (11.05.1957 г.), мать настояла на переезде из этого посёлка в г. Апшеронск и отец сразу же согласился. В более зрелом возрасте он вообще перестал употреблять спиртные напитки и бросил курить.

К концу 1950-х годов ситуация в мире и в стране стала весьма значительно ухудшаться. В то время страной в течение десяти лет правил Хрущёв. Возможно, он и хотел много хорошего для своего народа, но жизнь показала, что одного его хотения оказалось мало. Для руководства страной нужно было ещё и умение претворять идеи в жизнь. Волонтеризм Хрущёва дорого обошёлся нашей стране. Непродуманные реформы с совнархозами стали давать сбои. На производствах и в колхозах начала снижаться заработная плата. Пошла очередная волна модернизации народного хозяйства. Власти не давали частнику работать на своей земле – все должны были работать на общественных предприятиях. Но Совнархозы не смогли сразу обеспечивать все потребности населения. Инициатива правительства по освобождению

крестьянства от обременительного труда в личном подсобном хозяйстве стала приносить негативные плоды. В магазинах начали исчезать молочные продукты и сливочное масло. На Кубани в городах и станицах стали появляться очереди за мясом и даже хлебом. Я помню, как меня маленького посылали их отстаивать. Отец с матерью никак не могли найти себе работу в Апшеронске, чтобы хоть как-то можно было прокормить семью. Вот они и решили тогда двинуть куда-нибудь подальше, где больше требовались рабочие руки – на заработки. В те годы родители много ездили в поисках счастливой жизни по Советскому Союзу, пытались хоть как-то что-то подзаработать. Где они только потом ни побывали! Жили на юге страны – в Узбекистане, в кишлаке Задиян, Куйбышевского района (Риштанского) Ферганской области. Пригласил их туда Николай Кононович – дядя отца, бывший в то время там председателем местного совхоза. Посёлок Задиян расположен на юге Ферганской долины недалеко от границы с Таджикистаном в предгорьях Алайского хребта, посередине пути между Кокандом и Ферганой. Преобладающее население – узбеки и сарты (кочевники). Мать сначала устроилась санитаркой в местной больнице, а потом в местную библиотеку. Отец начал работать киномехаником и сразу стал известным человеком по окрестным кишлакам – кинопрокат тогда ещё мало был распространён в этой республике. Посещали сеансы преимущественно мужское население. Местные жители не очень любили фильмы про любовь и прочее. А фильмы «урушли» (по-узбекски – военные), как говорят сейчас – «делали аншлаги».

Киномеханики кишлака Задиян в Узбекистане. Фото 1958 г.

Самое первое транспортное средство в нашей семье – мотоцикл «Минск М1А». Фото 1959 г.

Вообще местное население Задияна тогда весьма хорошо и уважительно относилось к русским. Меня и брата определили в маленький детский садик, который посещали преимущественно русские дети. Я даже изучил разговорный узбекский язык, и кое-что мог переводить старшим. Нас на улице местные узбеки всегда угощали своими сладостями и обязательно всех приглашали, если где-то был той (праздник) с жирным и вкусным бараньим пловом. Аромат его я и сейчас помню.

После неожиданной смерти дяди отца – Николая Кононовича, погибшего в результате падения с мотоцикла, родители мои в конце концов решили, что нет смысла им там оставаться и вернулись в августе 1959 года в город Апшеронск, к родителям отца. Жили на съёмной квартире. Отец устроился в «Дорстрой» слесарем. Здесь я пошёл в школу. В школе я стал более самостоятельным и ответственным. В выходные дни сам ходил к деду и бабушке на хутор Калинина – они там жили. Он был в трёх километрах по железнодорожным рельсам. Бабушка поручала мне делать какие-то повседневные покупки в сельском магазине. Хотя и без особого энтузиазма, но я честно выполнял эти обязанности, стоял в очереди, если было нужно, платил деньги, приносил бабушке сдачу. Иногда топал на другой конец хутора к деду на работу, туда где он рубил табак, за выделенным ему колхозом свежим мясом. Как сейчас помню, что мне маленькому тогда было очень тяжело донести эти пять килограммов.

Международная обстановка в то время была сильно натянутой, правительству не до благополучия народа, заработки на Кубани упали. Тем, у кого не было своего участка земли, существование опускалось до прожиточного минимума. И тогда вот мой отец двинул опять на заработки, но теперь только на север, в посёлок Мончегорск Мурманской области. Он там устроился работать бульдозеристом на никелевых рудниках «Кольстрой». Мать не очень хотела оставлять отца одного и в сентябре 1960 года мы с братом и матерью выехали на Кольский полуостров в Заполярный круг.

Город Мончегорск был довольно большим и выглядел более современно чем родной Апшеронск. Деревянных домов в нем стояло много, но центр застроен, как там говорили, «каменными» пятиэтажными зданиями. Все дома были без балконов. В Мончегорске всё было совсем другое, чем на родине и в Узбекистане, начиная с названий. Вокруг города с трёх сторон лежало озеро Имандра, рядом были горы Хибин, где добывали апатиты.

Родители поселились на квартире где-то на окраине в двухэтажном деревянном бараке. Почти сразу осенью им дали в центре ведомственную двухкомнатную квартиру с горячей водой и ванной. Брата определили в детсад, я ходил в школу. Мать пошла работать в столовую. Питание в посёлке было хорошо налажено. Свежее мясо – свинина, оленина, рыба, овощи, молоко постоянно были в продаже. Каждый день мы с отцом ходили пить по стакану томатного сока за 10 копеек в ближайший магазин и поэтому видимо я его и сейчас предпочитаю всем другим. Всегда там были и апельсины. Порт Мурманск находился рядом и по рынкам везде продавались восхитительно пахнущие крупные копчёные рыбины. Были и большущие морские окуни, истекающие жиром.

Как-то около нашего дома остановились местные кочевники, приехавшие на санях с оленями в магазин. Их все называли лопарями. Мы вышли и долго глазели на них. Мать не выдержала и пригласила их в квартиру погреться, угостив чаем с вареньем из айвы, привезённым с юга. Те с опаской его попробовали и приступили к чаепитию. Меня тогда поразило то, что местные не знали таких весьма известных для нас продуктов. Но больше всего поражал климат. Время шло к зиме, день стремительно сокращался. А солнце с каждым днём все ниже опускалось к горизонту пока не исчезло за ним совсем. Наступила сплошная ночь и люди стали ориентироваться только по часам. Но посёлок был хорошо освещён, жизнь не прекращалась. По тамошним меркам сильных морозов тогда не было – термометр редко показывал ниже 30 градусов. Но снегу выпадало невероятно много. Его постоянно убирали с дорог и тротуаров, но все равно приходилось ходить как по коридору. На краю посёлка была

горка, с которого зимой после школы катались дети. Вход был открытый, поэтому желающих покататься с неё было много. Довольно быстро я научился кататься на лыжах, но коньки так и не освоил. Ещё одно сильное впечатление осталось у меня в детской памяти – это северное сияние. Нечто неземное, красочное и невыразимо прекрасное.

Фото возле дома работников рудника «Кольстрой» в г. Мончегорске. Февраль 1961 года.

Зарботки, конечно, тогда у родителей были неплохие по сравнению с апшеронскими, но тяжёлая работа на руднике и условия жизни на Кольском полуострове показалась нам довольно суровыми после благоприятной кубанской природы. Непривычны после юга были тёмные и затяжные полярные ночи. А мы дети, очень тяжело переносили зимы – холода с бушующими метелями изнуряли нас с братом. По неделям не ходили в школу из-за сильнейших метелей и заносов, сидя в квартире. А коротким летом вовсю светило солнце и оставалось на небе с каждым днём все дольше и дольше. Все жители по вечерам занавешивали на ночь окна темными шторами, иначе дети никак не могли заснуть, мешал свет. Какой-то период оно вообще не садилось за горизонт. Вода в озёрах даже в самые тёплые дни лета оставалась холодной, купаться было нельзя, но взрослые и ребята постарше там ловили рыбу. Все охотились за ценными ситами. Дети и взрослые много гуляли по предгорьям и склонам гор. Сначала приносили неизвестные нам цветы, а затем ягоды со склонов гор: чернику, голубику, морошку или бруснику. Они каждый день ели их в больших количествах с радостью и аппетитом, а с оставшихся варили на зиму варенье, компоты или просто сушили.

Именно в эти годы мои родители смогли хоть как-то улучшить материально свою жизнь и накопить немного денег. Хотели собрать деньги на покупку собственно дома на Кубани. Но 1961 год сразу начался с обмена денег – многие простые люди тогда потеряли свои накопленные сбережения из-за ограничений по сумме обмена. Новые деньги вводились постепенно в течение нескольких месяцев, при выдаче зарплаты или сдачи в магазинах. Они были значительно меньше размером, гораздо удобней прежних, особенно сотенных простыней. Но новая сотня была большой редкостью, до неё не дотягивали даже суммы аванса или получки у большинства населения. Мои с трудом смогли поменять тогда свои сбережения, да и то только с помощью родственников с Кубани.

12 апреля 1961 года динамик сообщил, что советский космонавт Юрий Гагарин, совершив оборот вокруг Земли, благополучно приземлился. Но эти дни принесли ещё и плохую новость. Соединённые Штаты, высадили на Кубе десант кубинских контрреволюционеров. Страна стала ещё больше тратить деньги на оборонку и космос. Реальные заработки рабочих на тяжелейших работах в руднике стали резко уменьшаться, их работа становилась бессмысленной. Всё то, что зарабатывали родители уже приходилось тратить лишь только на еду и одежду. К новому 1962 году родители приняли решение вернуться на родину в город Лабинск к родителям матери, в котором они и прожили потом до конца своей жизни.

Семья Апанасенко Анатолия Ивановича. г. Лабинск. Фото 1967 г.

На накопленные средства в Лабинске родители купили собственную половинку хатки возле стадиона, а позднее продав её на эти деньги построили дом на ул. Турчанинова в «Черёмушках». В нем я провёл всё своё более-менее сознательное детство и окончил школу №29, стоящую неподалёку.

Новый дом семьи на улице Турчанинова в г. Лабинске, выстроенный в 1967 г.

Про развитой социализм сейчас рассказывают очень много всякого. Но я-то прожил при нём всю молодую и осознанную жизнь, хотя вероятно и не понимал сути того общественного строя. В СССР духовное содержание занимало гораздо большее место, чем материальное. Основная масса людей жила на одном среднем, но самодостаточном, уровне. Деньги тогда занимали не самое главное в жизни большинства тех людей. Советская школа выпускала патриотов и тружеников. Советские подростки показывали более осознанное отношение к жизни, чем теперешние. В 60-е годы уже практически каждому пятикласснику приходилось помогать родителям, заниматься уборкой по дому или даже обед приготовить. Мы знали имена актёров и режиссёров большинства фильмов, пересказывали их содержание другим. Записывали на магнитофоны песни Высоцкого и Окуджаву.

Во времена социализма двери у людей практически не запирались, а на домашних калитках мало у кого были замки. Когда люди ехали по Лабинску на автобусе, сами оплачивали проезд в автобусе, кидая 5 копеек в автомат, из которого сами же и отрывали один билет, который потом

компостировали. Кондукторов было мало и пацанам можно было проехать бесплатно куда тебе захочется. В те далёкие времена я в свои двенадцать лет с разрешения родителей сам добирался на автовокзал, садился в автобус и ехал с пересадкой в город Кореновск за 200 км, к деду и бабушке. Пересадка была в Усть-Лабинске. И мои родители не боялись, что меня могут увести цыгане или украсть прочие маньяки. В Лабинске на улицах стояли автоматы с газированной водой, где можно было детям выпить стакан газировки с сиропом за 3 копейки. В каждом таком автомате стояли пустые стаканы. И никто их не воровал, даже ночью. Это просто никому не могло прийти в голову. Из одного и того же стакана на вокзале пили много человек, и никто от этого не заражался. Мы маленькие дети постоянно ели пирожные, мороженое, пили лимонад, никто не толстел, потому что всё время бегали и играли, пока родители были на работе. А на Пасху в продуктовые магазины всегда завозили праздничные куличи (паски) и мать посвятив куриные яйца в маленькой церквушке, раздавала их всем желающим.

Отец при социализме в разное время работал то скрейперщиком, то водителем в Лабинском Горторге, затем старшим механиком в автоколонне, позднее стал преподавать в автошколе при районном военкомате. Когда мы с братом подросли, он нас брал по очереди с собой на работу. Иногда меня одного забирал с собой в какие-то дальние поездки. Наше присутствие скрашивало ему дорожное время, а нам давало возможность знакомиться с новыми городами и станицами, чему мы были весьма рады. Отец всегда любил путешествовать, особенно в последние годы своей жизни. Часто всей семьёй в выходные мы ездили на морские побережья Тамани, ночевали в палатке на берегу. Мы с отцом на надувной лодке плавали по Азовскому морю, ловили там большущих рыб и жарили её на бензиновом примусе, сделанном руками отца. Он поменял несколько автомобилей, за которыми всегда весьма хорошо ухаживал.

Анатолий Иванович на природе возле личного автомобиля. Фото 1968 г.

Мать в те времена в госучреждениях практически не работала, а больше занималась воспитанием детей, домашним хозяйством и различными случайными заработками. То садила для продажи какие-то ранние овощи на выделенном дачном участке за городом, то делала сухие цветы, сама ездила в дальние края продавать их перед праздниками, потом стала шить женские шапки из меха. В воспитании она весьма ревностно относилась к своим детям, старалась как можно больше дать нам материальных благ и именно тех, которых она сама не смогла получить в своём детстве. Меня с братом всегда наставляла на дальнейшую учёбу после школы в институте, строго наказывала за нашу с ним лень при подготовке уроков и всегда добивалась своего. Действительно, так и случилось, что в 1969 году я поступил в Рязанский радиотехнический институт, а позднее и мой брат Виктор в 1974 г. в мореходку в Жданове (сейчас Мариуполь), закончив которую должен был стать по профессии штурманом.

Отец с матерью всегда хорошо заботились о нас и в нашем юношестве. Как-то так получилось, что в то время я и брат серьёзно болели. Когда я поступил в институт в Рязани, то там вёл довольно физически активный образ жизни. Выступал в студенческом театре, который ездил с гастролями по рязанщине, в свободные от учёбы дни подрабатывал вместе со своими друзьями на разгрузке вагонов или в городском холодильнике перетаскивая мороженные туши, летом – обязательно в студенческий строительный отряд. При родителях дома я в большинстве своём таких физических нагрузок как в институте не имел. И вот в 1972 году в стройотряде в Казахстане со мной приключилась беда: с двумя ведрами строительного раствора, когда их нёс, я упал с лестницы второго этажа, потеряв сознание. Местные врачи долго не могли понять, что такое со мной. Но как потом оказалось – болезнь Верльгофа (редкий вид тромбоцитопении). Это серьёзное заболевание кроветворной системы, связанное с практически полным отсутствием в крови тромбоцитов. Оно сопряжено с повышенной внутренней кровоточивостью сосудов, а любые травмы представляют реальную угрозу для жизни их-за невозможности полной остановки этого кровотечения. Мне категорически были противопоказаны какие-либо физические нагрузки и вообще необходимо было избегать любой жизненной активности. Все думали, что это конец.

В общем я находился в каком-то подвешенном состоянии полгода, количество тромбоцитов в крови было под ноль и никак не хотело увеличиваться. Итог был очевиден – заканчивался мой жизненный цикл, не позволяющий излечения. В итоге меня перевезли в Рязань и госпитализировали в клинический военный госпиталь Министерства обороны, так как я в то время учился в Радиотехническом институте, а

там была военная кафедра. Мать с отцом сразу же приехали ко мне туда. Умный лечащий профессор Матюхин сказал им, что жизнь моя может оборваться в любой момент и от него мало что зависит. Но всё же нашёл дефицитный по тем временам препарат АСД, которым тогда лечили военных, попавших под радиацию, а ещё посоветовал древний способ лечения этой болезни: длительное питание только одной чёрной икрой с черным хлебом. И вот родители отправились на машине в астраханский посёлок Икряное, там её каким-то образом добыли и мне пришлось месяц амбулаторно сидеть с четырьмя трёхлитровыми банками этой икры на таком вот откормочном питании. И правда здоровье моё пошло на поправку. Вот за это всё нужно благодарить в первую очередь родителей, без них я скорее всего конечно бы не выжил. Ну и профессора, имя которого я, к сожалению, сейчас уже и не помню.

Брата моего Виктора после сразу мореходки сразу призвали в Армию в Белоруссию, попал он в дивизион космических ракетных войск. И в 1977 г. непонятно от чего-то там тяжело заболел – у него начались сильные головные боли, ночами вообще не спал. В итоге попал в госпиталь – анемия, сопровождаемая нарушением функций ЦНС. Его тоже долго выхаживали отец с матерью. Добились его перевода в Краснодарский военный госпиталь, где пролечившись он начал чуть приходить в себя. Я в то время уже женившись проживал в Краснодаре и как мог оказывал брату и им всяческое содействие. Родители «мотались» постоянно из Лабинска в Краснодар проводывая его, привозили свежие продукты. И он пошёл на поправку.

Апанасенко Анатолий Иванович
Мария Петровна. Фото 1976 г.

и

Сколько дней и бессонных ночей провела мать возясь вначале со мной, а потом и с братом – одному только богу известно. Сколько потратили своих сил родители на нас и как они смогли добывать средства на все эти поездки, наше лечение и пропитание. А приехав домой старались хоть как-то восполнить семейный бюджет и заработать денег, занятых на наше лечение у знакомых и родственников.

Зарплаты отца на всё это конечно не хватало и занялись они, как тогда говорили «нетрудовыми доходами» – деятельностью по цветоводству (выращиванием тюльпанов) на земельном участке, полученном ими под дачу. А под конец 1970-х годов в Лабинске многие увлеклись звероводством и мои тоже начали заниматься разведением пушных зверей – песцов. В 80-х годах прошлого века город Лабинск приобрёл славу на пушном рынке всей России. В частных дворах появились целые зверофермы. Их хозяева имели неплохие доходы. Лабинчане во все времена отличались особой предприимчивостью, и жители города выезжали для продажи шкур в другие места. Родители, поддавшись этому влиянию, прикупили самочек для развода. Даже мы с женой понаделали в Краснодаре клеток и их штуки три стали содержать. Помню, как мы с отцом несколько раз на его машине ездили в город Энгельс за племенными самцами к известному тогда в Союзе их заводчику Бринцалову, к тому самому который позднее при капитализме стал аптекарским магнатом. От них потом появился хороший приплод, который у родителей выжил не весь – тогда в Лабинск занесли редкий вид заразной болезни типа «чумки» и почти все звероводы её подхватили. Мои тоже. Вакцины от неё невозможно было достать. Убыток у наших был большой, но родители тем не менее, кого-то из зверей выводили. Наше же с женой звероводство в Краснодаре на этом закончилось, так и не принеся нам никаких доходов.

Мария Петровна с
племенным песцом
серебристой породы.
Фото 1977 г.

Потом с завидной регулярность по дворам стали ходить комиссии с Горсовета и проверять всех на наличие скрытых доходов. На прокорм хищников требовались мясо, субпродукты или яйца. Эти продукты стали исчезать с полок магазинов. Вот это и стало раздражать местное начальство – сравнительно дешёвые продукты питания, такие как рыбу и хлеб, запрещалось использовать на корм животным. В конце концов разведение частникам плотоядных животных было вообще запрещено в СССР и родителям пришлось песцов забить. В Лабинске быстро все поперешили на нутрий и город стал лидером в регионе по производству пушного меха и мяса этих животных. Родители вначале тоже, как и все завели нутрий, но потом решили, что у них лучше получается выделка меха и шитье шапок. Их продавали на «шкурячем» (Северном) рынке, куда приезжали купцы со всей России. Прожив в доме на Турчанинова более 12 лет и поднакопив на звероводстве ещё денег, родители конце 1978 года продали его и купив пустующий участок на Родниковском переулке выстроили на нем, вместе с моим уже женившимся братом Виктором, большой дом на две семьи.

Вообще-то в те времена в Лабинске как нигде серьёзно и с большим размахом велась борьба с нетрудовыми доходами. Перегибы тогда были большие – разрушали теплицы, запахивали трактором поля с чесноком тем, кто его выращивал и возил на север для продажи, спускали пруды тому, кто заводил карпа для рынков. Заставил пришедший участковый разрушить теплицу и у нас во дворе. Пригрозил отцу, что насчитает неуплаченных налогов с нетрудовых доходов этак на 3 т. рублей. И это было совсем не шуткой. В 1982 году, в тот год, когда умер Брежнев, на 28 граждан г. Лабинска были поданы дела в суд, которым присудили уплатить 93 т. руб. Новенький автомобиль «ВАЗ 2101» тогда стоил 6600 руб. В те года даже было запрещено индивидуальное строительство в городе Лабинске, так как он стал краевого подчинения. Но родители под видом реконструкции уже успели закончить стройку дома на две семьи. Застройщику тогда нужно было доказывать властям, откуда брался кирпич, кто выделил строительную технику, где доставался песок и гравий, а главное откуда у тебя деньги на них. Дефицитом были не только стройматериалы, но и простые бытовые вещи: автомобили, телевизоры, холодильники, мебель. Но многие их всё же где-то доставали. Отец с матерью ездили в Москву за этим дефицитом, кое-что оттуда привозили.

Это всё было перед началом перестройки, в период рассвета социалистического государства, при правителе Брежнев. Во времена Леонида Ильича все люди в Советском Союзе жили пусть и небогато, но всё же довольно достойно и далеко от того уровня выживания, который

существовал в их предыдущем поколении. В эпоху социализма человек труда, будь то рабочий на заводе или колхозник, был поставлен во главу угла не только идеологически. В те времена на приличную работу можно было легко устроиться и получать хорошую зарплату, если ты не лентяй. Работать должен был каждый, но и про «отдыхать» государство не забывало. Все имели возможность бесплатно лечиться если ты больной, а многие попасть в санаторий или дом отдыха. Эти времена породили огромное количество людей, которые могли создавать то, чего до этого не было создано в их предыдущих поколениях. Возможно, это были самые лучшие годы из всех прожитых лет в жизни многих тогдашних людей, а у моих родителей это уж точно. Вероятно, и у меня...

С 1 апреля 1985 года началась горбачёвская перестройка. Отец за два года до пенсии, чтобы она была повыше – на юге страны она всегда была самая низкая, решил добыть трудовой стаж в Якутии в посёлке Югорёнок Усть-Майского улуса механиком в артели «Юрская» комбината «Джугджурзолото». Артель по добычи золота на реке Юдома, впадающей в Маю и Алдан была одной из крупных в районе, её месячный план по добычи золота составлял 500 кг. Отец через родственников был знаком с руководителем предприятия В.Т. Деркач и тот поставил его на самый лёгкий участок – «Огонёк». В обязанности отца входила срочная доставка запчастей в случае ремонта обогатительного оборудования. Работа там шла на открытых месторождениях вахтовым методом, и он два года всё время «мотался» на самолётах туда-суда, а потом уже вышел на пенсию.

Это был закат развитого социализма. Отец во всём верил всем нашим правителям, даже тогдашним обещаниям Ельцина. Искренне думал, что лучшие времена в его жизни будут ещё где-то там впереди. Но вначале 90-х годов начались необратимые процессы в экономике, обнищание трудящейся части населения. Люди изменились – стало «всё только для себя». На пенсии отец, чтобы прокормить семью, решил заняться на дому выделкой шкур нутрий – пришла пора частного предпринимательства. В Лабинске в то время многие содержали этих животных. Способы выделки шкурок нутрии в домашних условиях не такие уж и лёгкие, требуют кропотливого труда, аккуратности и терпения. Поэтому большинство лабинских нутриеводов самостоятельно проводили убой, но вот обрабатывать и выделывать их шкурки, предпочитали отдавать специалистам. Разумеется, для того чтобы качественно обработать шкурку нутрии, нужны не только знания технологии данного процесса, но и некоторое оборудование, с помощью которого должна производиться их выделка. К примеру, огромные барабаны. Вот отец, изучив промышленные станки, сделал такие своими руками на дому.

Особенностью шкурок нутрий является их очень сильная жирность, поэтому перед началом выделки им нужно делать хорошую стирку в моющем растворе при небольшой температуре. Для полоскания в чистой воде отец переделал бытовые стиральные машинки. Сам процесс выделки многоэтапный – начальный процесс состоял из пикелирования: периодически помешивания шкуры в растворе соли и уксусной кислоты в большом чане. Обычно время пикеливания составляло порядка 12 часов. Потом на сушилку и пролёжка 8 часов. Затем дубление с помощью хромового дубителя, жирование, опять сушка и мятьё в барабане. Итого всего не менее 20 часов. Главное в процессе выделки, чтобы шкурки стали мягкими и эластичными, что у отца хорошо получалось. мех в конце расчёсывался проволочной щёткой, и шкурка была готова к изготовлению мехового изделия. Мой младший брат Виктор, который в то время уже женился и жил семьёй вместе с отцом и матерью во второй половине дома, активно принимал участие в этом деле, хорошо освоил процесс скобления мездры. Заказы у них были постоянные, и семья материально жила неплохо.

В своей жизни отец был весьма общителен и для всех всегда находил добрые слова. Я никогда не видел недовольства на его лице, он любил подшутить и был всегда ласков. Внешне привлекательный, остроумный, он пользовался большой симпатией в компаниях. По молодости, некоторые его друзья попросту использовали эту его доброту в своих целях и частенько просили у него денег, не отдавая их потом. Приглашали вместе выпить, конечно же, за его счёт, и он им не мог отказать. Мать всегда по этому поводу ему устраивала неприятные разговоры. Став постарше, он стал мудрее, но ему всегда хотелось жить радостно, активно, не вступая со временем в спор. Был человеком, любившим жизнь во всех её проявлениях, находил для всех тёплые слова, любил делать неожиданные подарки. Подарил как-то мне дорогой фотоаппарат «Смена», в результате это увлечение осталось на всю мою жизнь. Он сам увлекался фотографией ещё с молодости. Эти его черно-белые снимки, выполненные с художественным мастерством, по сей день хранятся в наших фотоальбомах. И меня научил правильной проявке, закрепления фотоплёнки и прочим премудростям работы с фотобумагой.

Вообще мой отец был мудрым человеком. Он во времена моего детства все время подсовывал мне какие-то увлечения, которые могли повлиять на мою дальнейшую судьбу. В виде книг, подарков или личного примера. Мать же моя очень любила читать и собрала по тем временам неплохую библиотеку классики и истории, в том числе и знаменитую «Библиотеку приключений». Мы с братом много читали фантастических

романов, но я предпочитал всё больше технических журналов типа «Техника молодёжи». И вот где-то в году 1964-м, на мой день рождения, я получил в подарок книгу «Справочник начинающего радиолюбителя», который по просьбе отца где-то добыла мать. Сначала ничего там не понял, какие-то схемы, термины, формулы. Отложил его в сторону, но ненадолго. В то время у нас появился телевизор «Рекорд», по которому я увидел сюжет о радиолюбителях, что-то там паяющих и получающих звуки из сделанных конструкций. Загорелся и углубился в подаренный справочник. Паяльник и проводов всяческих у отца было в избытке. А вот магазина, где можно было бы купить радиодетали, в городе Лабинске в то время не было. И вот отец через знакомых в военкомате достал мне жменю конденсаторов, кучку сопротивлений, диодов, несколько транзисторов, ферритовый стержень и др. Раньше, после войны во взаимоотношениях между людьми всё было как-то гораздо проще и можно было легко достать мелочёвку просто по дружбе, ну или же в крайнем случае за «магарыч». Слово «достать» стало популярным в 60-е годы и отстало лишь в конце 80-х, постепенно заменившись на слово «купить». Основная задача тогда была в поиске нужного человека. А когда круг твоих знакомых людей широкий, то покупалось что-либо только ну уж очень редкое или дефицитное. Тратить деньги ещё на эту «хрень» у людей не позволяла социальная психология. И вот я начал тогда собирать детекторный приёмник. Собрал, натянул антенну по комнате, слушаю в танковых наушниках, вращая конденсатор переменной ёмкости. Тишина, иногда треск и шорох. Прочитав раздел из справочника, понимаю, что антенна коротка и натянута не там, где ей положено быть. Лезем с отцом на крышу, натягиваем её повыше между домом и гаражом, привязав к концам палки, спуск сбрасываю к себе в комнату. И вот слышу голос диктора. Тогда мощными были всего две станции на длинных волнах. Радости от того, что что-то получилось была невероятная, а отец меня потом долго хвалил и хвастался перед приятелями, какой у него сын молодец. Я же был горд, тем что первым в классе смог сделать такую вещь. Огромную роль в моем дальнейшем развитии сыграл журнал «Радио». Там была масса конструкций с описанием их работы, полезные статьи. В 70-е годы прошлого века этот журнал был очень популярен, редко появлялся в продаже, растворяясь на подступах к киоскам Союзпечати. Подписка была лимитирована и мать как-то заинтересовав киоскёршу смогла решать эти вопросы. И началось, я в дальнейшем так увлёкся этим радиолюбительством, что это всё сыграло определяющую роль в моих дальнейших увлечениях. Из добытых на рынке деталей построил передатчик, работающий на средних

волнах, как тогда говорили «хулиганский». Это была приставка к переделанному ламповому приёмнику, в нем приключались каскады. Начал проводить какие-то дальние связи с такими же парнями. В конце 1960-х такое радиолюбительство стало модным, крутили музыку. По рукам ходили схемы различных конструкций, доходящих порой до 50 Вт на лампе ГУ-50. У меня была такая, привёз её отец с Краснодара. А по вечерам в определенное время, уменьшив мощность передатчика, я сидел и диктовал своим одноклассникам письменные домашние уроки на завтра, ранее сделанные кем-то из прилежных девчат. В основном старалась соседка Светка Лымарь. Классные «балбесы» сидели у радиоприёмников и списывали её ответы, получая хорошие оценки. Отец, конечно, всё это видел, но старался не вмешиваться. Но вот однажды учителям дошло, что у всех в классе задания как под копирку, с одними и теми же ошибками. Девчатам тогда хорошо досталось. Это дело довели до моей матери, и она устроила нам с отцом грандиозный скандал. «Пусть лучше занимается в туристическом кружке, чем хулиганит» - решила она. И отвела меня в местный клуб туристов, чему я был не против. Нелегальные передатчики в то время милиция выявляла сама, конфисковывала, налагая большие штрафы на родителей «радиохулиганов». А одного взрослого с позывным «Граф» даже судили. Но вот чтобы приезжал пеленгатор, такого практически не было в нашей местности. Меня никто не «залаживал», помех от меня не было и я в тайне от матери спокойно продолжал своё радиолюбительство. В последствии получил официальный позывной RA6AKZ. До пожилого возраста в своё свободное время увлекался дальними связями, подтверждая их QSL-картами. Вот как в жизни молодого человека бывают какие-то мелочи, которые потом влияют на его выбор профессии.

Отец мой всегда старался всё делать своими руками и меня в детстве частенько так же привлекал к какому-либо делу. Научил меня многому. Он учил ненавязчиво, спокойно и уважительно – как равным себе. «Ничего не бойся, просто бери и делай, – наставлял отец. Нет ничего, чему нельзя научиться, если это смог сделать кто-то другой!». Он был способным человеком, мог сделать всё сам: починить машину, домашние приборы, выполнял многие тяжёлые строительные работы по дому. Я всегда удивлялся выносливости отца в труде. К нему многие обращались за технической помощью, и он помогал им, притом почти всегда бескорыстно. Порядочный и добрый по натуре он часто выручал знакомых и друзей своими знаниями по техническим вопросам. Многие люди вспоминают о нем с душевной теплотой и уважением к тому, что он им делал. Добрую память оставил у тех, кто его знал. Его любовь и

опеку я чувствовал всегда. Окончив институт и женившись, живя и работая уже в Краснодаре, частенько с женой приезжал к ним в гости. Для отца и матери это было всегда радостным событием. Мы с женой любили поездки в горы, коллективно совершали походы по непролазным местам горных массивов Лагонаки. Отец на своей машине с внуками тоже, бывало, ездил с нами в те места, которые он знал с молодости. Любовь к природе и путешествиям не прошла у него и в старости.

Мать в то время начала сильно страдать от аллергии на амброзию. Отцу приходилось всё время возить её в Краснодар к специалистам на лечение и каждый год отвозить на период цветения куда ни будь подальше, либо в Крым, либо в среднюю полосу или Сибирь, где амброзия вообще не растёт. Как-то так получалось, что о своём здоровье отец мало заботился. Правда он одно время вместе с приятелем завёл пасеку в горах и летом частенько ездил на неё качать мёд и там немного отдыхал на горной природе.

Анатолий
Иванович
на пасеке.
Фото 1989 г.

Но не бывает же жизнь без потерь! Ушёл отец из жизни в 67 лет, умер от инфаркта 29 мая 1995 года. И произошло это как-то внезапно, неожиданно для близких и окружающих. Немного перенервничал из-за испорченных шкурок нутрий, которые выделял для своих заказчиков. Утром перед этим у него с матерью получился неприятный разговор на эту тему. Потом пошёл ремонтировать машину в гараж, но плохо себя почувствовал. Днём тогда стояла сильная жара, отец перегрелся. Решил он отдохнуть в доме и тут случился сердечный приступ. Врачи приехали поздно, спасти им его уже не удалось. Больно по сей день, что так рано он ушёл – ведь был физически крепким, мог бы ещё пожить немного.

Мать пережила отца на 17 лет и умерла 9 августа 2012 года в возрасте 83 года. За три месяца перед смертью почти на ровном месте упала во дворе, сломала шейку бедра и долго лежала. Начала она слабеть, хотя и по молодости не отличалась крепким здоровьем. Но неподвижный образ жизни в пожилом возрасте привёл к образованию тромбов вначале на одной ноге, затем на другой. Врачи районной больницы очень старались, даже несколько раз приезжали специалисты из Армавира и сделали ей поочерёдно две операции, которые она просто не смогла перенести. Мама понимала, что спасти её фактически уже было невозможно, да и врачи ничего не скрывали. Дыхание её с каждым днём становилось всё хуже и хуже. Долго мучилась перед смертью, боли были сильные. Обессилила совсем, перестали работать почки. Тем не менее, умирать она совсем не хотела, говорила всем, что скоро встанет на ноги и будет ещё возиться с правнуком Владиком. Но судьба распорядилась иначе, мать похоронили рядом с отцом на новом Лабинском кладбище...

Апанасенко Анатолий Иванович и Мария Петровна.
Фото лета 1994 г.

* * *

По поводу роственников из ст. Костромской

Все мои родственники по материнской линии являются выходцами из станицы Костромской Краснодарского края. Находится она в 20 километрах от города Лабинска, в предгорной полосе Кавказских гор. Станица Костромская, носившая изначально название Псефирская, была основана в 1862 году отставными солдатами с Новой Линии, а также лицами казачьего сословия, выходцами из Екатеринославской и Астраханской губерний. Образовавшееся поселение в состав казачьего войска тогда не входило. Но в 1870 году было утверждено «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», по которому поселения с числом дворов более 30, должны заводить своё поселковое управление, и подчинятся войску на общих основаниях. Из множества поселков и хуторов при станичных юртах сразу начали образовываться станицы. Отставным солдатам Кавказкой Армии и лицам всех сословий империи, даже беженцам иностранцам-христианам из Турции, согласно правилам заселения Нагорной полосы, были предоставлены юртовые земли в пользование. Таким вот образом, казаками и крестьянами выходцами из средней полосы России была изначально заселена станица Костромская.

Вид на станицу Костромскую с горы над рекой Псефирь. Фото прошлого века.

Тот, кто сейчас приезжает в эти места впервые, невольно залюбуется местными природными красотами. Станица, действительно, расположена в весьма живописном месте, в котловине – на юге горный Кавказский хребет, на север – бескрайние степи. Но, окунувшись в местную жизнь, понимает, что не всё здесь так радужно. Отсутствие газа, нормальных дорог, транспортного сообщения – беда всех горных станиц этого района после перестройки. Станица ранее всегда была весьма процветающей и развитой как по численности, так и по активности населения. При Советской власти здесь было большое сельхозпредприятие семсовхоз «Костромский» и вся инфраструктура станицы была связана с ним. В 2004 году это хозяйство распалось. Кто-то из станичников сменил место жительства, а те, кто остался выживают как могут: держат подсобное хозяйство, ездят на работу в Лабинск или в районный посёлок Мостовской. Население за сто последних лет сократилось в 10 раз. 150 домов и хат сейчас стоят пустыми. Тяжело с каждым приездом наблюдать их увеличение. Станица жива, конечно, но сейчас в ней людей около тысячи, а личных подсобных хозяйств не более 200. Смертность здесь вполнину превышает рождаемость, основное население – пенсионеры. А ведь старожилы ещё помнят то время, когда в этой весьма процветающей станице было свыше 18 тысяч жителей, имелось двенадцать лавок-магазинов со смешанными товарами, шесть ветряных и водяных мельниц, четыре маслобойни, две кузницы, обозотарный завод – делали бочки для вина из кавказского дуба. А ещё она известна тем, что в 1897 году в скифском кургане, недалеко от станицы, выкопали очень много золотых украшений, в том числе и превосходную фигурку оленя, которая до сих пор является эмблемой Эрмитажа.

Прапрадед мой по материнской линии Исидор Макаренко, отец нашего прадеда Ивана Исидоровича, крестьянин-середняк, переселился в 1886 году с семьёй в десять душ в станицу Костромскую Краснодарского края в поисках лучшей жизни. Малоземелье вынуждало активных крестьян покидать свои насиженные места в России и искать счастья в далёких краях. Прибыли они в эти места из деревни Свитино (ранее Конищево), Калужской губернии Мединского уезда, Богдановской волости. Фамилия Макаренко была довольно распространена в тех краях и произошла она от крестильного имени Макарий (по-гречески "макариос" – счастливый). В 80-90 годах позапрошлого столетия был самый большой приток крестьянского населения в кубанские края – требовалась рабочая сила для удовлетворения растущих потребностей края. Во время колонизации этих краёв даже хлеб завозился сюда с соседней Ставропольской губернии – не кому было его выращивать. Казаки уходили на службу, а обработкой

их земель занимались наёмные крестьяне, прибывавшие на заработки из северных губерний. Проработав с годик, два в найме у местных казаков, они уже могли позволить себе работать на собственном участке земли, взятом у казаков из станичного юрта – настолько дешёвой была тогда аренда земли. Землевладельцы так же с охотой отдавали в аренду свои участки, полученные ранее от Войска в собственное владение. Были эти наши предки крестьянами, поэтому обширные степные просторы полей, лугов и обилие строительного леса оказалось благодатной почвой, в которую пустили свои корни наши прадеды. Это было время осереднячивания крестьян Кубани. Беднейшее иногороднее крестьянство на плодородных землях с каждым годом улучшало своё хозяйство, начинало выбиваться в разряд середняков. В начале XX века у крестьянской семьи Макаренко уже были свои неплохие доходы, как от земли, так и от казённой службы. Жили они довольно безбедно.

Прадед мой Иван Исидорович (Сидорович) Макаренко (1882 г.р.) рано женился на такой же крестьянке из станицы Костромской – прабабушке Варваре Васильевне Тарниковой. Первенцем у них, родившимся 12 июля 1901 года (29 июня по старому стилю), был мой дед – называли они его Петром.

Семья Макаренко. Иван Исидорович стоит второй слева, Варвара Васильевна – сидит вторая слева. Фото 1905 г.

Запись о рождении Петра Ивановича Макаренко в церковной метрической книге ст. Костромской за 1901 год.

Но прожил наш прадед недолго. Однажды, где-то в 1915 году, пошёл он по делу к своему куму, приказному (помощник урядника) Герману Георгиевичу Тульневу. Точнее помочь забивать молодых поросят. Там и случился несчастный случай – ударом в живот кобыла, испуганная визгом свиньи, насмерть забила прадеда. Остался наш дед фактически сиротой – мать его почти сразу вышла замуж за другого и ему не оказывала особого внимания. Повторно выйдя замуж, мать вскорости уехала из станицы Костромской и следы её теряются. А дед всё время воспитывался подростком у своей бабушки Тарниковой. Родственники и крёстный не забывали про него и довольно часто помогали по жизни. Дед окончил церковно-приходскую школу в станице и был по тем временам грамотным парубком. Но чтобы как-то выжить и помочь своей бабушке, уже с 13 лет начал батрачить, помогал женщинам – мужики тогда воевали. Кому дрова колот, кому воду возил, пас хуторской скот, потом на колхозной лошади заготавливал дрова для жителей станицы. Дед, хоть и был небольшого роста, но не по годам считался сильным и шустрым. И брался он за любую работу, какой бы сложной она ни была. Впоследствии, уже после революции, когда пришёл из армии и женился, Григорий Аверьянович Тарников помог ему устроиться на работу в государственную почту. Госпредприятие тогда отдало деду половину реквизированного дома Макаренко, который и сейчас стоит целым. Именно в этом доме и родилась моя мать Мария Петровна (10.01.1929 г.). За прошедшие годы мало, что изменилось в этой глубинке. Во второй половине дома сейчас, как и раньше, находится здание нынешней почты.

В 30-х годах всю семью Тарниковых (всех 12 человек) репрессировали и выслали на спецпоселение в Тавдинский район Свердловской обл., а потом перевели в Нижний Тагил. В дальнейшем, как-то так получалось, что общение деда с семьёй своей матери находилось в некотором отдалении. Но об всём этом дед особо не хотел распространяться.

Родственники же по линии моей матери, бабушки Дуни – Черевковы. Прибыли на Кубань немного ранее из Среднего Дона с села Купянки (ранее черкасский х. Рогозиевка,) Воронежской губернии Богучарского уезда Залиманской волости. Были из числа экономических крестьян. Потянули их в эти края многочисленные рассказы и письма посетивших знакомых об изобилии местной природы. Как тогда говорили: «Воткнёшь там оглоблю в землю – дерево вырастет». Осели они в станице Костромской не случайно. Вначале хотели податься в более спокойные в военном отношении районы. Но, поездив немного, решили для себя, что наиболее подходящими для них будут благодатные земли предгорья.

Записи о рождении Евдокии Ивановны Черевковой.
Страница церковной метрической книги ст. Костромской начала XX века.

Бабушка Дуня, как и дед Петр, родилась в станице Костромской. Она была так же первой у родителей. За ней через два года родился брат Иван и позднее две сестры – Наталья (1904 г.р.) и Анна (1906 г.р.).

Вся молодость наших бабушек и дедушек прошла в станице Костромской. Неоднократную смену власти и переломные государственные изменения пришлось как раз на их молодые и ещё не совсем зрелые годы. Хотя и мало что они тогда понимали в своей глубинке из того, что происходит в центре, но жизнь помолола их в то время очень сильно.

Революция в станице была весьма кровавая и сопровождалась жестокими боями – станица неоднократно переходила из рук в руки. После февральской революции 1917 года бурные события происходили и в станице Костромской. С империалистической войны начали возвращаться фронтовики, были это в основном раненые, выписавшиеся из госпиталей. Поскольку большинство возвратившихся были из казаков, то они на митинге, выбрали нового атамана – урядника Пантелея Демьянова, который объединил вокруг себя всех зажиточных казаков.

В феврале 1918 года колокол созвал всех станичников на митинг. Выступали ораторы, прибывшие из станицы Лабинской. Они говорили о большевиках, о Ленине, что надо голосовать за большевиков. Также выступали эсеры. На этом митинге уже большинством голосов был избран не атаман, а ревком. Председателем ревкома станицы Костромской стал Быков Сергей Пантелеевич. После этого митинга уже новое большевистское руководство приступило к организации отрядов для охраны станицы от белоказачков. Был сформирован гарнизон из кавалеристов и красногвардейский отряд из пехоты. Всё это происходило на глазах у молодых деда и бабушки. Эти страшные и непонятные события тогда сильно повлияли на настроения всех станичников, а особенно муганцев. «Муганью» именовалась северная часть станицы та, что на пригорке, где проживали и имели участки земли самые бедные мужики станицы, переселившиеся с начала века из центральных губерний России. Такое местное название произошло от ранее живших в этом месте беженцев из Муганских степей Прикаспия – ираноязычных чернявых людей с весьма примитивным укладом жизни. Как и курды, они попали на юг России из-за притеснений турками православных.

С февраля по середину августа 1918 года хоть и существовала Советская власть в районе, но старая власть в станице долгое время не уступала свои позиции. Атаман Демьянов, после того как его на пасху с позором разоружила большевистская молодёжь во время поминаний на кладбище, не простив обиды муганцам и батракам, ушёл с товарищами в горы. Организовал там хорошо боеспособный отряд белоказачков. Когда 1918 году красноармейцы объявили всеобщую мобилизацию, то многие из контрреволюционно настроенных казаков тоже ушли скрываться в леса, враждебность казачества к крестьянам и бедноте стала сильно проявляется и муганцам пришлось добровольно-принудительно идти на призывной пункт. Воевать, конечно, никто из местных казаков не хотел, добровольцев в Красную гвардию было не так уж и много, и вот туда сразу стали записывать всех иногородних. Сильно недовольных такими действиями арестовывали, осуждали революционным трибуналом за

«саботаж», и всё равно отправляли на мобилизационный пункт, объявляя заложниками членов их семей. В 1918 году этому сформированному в станице красногвардейскому отряду пришлось участвовать в боях в предгорьях Кавказа с формированиями генерала Кубанской Армии Фостикова, возникавшими то в одном, то в другом месте. Среди лета в станицу заходил Павлоградский красногвардейский отряд под командованием Андрея Федина. Он сформировали роту бойцов из станичников и через две недели ушёл. Проходил и отряд командира Демуса, он вёл бои в лесах под станицей Царской (Новосвободная) и тоже забрал роту местного состава. Потом из Костромского гарнизона сформировался Первый сводный кавалерийский полк Второй кубанской бригады. Вот среди них и был отец моей бабушки Евдокии – Иван Антонович Черевков. Провоевал он в Красной Армии почти год, но был смертельно ранен в бою с Белыми войсками генерала Деникина в октябре 1919 года под Таганрогом. Там, каком-то в степном кургане и захоронен.

С августа 1918 и по середину 1919 года атаманская власть в станице была восстановлена. Но потом переодетые в казачью форму разведчики эскадрона красного командира Захара Демьяновича Худолеева (свойка Баевым) и комиссара Сергея Пантелеевича Быкова, войдя в доверие к казакам, установили, кто в основном в станице Костромской является противником Советской власти. Активных помощников во главе со станичным атаманом Демьяновым и попом они насчитали человек двадцать пять, была даже к ним причислена одна разведчица-казачка. Взяли на заметку, а когда полк красных с боями в очередной раз вошёл в станицу, Быков став председателем ревкома станицы Костромской начал их судить своим революционным трибуналом. Играя на низменных чувствах бедняков, его суд был направлен против наиболее активных групп казаков, которые ещё как-то поддерживали в то время общественный порядок в станице. Все его противники были приговорены к высшей мере и расстреляны на южной окраине станицы. Дома их красногвардейцы сожгли, а родственники почти все поразбежались. А после того как на просторах Кубани власть красных очередной раз поменялась, белые повстанцы стали уже расправляться со своими убийцами, и не только с родными и близкими тех красноармейцев, которые участвовали в расстреле казаков, но и с теми, кто вообще сочувствовал Советской власти. Комиссара Быкова казаки нашли в Лабинской, где он скрывался в сарае у родственников и посекли саблями на куски. Худолеев же, успевший вывести часть своих людей на хутор Красный Кут, смог уйти с отрядом красноармейцев куда-то подальше за Майкоп, на равнину.

Почти до середины 1920 года атаманом в станице был известный казак Агеев и не менялся даже потом, когда вновь пришли Советы. Вначале, на словах он принял новую власть, ну а потом, осмотревшись – стал её противником. Был он связан с белоказаками в лесах, поддерживающих остатки Кубанской Армии генерала Фостикова. Очередное взятие власти белыми в станице Костромской 6 августа 1920 г. (нового стиля) было произведено одним из отрядов, во главе которого стоял местный казак Семен Емельянович Лавринцевский. Прознав, что сын его соседа, молодой Иван Антонович Черевков, а это наш прадедушка, служит кавалеристом в Красной армии, белогвардейцы вызвали к станичному атаману его жену Фёклу Спиридоновну – нашу прабабушку. «Как же это твой муж против своих же соседей воюет, стерва? Мы что мало прожили с вами бок обок, делили все радости и беды?» – спросил Лавринцевский. Она ответила: «Отвоевался он грешный. Мой муж уже погиб». А потом, помолчав, добавила: «За ваших же... Вот и документы у меня имеются». А до этого она уже знала, что вечером прошлого дня отцы и жены шестерых красногвардейцев были повешены на груше перед домом, в котором находился станичный атаман Агеев. Не желая разделить их участь, она решила схитрить и стала просить разрешения сходить за документом. Ей вначале не поверили и посадили в сарай, но затем в станицу приехал сам командующий, все казни отменил, заменив их поркой шомполами. Казаки всё же её отпустили, но старательно отхлестали плётками по заднему месту. Да так, что одни ошмётки остались от юбки. При этом пригрозили сразу повесить, если она не принесёт документы или что-то будет не так. Она побоялась возвращаться к себе домой и спряталась за станицей, в балке ручья Котонец. А затем ночью пробралась к своим знакомым – Курочкиным. У них на подворье тогда стоял большой погребок, в котором были оборудованы несколько летних лежанок, в котором они её и скрыли.

Когда прабабушка бежала из станицы через заросший кустарником пригорок Котонца, то со страху упала с него, покатила и очень сильно повредила ногу о корягу, проткнув ею заднее место. В темноте при свечке в подвале не особенно рассмотришь, что там у неё было на самом деле. Ну рана как рана, хоть и открытая. Но тогда стояла сильная жара, в неё видимо попала инфекция, через неделю она загноилась и начала развиваться гангрена. Лекарств тогда нигде не было никаких, лечили Курочкины её простыми народными средствами. Квалифицированной помощи не кому было оказывать – один простой фельдшер оставался в станице и не стал рисковать идти к ним на дом. По казённому заявил, чтобы её везли к нему. А выходить на люди не представлялось

возможным – казаки сразу же её бы сдали. Так и умерла она в мучениях без медицинской помощи в подвале от сильного абсцесса (заражение крови), на руках у семьи Курочкиных. Сердце не выдержало острой внутренней боли. Причины смерти многих людей тогда коренились в отсутствии элементарной медицинской помощи и медикаментов. Бабушка Дуня, когда же пришла к матери, то уже стемнело. В живых она её не застала. Похоронили тихо без отпевания на старом кладбище, что в двух километрах от северного края станицы.

Черевкова Фёкла Спиридоновна

Наша бабушка, её самая младшая сестра Анна (Нюра) и их брат Иван, остались жить одни. У сирот была лишь убогая полуразвалившаяся хатка, плохо огороженный двор и пустой сарай без всяких запасов еды и кормов на зиму. Иван почти сразу умер от тифа, а самой младшей Анне тогда было всего 12 лет. Нашу бабушку Дуню она всю жизнь называла «нянькой». Как старшая из оставшихся четверых детей, она заменила им всем мать.

В июне 1921 года вышло распоряжение о запрещении преследований бывших участников Белых формирований, добровольно сдавшихся Советским властям. В связи с этим, в станице Костромской появился сам Семён Лавринецкий, бывший руководитель одного из отрядов, действовавшей в предгорных лесах Лабинского района. Когда он явился в станицу Костромскую, то потребовал у властей выселить из своей хаты семью молодых Курочкиных, которая к тому времени заняла его дом. Станичный Совет удовлетворил просьбу Лавринецкого. Его приезд очень сильно огорчил наших родственников, считавших его повинным в смерти нашей прабабушки. Опять в станице начались конфликты, мордобои, делёжка участков приусадебной земли. Времена тогда были весьма суровые и во многом совсем несправедливые.

Принявшие Новую власть жители станицы не стали мириться с людьми, воевавшими против неё. При входе красноармейцев в станицу Костромскую, казаки стреляли в них из своих садов и окон домов. Несколько человек из будёновцев при этом были тяжело ранены. Эти рассерженные красноармейцы потом и подожгли все дома

белогвардейцев, из которых те стреляли. Поэтому почти все вернувшиеся с леса костромские казаки, несмотря на прощение со стороны Советской власти, предпочитали всё же переезжать в другие места. Так поступил и Лавринецкий – получив разрешение на продажу своей хаты, он быстро уехал в неизвестном направлении. А хату эту у него купила семья Александра Константиновича Коротченко, наших дальних родственников, у которых в последствии я жил в Рязани при поступлении в институт. Денег у них тогда не было совсем никаких, но продавец согласился взять за хату корову и 20 пудов пшеницы. Мои дед с бабой в то время не имели и этого.

* * *

Про деда Петра и бабушку Евдокию Макаренко

Пётр Иванович и Евдокия Ивановна
Макаренко.

После окончательного установления Советской власти на Кубани в марте 1920 г. моего деда Петра забрали в Красную Армию, и он успел побывать в войсках кавалеристом. Как только 1922 году мобилизовался из армии, то недолго холостяковал, сразу же женился на такой же, как и он сироте – Евдокии Ивановне Черевковой. Я однажды спросил у бабушки Дуни, как это они в то время встречались, дружили? На что та ответила: «Тогда этого не было. Ночевали все вместе на поле, вперемешку: ребята, девчата. Работали до тёмок, а утром вставали с рассветом и опять на работу. Так уставали, что дружить-то и некада было». Так, не дружив и создали семью – по любви с первого взгляда. Было у них трое детей, все родились в станице Костромской. Вот их дети:

Николай – 1924 г.р. – 14 ноября 1974. Мой крёстный. Трое детей
Антонина, Леонид, Надежда.

Иван – 4 декабря 1926 г.р. – сент. 1982. Две дочери от разных жён
– Нина и Вера.

Мария – 10 января 1929 г.р. – 9 августа 2012. Моя мать. Сыновья
Вячеслав и Виктор.

Произошла женитьба у наших сразу после гражданской войны, когда стали наступать времена НЭП и было разрешено использование наёмного труда. В стране начался передел земли, так называемое землеустройство. Но в самой станице земля ещё ранее была переделана по дворам почти сразу после революции. Войсковую землю наделяли поровну на каждого члена семьи, независимо от того, сколько кто имел до этого момента. Некоторые, у кого много детей, получили много, а другие, кто появился попозже, и вовсе ничего. Дед с бабой, не имея своего участка земли, начали работать по найму у казаков станицы Махошевской. Летом в поле на подённых работах, а зимой в лесу на делянках – пилили дрова. Деду приходилось спиливать деревья, очищать их, распиливать примерно на метровую длину, колоть и потом складывать швырки в стойки. Зарабатывал в день до одного нового советского рубля. Хотя и сильно

уставали, но заработок можно было считать сносным, если учесть, что в летний сезон на прополочных работах платили женщинам от 30 до 50 копеек в день, а на косовице мужикам – до одного рубля в день. Летом вместе с полевыми работами надо было ещё заниматься делами по домашнему хозяйству, в первую очередь огородом, изгородью или латанием крыши родительской хаты. Крыли её соломой, поскольку денег на покупку других материалов не было. Стремясь создать сносные бытовые условия, дед сам делал хозяйственные пристройки из турлука, а внутри хаты, столы, табуретки, шкафчики для продуктов, своего рода кроватки для детей, на которых они бы смогли укладываться спать.

Весной 1927 года в станице было создано товарищество по совместной обработке земли. Желавших вступить в него набралось около 40 человек. Как инициатор создания этого товарищества, председателем стал наш свояк, молодой комсомолец Александр Коротченко. А секретарём выбрали коммуниста Петра Баева, мужа сестры моей бабушки Дуни – Нюры. В это общество вступил и наш дед Пётр, получив участок под личное хозяйство. Как грамотного крестьянина его выбрали в члены правления.

Активисты Костромского сельхозтоварищества. Слева-направо сверху: Коротченко Александр Константинович - председатель правления, Худолеев Захар Демьянович, Макаренко Пётр Иванович - мой дед, член правления. Внизу: Скиданов Дмитрий Ильич, Баев Пётр Григорьевич - секретарь правления, Курочкин Сергей Ермолаевич. Фото 1927г.

Выделенной земли для удовлетворения потребностей всех семей хватало, но вот обрабатывать её было совсем нечем. У большинства не было ни быков, ни лошадей. С помощью богатых казаков-муганцев удалось купить трактор-фордзон, которым они начали обрабатывать свои участки. Трактор водил молодой казак Алексей Затолокин. В то время он только что вернулся из рядов Красной Армии. В армии Алексей служил лётчиком в авиационной части и это позволило ему легко овладеть трактором и стать водителем единственного на всю станицу фортзона. Но участки членов этого товарищества были разбросаны на сравнительно большом расстоянии (до 15 км), и трактор не обеспечивал потребности всех членов. Однажды в тракторе случилась какая-то поломка. Надо было срочно ехать в кузницу, которая была одна на всю станицу. Когда трактор спускался с костромской горы, то на крутом повороте он перевернулся и его руль раздавил Алексею грудь. Он тут же скончался. Такая нелепая гибель Алексея Затолокина, единственного на всю станицу тракториста, вызвала глубокую скорбь у всех станичников. Вышедший из строя трактор, ремонтировать было некому. После этого внутривладельческие связи в товариществе совсем нарушились. Товарищество фактически числилось на бумаге, а практически совместной обработки земли уже не было. Каждый работал на своём участке.

Несмотря на всё это, летом 1927 года обмолот хлеба всё же проводили совместно. Самостоятельный обмолот зерна был запрещён, в станице работало 4 общественные молотилки, на которые всем нужно было везти обмолачивать свой хлеб. К каждой молотилке были прикреплены выделенные ответственные уполномоченные. На них возлагалась обязанность строго учитывать количество намолоченного зерна, часть оставлялось сдающему, а остальной хлеб прямо с тока отправлялся на государственные приёмные пункты. После сдачи хлеба государству на питание тогда давалось 10 пудов на каждого человека в год, а для скота шло зерно второго сорта. Здесь же производился расчёт количества зерна, необходимого на семена – 1 пуд зерна на десятину тому, кто его сдавал. Зерно же мололи на станичной мельнице, которая работала при помощи водной энергии речки Псефир. На ней же получали не только простой помол, но и первосортную муку.

Товарищество со временем всё же распалось, в основном по причине отчуждения от него части земель, ранее принадлежащих кабардинцам-хозяевам. Сразу после прихода советской власти костромчанами были заняты хозяинские покосы за Чехраком, а черкесы боялись вступать в драку с казаками. Но потом как-то смогли мирно решить этот вопрос через местные власти и добились возвращения этих спорных земель.

Участок у деда забрали, а оставшиеся земли товарищества пошли во вновь образованный в 1929 году колхоз, которому было присвоено имя «Сталина». Дед после всего этого в колхоз вступать не стал, а по протекции поступил работать извозчиком на костромскую почту. Помогли родственные связи Тарниковых, братьев его матери. После проверки комиссией ВЧК его перевели почтовым инкассатором. От государства почти сразу получил половинку казённого дома (там же где раньше жила семья Макаренко) и несколько десятин земельного надела.

Здание почты (справа) в станице Костромской, где раньше жила семья Макаренко и родилась моя мать Мария. Вторая половина дома и сейчас жилая.

Жили дедова семья бедненько, хотя зарплата была неплохой. У них, как почти у большинства тогда, не было даже простейших настенных часов. Но всё же обзавелись своим хозяйством. Работали дома много и этого, в основном, хватало для того, чтобы прокормить себя и своих детей. Был приусадебный участок, а позднее появилась своя корова и лошадь. Правда, с одной лошадью на Кубани в люди не выбьешься. Чтобы пахать тяжёлую кубанскую землю, в плуг надо было запрягать минимум пару лошадей. За день с ними можно было вспахать десятину земли. Дед кооперировался с соседями и «калымил» на казённых лошадях.

Когда были выходные, он ездил с товарищами в лес за дровами и деловой древесиной для продажи. Будучи почтовым инкассатором, часто посещая Лабинскую, дед знал, что там принимают дрова по очень хорошей цене. Соседи сговаривались с ним, ехали вначале вместе в лес за грузом, накладывали на подводу дрова по 30 пудов и везли в станицу

Костромскую. А затем перевозили уже их за 30 км на лесобазу в Лабинскую. Перевозкой занимались осенью, в октябре-ноябре после окончания полевых работ. Старались подгадать под хорошую погоду. Времена были суровые, черкесы из соседних аулов, да и местная гольтьба, часто занимались разбоем, были грабежи и даже случаи убийств на дороге. Деду как почтовому инкассатору было разрешено ношение казённого табельного оружия, поэтому с ним в поездку всегда охотно пристраивалось много соседей. Само расстояние их не пугало, но вот тяжёлым на этом пути были три крутых подъёмов. Их и можно было преодолеть только двумя парами лошадей. За раз могли привезти домой не меньше трёх рублей, да ещё хорошо пообедать в Лабинской и купить на 10 копеек детям гостинцы от «зайчика».

Инкассационные работники Лабинского районного почтового отделения связи в ст. Костромской. Слева направо: Фатеев, Макаренко – мой дед, Горностаев и Сенченко. Фото 12.08.1933 года.

Люди тогда в большинстве питались тем, что росло на своих огородах. Выращивали овощи, фрукты, картофель, кукурузу для скота, подсолнечник на масло. Но и этого всего было конечно очень мало – выращенный семьёй урожай пшеницы и кукурузы частично забирался государством, а оставшего достаточно было только для того, чтобы удовлетворить минимальные семейные потребности. До очередного урожая хватало, но плоховато было с солью, керосином, особенно с

обувью и одеждой. Бабушка Дуня постоянно старалась обеспечить все эти нужды большой семьи. Именно об этом она всегда сама заботилась. Определяла, на какие важные траты нужно употреблять деньги и какие приобретать обновки. Бабушка пыталась как-то ещё подзаработать и иногда с сестрой ездила на поезде с Лабинской по дальним краям, даже в Воронеж, обменивая там различные вещи на добытые семьёй в лесу продукты питания – дикие груши, кислицы, каштаны или же чинарики.

К сожалению, в то время в станице, насчитывавшей под восемь тысяч людей, фотостудии не было. Даже у председателя Стансовета не было тогда фотоаппарата – негде было взять химикатов для проявки плёнки. Фотографировали все события приезжие корреспонденты. Так что фотографии того времени именно наших родственников мало какие мне удалось разыскать.

Макаренко Мария – моя мать
Фото 1933 год, ст. Костромская

Жизнь в станице становилась всё сложнее и сложнее. Тут ещё пришли голодные годы, которые не всем удалось пережить. Голод 33-х годов в станице достиг такого размаха, страшнее которого не было со дня основания. Осенью по домам тех, кто не хотел добровольно сдавать излишки хлеба в закрома государства или деньги по налогам и займу, по вечерам ходили активисты, потому что днём хозяев, как правило, дома не было. К лету 1933 г. станица после голодной зимы вышла сильно ослабленной и хлеба на всех не хватало. Колхозники вынуждены были искать любые заработки на стороне, уклоняясь от колхозных работ. Они хорошо помнили, как ранее уходил государству выращенный ими хлеб. На невызревших полях появились отчаявшиеся при виде голодных детей женщины. Они ножницами срезали зелёные колосья на кашу. Когда начались уборка, а первые обмолоты полностью вывозились, появились «несуны». Зерно несли с токов в карманах трусов, за пазухой.

Деда Петра, как госслужащего, работники НКВД тогда заставляли ловить «несунов» по полям и отвозить в станицу Лабинскую для суда. Но благодаря только тому, что дед работал на государственном предприятии, его семье как-то удалось пережить эти голодные годы без особых потерь.

Дед, работая почтовым инкассатором, часто ездил по окрестным станицам и видел, что в Лабинской жизнь у всех пообеспеченней, да и гораздо легче было там с работой. Кумовья уже перебрались в этот населённый пункт и всё звали их к себе. Посмотрев на жизнь в те голодные годы в станице, по настоятельному совету кумовьёв, в 1934 году семья всё же решила покинуть Костромскую. На этом настаивала бабушка Дуня, сильно переживая за жизнь деда – в эти годы на дорогах участились разбойные нападения на почтовых служащих, перевозивших с Лабинской казённые денежные средства и пенсии станичников.

После переезда в станицу Лабинскую (городом она стала после войны в 1947 году), дед стал работать конюхом на одном из крупных предприятий станицы – Леспромхозовском дворе. Там им предоставили казённую квартиру, если можно называть тот барак квартирой. Четыре года они работали на этом предприятии и ютились по разным местам. Но, наконец, в 40-м году, с какими-то большими проблемами, получили отрубной участок на улице Новобазарной (теперь это ул. Горького) и успели до войны построить на нем добротный саманный домик. Строили его всем гуртом с родственниками и знакомыми. Дед потом поступил на работу на районный узел связи почтовым работником-инкассатором.

Годы Великой Отечественной войны прошли у всех нелегко. Деда призвали в августе 1941 году, прослужил он в военно-почтовой службе рядовым до мая 1945 года. В боях практически не участвовал, хотя всё это время и находился на линии фронта, постоянно рискуя жизнью подвозил корреспонденцию и денежные средства на передовую. Прошёл с войсками до Германии. К сожалению, в Лабинском архиве по личному составу не сохранилось его личное дело, чтобы можно было бы как-то поподробнее узнать о его военном пути. Оказывается, все дела военно-почтовых служб были уничтожены из-за того, что именно эта часть архива почему-то совсем пришла в негодность в конце 90-х годов.

Бабушка Дуня провела всю оккупацию немцами в станице Лабинской, а с приходом немцев троих детей вывезла в Костромскую к Курочкиным. Дети и взрослые прочувствовали на себе, что такое война, даже находясь в глубоком тылу. Когда же дед вернулся с войны, то его с большой охотой опять приняли ездовым на главпочтамте станицы – других профессий у деда не было. Там он проработал до самой пенсии, возя с лабинского аэродрома различные почтовые отправления по несколько раз за день.

В 1960 году дед с бабой построили в г. Лабинске свой новый дом «на низу», по улице 40 Лет Октября. Дом был больших размеров по тем временам и состоял из четырёх комнат. Окна дома на ночь, как у всех тогда, закрывались прочными дубовыми ставнями, прижимавшимися к окну стальной полосой и заклинивавшиеся внутри дома толстым гвоздём, чтоб не выдернули. В самом доме стояла большущая русская печка, и я на ней тогда любил понежиться, когда бывал у них. Белый пшеничный хлеб, испечённый бабушкой в поде печи на капустных листьях, был пышным, душистым, с хрустящей корочкой, вкусный необыкновенно. Цветов у бабушки было много как в доме, так и во дворе, особенно табака и ночных фиалок в палисаднике перед домом, благоухающих с наступлением темноты. Во дворе были построены несколько сарайчиков и загоны для скота. Свиньи всегда присутствовали в их хозяйстве. Одно время держали корову. По двору всегда бегали с десятка два гусей. Их с утра отправляли пастись на берег Лабёнка – протока Лабы, который протекал рядом с домом. Выгон с травой был близко, начинался он за двумя соседними дворами. Там, на просторе, до самой зимы и паслись бабушкины гуси. Лабёнок сам по себе неширок, всего метров десять. Но местами он весьма сильно разветвлялся на широкие протоки, окаймлявшие острова с густыми кустами вербняка, сплошь покрытые высокой травой. Пространство между ними Лабой время от времени заливалось водой, и там не было ничего кроме бесконечных маленьких ручейков, заполненных стоячей водой. А чуть подальше к самой Лабе над текучей водой поднимались высокие вербы. В этих местах пасли скот местные жители, а мы малышня без всякого присмотра там проводили много свободного времени. Иногда дед Петя находил нас там и «гонял», что бы мы не оставляли без присмотра костры, разожжённые после купания в холодной речке.

Макаренко Пётр Иванович.
Фото 1960 г.

Дедушка Пётр вообще был трудолюбивым и отзывчивым человеком. Нрава он в основном был спокойного и доброжелательного, но нередко в нем, бывало, просыпалась какая-то вредность, и он тогда начинал долго ругаться и сквернословить на всех. С детства ещё слыл матерщинником. Его речь постоянно была пересыпана какими-то прибаутками, поговорками, различными неприличными остротами. Правда при детях он себе такого не позволял. Любил в свободное от работы время плести хорошие кнуты для своих друзей и детей. Он их делал из тонких полосок кожи – самый простой из трёх, а более сложный – из четырёх, который мало у кого так хорошо получался. Для кнута вырезалось подходящее кнутовище из кизилевых веток, которые он резал на берегу Лабы. К нему привязывались полоски кожи, утончённые к концу, а затем уже они сплетались в длинный хлыст. Я в детстве очень любил, взмахнув дедовым кнутом, подсекать его резким движением в обратную сторону. Кнут, разрезая воздух, стрелял как из ружья на радость всем младшим пацанам.

В 60-х годах прошлого столетия на деда, при его работе ездовым на главном почтамте г. Лабинска, почти всегда была одета гимнастёрка и подпоясан старинный наборный ремешок с узорчатыми пластинками, доставшийся ему по наследству от отца. На голове носил только армейского типа фуражки со значком почтового министерства – перечёркнутая молотом печать с молнией. У него была весьма «крутая» бричка на автомобильных рессорах и камерных шинах от машины полуторки. На ходу она была такая быстрая, что с двумя запряжёнными лошадьми легко могла потягать с грузовым автомобилем по скорости.

Макаренко Пётр Иванович (справа) с напарником на работе в районном узле связи.

В Лабинской в послевоенные годы с топливом плохо было всегда. Лес далековато и у кого не было своего транспорта, то вынужден был покупать дрова на базаре на вязанки. Уголь в то время был дорог. Тут дед иногда «калымил» – подряжался и на своём гужевом транспорте ездил к знакомым в Мостовую по дрова, где они были довольно дешёвы. Начальники не препятствовали этому и выписывали путёвки, так как попутно он вёз и хороший корм для казённых лошадей. А они всегда у него были упитанны, откормлены и по утрам всегда с радостью отправлялись с дедом на аэродром за почтой. Во времена Леонида Ильича из Лабинска в Краснодар каждый день летало восемь рейсов маленьких самолётов АН-12, а 10.36 большущий по тем временам АН-24. И цены на билеты в них ненамного отличались от автобусных. На самый последний из них я всегда старался попасть, когда стал постарше и начал работать в Краснодаре. Это чтобы не «трястись» четыре часа в автобусе, а подольше потом побыть у родителей. Первый самолёт с Краснодара – маленький «кукурузник», прилетал в Лабинск ровно в 6 часов 45 минут утра, привозил авиаписьма и свежие газеты, отпечатанные за ночь в Краснодаре. Задача деда была в их быстрой доставке к зданию почты, так, чтобы сортировщицы успевали до 8 часов утра разложить её по участкам и раздать всем почтальонам. В любую погоду: в дождь, в слякоть, мороз, пургу, каждый день ему нужно было преодолевать этот путь. Автотранспорт не всегда справлялся по погодным условиям и вот по-утреннему Лабинску дед на большой скорости мчался в аэропорт, только далеко было слышны цокот копыт его лихих лошадей. Помнится, что в упряжке всегда был запряжён конь и кобыла. Иногда жеребёнок бежал рядом. Таких рейсов с Краснодара в день было как минимум три, и все три дед должен был обеспечить срочным почтовым грузом – различной корреспонденцией, письмами и газетами.

Петру Ивановичу всегда очень хотелось, чтобы его самый старший внук Вячеслав (это я) смог бы получить высшее образование, но тяжёлая и продолжительная болезнь не позволила это ему увидеть. Он умер после долгой и продолжительной болезни от рака. Похоронили его 6 мая 1969 года на старом Лабинском кладбище, что возле железной дороги.

Бабушка Дуня за всю свою жизнь на государственных предприятиях практически не работала, а только заправляла домашним хозяйством. Несмотря на свою неграмотность, легко управлялась с воспитанием детей или внуков, прививая им много хорошего. Внуков очень любила. Она могла поехать на дрезине в горный посёлок Режет или же пойти пешком (автодорог тогда в тех краях не было), чтобы проведать их. Могла сесть на самолёт и полететь, например, в Узбекистан. Вообще женщина она

была бойкая, но своенравная. Никогда не мирилась с недостатками людей и всегда им об этом высказывала, за что её некоторые из близких родственников недолюбливали. Но природный ум, отточенный тяжёлыми жизненными событиями, позволял ей достаточно хорошо понимать людей, ориентироваться в жизни, мудро оценивать жизненные ситуации и неплохо считать деньги. Великая труженица и добытчица, она всё время чем-то была занята по дому, хозяйству, на огороде, в поле или ездила где-то по дальним краям что-то добывать для семьи.

Макаренко Евдокия Ивановна. Фото 1959 г.

Она очень любила петь. По праздникам всегда в их доме было много гостей. Летом все рассаживались вплотную друг к другу во дворе дома на больших скамьях, расставленных вдоль весьма длинного стола. И уже вечером напившись, и наговорившись, в полутьме, кто-то из женщин начинал какую-нибудь старинную донскую песню. Мужчины опосля подхватывали её, широко лился напев и растворялся в темноте. Было нечто объединяющее в этих их протяжных песнях, пришедших из старины, что заставляло нас маленьких чувствовать себя частицей чего-то настоящего, большого и необъятного. Особенно красиво они пели «Верила, верила, верю» или весёлую «Ой зачим я жанивси». Бабушка Дуня почти всегда вела в них первую партию. Передались ей от матери много старинных казачьих песен – донских, богучарских. Знала она и большое количество местных напевов с их грустью, весельем или с задиристыми шутками. А иногда зимними вечерами она садилась с прялкой и начинала запевать, при этом пуская слезу:

*Потирыла я калечко,
Потирыла и ту любовь,
Как по энтому кылечку
Буду плакать день и ночь.
Где девался тот цвыточек,
Что долины украшал,
Где ж тот мылинкай дружочек
Что словами увещал...*

Евдокия Ивановна пережила деда на семь лет и умерла 29 мая 1976 года. Она никогда в своей жизни не то, чтобы не лежала, а вообще практически никогда не бывала в больницах. Всегда, во всех случаях болезни пользовалась народными рецептами, травами или настоями, которые она с детства хорошо знала как применять. Её младшая сестра Нюра, летом и осенью всегда ездила в горы и собирала различные травы, боярышник и шиповник, которыми потом наделяла всех родственников. Бабушка сильно страдала гипертонией – повышенным кровяным давлением. Довольно часто она для снятия давления спускала кровь, использовала пиявок. Такой способ лечения давал ей положительные результаты. Улучшался приток крови и клетки мозга получали большую дозу кислорода – она меньше страдала. Но, попавши практически первый раз в больницу, бабушка почти сразу же и умерла там от тромба, образовавшегося после неудачного укола медсестры.

Все бабушкины сестры, как и бабушка Дуня, «встали на ноги», имели свои семьи и детей. Но жизнь их прошла совсем не сладко. Самая младшая сестра нашей бабушки – Анна Ивановна Черевкова (все звали её Нюрой 1906 г.р.), оставшись одна после женитьбы сестёр, ухаживала за домашним хозяйством и огородом, тем и кормилась. Сама же она была очень скромная, кроткая и весьма трудолюбивая женщина. Но совершенно безграмотная, как и наша бабушка Евдокия, которая хоть и была гораздо шустрее всех своих сестёр. Они совсем не учились, хотя сразу после революции такая возможность в станице уже появилась. С января 1921 года заработала станичная начальная школа, а учителем стал их старый знакомый Василий Комов. Он активно приглашал сестёр на обучение, но те, будучи сиротами, вынуждены были больше думать о своём пропитании, чем об какой-то там учёбе. А потом, когда Анна Ивановна повзрослела и вышла замуж, то у неё совсем не появлялось такого желания. Она говорила, что учиться надо мужчинам, женщинам же это совсем ни к чему. Это было одной из официальных причин её развода примерно на 5-м году совместной жизни с Петром Григорьевич Баевым (1905 г.р.). Он сам был из Воронежской области, одним из бывших красноармейцев отряда Худолеева, оставшихся на жительство в станице Костромской. Пётр Баев, затем проучившись в Краснодарской совпартшколе, стал видным хозяйственным работником и занимал ответственные посты. Но на самом деле, как стало всем известно позднее, он просто загулял с одной из незамужних девиц – соседкой Евдокией Григорьевной, когда его перевели на работу председателем колхоза в станицу Ярославскую. Из-за этих неблагоприятных поступков его чуть не исключили из партии, но учли геройские заслуги во время гражданской

войны. Анна Ивановна не смогла его простить, хоть у них и был совместный ребёнок – Борис (1933 г.р.). Правда, это уже их второй мальчик. Первый, тоже Борис, умер почти сразу же после рождения. Но обида на него у бабушки была сильной – он всё время попрекал её за темноту, неграмотность и неправильное воспитание сына. Уже после развода второй раз женился (от второй жены было двое детей) и уехал в станицу Ярославскую, а потом куда-то на Урал. После всех этих событий бабушка переехала к сестре Евдокии в г. Лабинск и впоследствии прикупила там небольшую хатку возле маслозавода. Позднее она попыталась повторно выйти замуж, но брак тот её был не совсем удачный, хоть и пробыла она в нём лет десять. Второй муж – Себров Кирилл Иванович, дома почти не бывал – занимался сплавом леса где-то в горах, частенько запивал. Он имел свою дочку, и его отношение к сыну Анны – Борису, было прохладное. Жила бабушка, чем могла, на госпредприятиях не работала. Садилась в автобус, ехала в отдалённые горные посёлки и по несколько дней проводила в благодатных предгорных местах. Ездил много по Псебайским и Махошевским лесам, собирала различные лечебные травы для настоев, дичку и каштаны, затем их продавала на рынке, тем и зарабатывала на пропитание. А Бориса на это время отправляла в Костромскую, к Курочкиным, воспитанием которого они старательно занимались.

Во время войны бабушка Нюра, находясь в станице Костромской, куда отправили к Курочкиным всех повзрослевших детей сёстры из Лабинска, оказалась в центре событий, произошедших на Михизеевой Поляне, где в 1942 году были расстреляны все жители посёлка. Сам посёлок находился недалеко от станицы Костромской в двух часах ходьбы. В Махошевских лесах во время войны дислоцировалось много партизанских отрядов, которым помогали местные жители. Эти партизанские отряды не особо затрудняли строительством для себя баз и часто располагались в горных поселениях. При приближении карателей они быстро уходили. А в этот горный посёлок особо немцы не совались, заезжали изредка только за шпалами. Кроме постоянных жителей, в посёлке находилось ещё много раненых советских солдат и люди, в основном евреи, эвакуированные из Киева и Ленинграда. Отсиживались там от депортации и какие-то дальние родственники моего деда Макаренко. В Михизеевой Поляне продолжали работать маленький лесопильный завод, начальная школа, клуб и сельский магазин. Торговал хлебом, солью и керосином. Иногда на базарчике был дефицитный сахар, конфеты. За неделю до этого события одним из партизанских отрядов по дороге на Махошевской поляне было совершено нападение на немецкий обоз с продовольствием

и там нашли живьём посажённых на кол двоих немецких офицеров. А кто-то из местных донёс немцам, что на базаре в этом посёлке похоже продают шоколад с того обоза, который отбили партизаны. Полиция начали прочёсывать лес и нашли в районе посёлка парашют от сбитого самолёта. Его стропы были обрезаны ножом. Те решили, что лётчик, спасая и его скрывают в своих домах местные жители. Фашисты посчитали, что партизаны растворились среди жителей окрестных поселков и их нужно наказать, ликвидировав советское гнездо. В пятницу 13 ноября 1942 года отряд немцев вместе с полицией вошёл в Михизееву Поляну, чтобы там провести карательную спецоперацию.

Туда же в этот день отправилась и бабушка Нюра, чтобы продать местным жителям кое-что из собранных летом лекарственных травок и прикупить немного дефицита в местном магазине. Расторговавшись до обеда лечебными травками и купив в магазине необходимого, бабушка уже пошла было по дороге от посёлка в направлении станицы Костромской. Но вдруг, услышав позади какие-то выстрелы, испугалась и залегла в кустах терновника на вершинке. Начала она пробираться подальше от дороги, через какие-то заросли. А тут пули стали пролетали мимо неё. Напуганная, она пролежала там с полчаса. И наблюдала картину происходящего, схоронившись в тёрнах. Было видно, как полиция в синих комбинезонах с оружием сгоняли людей к окраине посёлка. Они останавливали их на поляне и мужчины копали яму. Выкопали те неглубокую яму, а когда закончили, всех их начали в ней же расстреливать. А потом ещё партию. Раздевали женщин и их детей убивали прямо с ними, живых докалывали штыками, а совсем маленьких деток брали за ноги и били головой об деревья. Далеко были слышны крики и стоны умирающих. От ужаса, увиденного и от услышанных хрипов бабушка потеряла сознание. Очнулась от шока, и не поймёт: живая она или нет? Везде пахнет порохом и кровью. А под ней мокро – это видимо получилось у неё от страха. Сколько пролежала, не знает. Осенью темнеть начинало рано, было тепло и она поползла по грязи в сторону ручья Копанец, где шла дорога на Костромскую. Всего в тот день в этом посёлке было расстреляно 200 человек, среди них двое – Макаренко, наших родственников. Бабушка тогда благодарил судьбу за то, что та дала возможность ей раньше уйти с места расправы и долго потом молилась. До ухода немцев Костромскую она больше не покидала.

В декабре 1943 года в боях под Никоподем, на левой стороне Днепра, погиб её бывший муж – капитан Пётр Григорьевич Баев. А Анна Ивановна, хоть и прошло уже более десяти лет, но имевши от него сына, очень сильно переживала его смерть. Сын Петра – Борис потом пошёл

по стопам отца и в армии тоже стал политработником. Впоследствии Анну Ивановну Борис забрал к себе на Байконур, где служил, а потом перевёз в военный посёлок Капустин Яр Саратовской области, где она и умерла.

Средняя сестра бабушки – Наталья Ивановна (1904 г.р.) тоже довольно рано вышла замуж, ровно в 18 лет, за бедного казака Сергей Ермолаевича Курочкина. Тогда в станицах все девицы рано выходили замуж. В 20 лет уже считалось, что в «девках засиделась». Муж её, Курочкин, в то время воевал и защищал Советскую власть, но в последствии в 1936 году по клеветническим материалам был репрессирован – его обвинили в краже зерна с поля, хотя, по утверждению многих, это было совсем не так. Пробыл около трёх лет в заключении. Многие из наших родственников считали его необузданным мужиком, грубияном и матерщинником, но на самом деле характера он был доброго. Только вот необоснованные репрессии отрицательно повлияли на его характер и поведение. Он замкнулся, в колхоз даже не стал вступать. После лагерей стал сильно сквернословить. Обижался на власть, а особенно на жену, считая её во многом виноватой в своих злоключениях – меньше нужно было хвастаться на улице не по делу. За брехню и блудливость языка он много раз избивал бабу Наталью, о чём не стеснялся, сам же потом рассказывал на улице мужикам. Он постоянно её ругал, хотя всё это и не было связано со злостью, а по большей части сопровождалось юмором. Но был трудолюбивым человеком, с уважением относился к тем, кто честным трудом добывал свой хлеб. В лагерях при каких-то весьма загадочных обстоятельствах потерял три пальца на правой руке. Он говорил всем, что пальцы были ампутированы после обморожения, но то, что это не так на самом деле, бабушка Наталья знала, но так не кому правды и не говорила. Ходили слухи, что их ему отрубили матёрые уголовники за то, что он в колонии примкнул не к ним, а к политическим. Своих детей у них ещё до войны в живых никого не осталось – трое рождённых детей умерли в младенчестве. Но они оба очень внимательно относились к своим племянникам. Особенно к детям семьи Баевых. Петр Григорьевич Баев был свояком Сергея Ермолаевича. Вот почему к сыну Анны Ивановны – Борису у четы Курочкиных была почти родительская привязанность. Как вспоминал Александр Коротченко, он так же свояк Баевым, что особенно по-отечески Сергей Ермолаевич относился к племяннику жены – Баеву Борису Петровичу, сыну моей бабушки Нюры от первого брака. Они гордились Борисом, особенно после того, как тот стал военным служащим и дорос до подполковника. Борис достоин был их похвал, но в этих похвалах всегда проскальзывали преувеличение своих заслуг в

воспитании племянника. Сергей Ермолаевич до конца своей жизни считал Бориса своим наследником и неоднократно повторял: «Все, что мне удалось нажать, я завещаю Борису. Он мне как родной сын». Но Борису оно совсем уже не нужно было – он был человеком военным и весьма обеспеченным. В конце 1975 года Сергей Ермолаевич умер, прожив 78 лет. На похороны Борис еле успел прилететь. После демобилизации Борис осел в Днепропетровске (сейчас это Украина).

А бабушка Наталья очень сильно почитала моих родителей – Марию и Анатолия. Пережила она деда Курочкина на шесть лет. Перед самой смертью написала завещание на свой участок на мою мать, отнесла в Сельсовет, а мать с отцом перевезли её в город. Но спустя короткое время она наотрез отказалась жить в городе и совсем затосковала. Родители отвезли её обратно в Костромскую, стали раз в неделю ездить и проводить, привозили из Лабинска хорошие продукты. Сильно болеть она не болела, но соседи рассказывали, что перед самой кончиной очень захотела побыстрее умереть. Не ела, просто лежала на кровати, тосковала и смотрела в гору, на спуск дороги – не пылит ли там белая машина отца.

Интересно, то, что наследство её мать так себе и не взяла, земля и домик досталась соседке Курочкиных – по-уличному «Ростовщице», присматривающей за ней, которая хитростью в Сельсовете оформила всё на себя. Когда в 2008 году мы с матерью проезжали мимо полуразвалившейся старой хатки Курочкиных, то увидели, что Ростовщица в возрасте 92 года сидела на улице. Узнав в лицо мать, сидевшую в машине, она чуть не умерла от страха. Хотя мать к ней никогда никаких претензий и не предъявляла, Ростовщица побледнела, затряслась и быстро скрылась, так и не ответив на мои вопросы о последних днях жизни Курочкиных.

Хочется несколько добрых слов сказать об Александре Константиновиче Коротченко (1907-1982), нашем свояке – который, начав трудовую жизнь в станице Костромской, впоследствии стал видным политическим деятелем. Был он неординарным человеком по уму и способностям. По молодости с отличием окончил Краснодарский пединститут, имея за душой лишь начальное школьное образование. Добровольно пошёл на войну при наличии освобождения по состоянию здоровья. Дослужился в 50-х годах до полковника в Главном политуправлении Министерства обороны. Посылали его после войны военным советником к Ким-Ир-Сену при борьбе Кореи с американцами. Затем работал цензором в Управлении по охране государственных тайн в печати и рецензировал книги многих известных писателей. По характеру и человеческим качествам был типичным советским политработником:

общительным, отзывчивым, аккуратным в поступках. В жизни – исключительно честный и принципиальный человек. Был убеждённым борцом за моральные общечеловеческие нормы. Его всегда прельщали светлые идеалы в обществе, пропаганде которых он посвятил всю свою жизнь. Во время студенчества в Рязанском радиотехническом институте основное время учёбы я жил в общежитии, но начальная база и постоянный безотказный «центр поддержки» всегда были в его квартире. Он многому научил меня в вопросах взаимоотношений между людьми. Сын Александра Константиновича – Володя, окончив Рязанский радиотехнический институт в 1962 году, затем аспирантуру и получив учёную степень кандидата технических наук сейчас ещё преподаёт в этом же институте.

Семьи Коротченко (в центре), Курочкиных (справа) и Баевых (слева) из ст. Костромской.
Баев Борис Петрович – стоит посередине. Фото 1951 г.

В семье моих деда Петра Ивановича и бабушки Евдокии Ивановны Макаренко помимо единственной дочери Марии было ещё двое сыновей – мои дяди: старший Николай (1924 г.р.), мой крёстный и Иван (1926 г.р.). Умерли они оба рано, не дожив до старости. Николай в начале войны окончил школу, во время оккупации немцами скрывался от депортации в Германию в ст. Костромской. А когда в 1942 году ему только, только стукнуло 18 лет, пришли наши войска и его сразу забрали на фронт. Вернувшись после Победы героем, жил с родителями. Начал встречаться с приглянувшейся ему девушкой. Дело шло к свадьбе, она даже

забеременела от него, но тут на глаза ему попала Мария Черкасова (1930 г.р.) – муганка с горного района. Училась она в Лабинске на швею, взяла и отбила его у этой девицы. По молодости весёлый, интересный и довольно обаятельный Николай без памяти влюбился в неё. Бросил невесту, она потом очень сильно страдала по нему, и быстро женился на Марии. Стали проживать они в дедовом доме. А затем прикупили небольшой участочек на хуторе Вольном возле Лабинска, построили там маленькую хатенку. Работали оба в городе, а свободное время занимались вместе с бабушкой Дуней пошивом фуфаек, которые затем продавали на Лабинском базаре. Чуть-чуть скопили денег. Но Мария довольно прохладно стала относиться к родственникам Макаренко и при первой же возможности уговорила Николая переехать в ст. Костромскую. Там, по её мнению, было больше возможности по приобретению хорошего земельного участка для работы на нем. Случилось это в то время, когда дед Петя сильно приболел, лежал в больнице, а бабушка Дуня целый месяц находилась в Узбекистане, у дочки Марии – моей матери. Там объявили карантин по чуме и никого не выпускали из тех мест более полтора месяца. Когда она вернулась в Лабинск, то Николай был уже в Костромской. Прожил он там с семьёй, на улице Калинина 29 довольно долгое время. Родилось там же у них трое детей – две дочки Антонина (29.12.1955 г.р.), Надежда (1.09.1961 г.р.) и сын Алексей (12.04.1958 г.р.).

Мы с братом пацанами довольно часто навещали их – Николай Петрович был моим крестным и летом каждый год на каникулах много времени я проводил у них. «Папанька» – так я его называл, всегда очень был рад нашему посещению и уделял нам много внимания. Было довольно интересно жить у них на свободе и великолепной природе, которая окружала станицу – в городе таких вольностей не было. На костромской узенькой речке Псефир проводили целые дни с двоюродными сёстрами и братом. Там можно было понырять и поплавать – местами речушка была в промоинах, а кое-где и достаточно глубокой, с большим количеством мелкой рыбёшки. В обед крестный обычно пригонял к речке на водопой табун колхозных лошадей. Нам разрешалось их искупать. Вскочив на коней верхом, мы заезжали в самую глубину и щёткой тёрли им бока. Крёстный в свободное время водил нас на охоту, доверял пострелять из ружья по куропаткам, которыми окрестные места изобиловали. Было весело и интересно с ним.

Но позднее он что-то сильно затосковал и из весёлого, обаятельного парня постепенно стал превращаться в какого-то несчастного, пьющего и постоянно ругающегося человека. А потом его жена Мария совсем «запилила» и уговорила уехать с детьми к своим родственникам в Крым,

в село Сторожевое Гвардейского района, недалеко от Симферополя. Она посчитала, что таким образом сможет как-то избавить его от дружков-собутельников. В крымском посёлке он стал работать во 2-м отделении птицесовхоза. Но в Крыму всё в виноградниках, вино всегда было в большом достатке и запивать тот не перестал. 16 ноября 1974 года Николай Петрович погиб в пятидесятилетнем возрасте в пьяной драке от руки мужа своей старшей дочери Антонины. Судьбы всех его детей потом не очень-то удачно сложились. Надежда погибла (утонула), а Алексей и Антонина в итоге вернувшись с матерью на родину, проживают в окрестностях станицы Курджиново (сейчас это Карачаево-Черкесия).

Иван Петрович Макаренко, младший брат моей матери, был женат несколько раз. Первый раз перед самым уходом в армию на красавице-полутатарочке Вале Гайворонской, женщине довольно лёгкого поведения. Родители делали все возможное и невозможное, чтобы этот брак не состоялся. Рассказывают родственники, что она была настоящая «бестия» и женила на себе Ивана ещё до его армии. А когда тот ушел, то хитрила и скрывала свои частые похождения по разным развесёлым вечеринкам и танцам. В это же время случайно выяснилось, что «мужняя жена» продолжала переписываться со своим прежним дружком и тайно встречается с ним. Родственники надеялись, что молодая жена одумается, исправится и ничего не сообщала Ивану. А та пользовалась этим и его любовью, он ей верил. Служил Иван в посёлке Шуя Ивановской области, и вот в итоге во время своего очередного армейского отпуска, по дороге домой в Лабинск, совершенно случайно, при пересадке на Курском вокзале в Москве, увидел её там с парнем. Стал за ними наблюдать, как они «крутили любовь» и поехали на съёмную квартиру. Попад внутрь квартиры, Иван разобрался с ними «по-своему», устроив драку с попаданием в милицию на 15 суток. Приехав в Лабинск, Валя выложила родственникам свои похождения такой тропой лжи, о которых потом долго гудел почти весь город. Вернувшись из армии, Иван сразу же с ней развёлся. Так практически несостоявшаяся семейная пара и распалась. Говорят, что это был хоть и не столь жестокий, но, тем не менее, весьма болезненный удар судьбы для Ивана. Он подточил в нем веру в людей, притушил романтические представления о взаимоотношениях между людьми, сделал его несколько агрессивным по отношению к женщинам.

А вот вторая жена Людмила, наоборот, сильно его любила. Была она из многодетной бедной семьи. Привёл он молодую жену в отцовский дом на улице Горького в Лабинске, где жил вместе с родителями. Бабушке она сразу не то что бы ни понравилась, а как она Ивану говорила: «Сколько девок на белом свете, а ты вот нашёл себе какую-то грязнулю». Иван в то

время характером стал вспыльчивого, и не терпел никакой критики в свой адрес, ругался по любому поводу с родителями. Помятую первую жену с её изменчивым и льстивым характером, всякий раз вставал на защиту Людмилы, за что постоянно получал от бабушки упрёки. Работал Иван водителем на рейсовом автобусе и в один из плановых рейсов в аул Ходзь совершил аварию – его автобус занесло на скользкой зимней дороге из-за превышения скорости. Автобус упал с откоса дороги, прокатившись метров двадцать, перевернулся на бок. Большинство пассажиров при этом только отделались лёгким испугом, ушибами и синяками, а несколько – переломом рук. Вот они, ожесточившись, набросились на водителя и начали избивать его – среди них было несколько молодых крепеньких черкесов-кабардинцев, ехавших с Лабинского базара. Достав ножи, они стали угрожать ему расправой. Испугавшись, что его забьют до смерти пассажиры, он сел в проходящую мимо машину и скрылся у своих друзей в Лабинске. Бабушка Дуня пожалела его и помогла уехать в Грузию, к своим дальним знакомым. Но через некоторое время к нему туда приехала жена Людмила, стала уговаривать вернуться к родителям – выкрутимся мол как-нибудь. Он почти сразу же с ней и вернулся назад в Лабинск. Но милиция быстренько его вычислила несмотря на то, что он даже нигде прилюдно и не появлялся. В виду того, что в автобусе никто из людей особо серьёзно не пострадал, а сам автомобиль оказался практически цел, суд дал ему срок три года колонии-поселения только за то, что он тогда скрылся с места аварии. Ещё до суда он по своей инициативе развёлся с женой Людмилой, сказав ей, что нечего свою жизнь связывать с уголовником. Хотя она и говорила, что будет ждать его, он настоял на разводе. От этого брака была у них дочь Нина (19.07.1956 г.р.), которую почти сразу же у его жены Людмилы силой забрала к себе бабушка Дуня. Она посчитала, что та не сможет самостоятельно без мужа достойно воспитать дочь. Как Людмила не пыталась возратить её, ничего из этого не получалось. Бабушка всё время увозила к себе. В итоге через какое-то время бабушке удалось по суду взять опеку над внучкой Ниной. С дедом Петром они содержали и воспитывали её до замужества. Нина, даже став уже взрослой, всё время называла «мамой» бабушку. По этому поводу у моей матери вначале постоянно возникали ревностные проявления, но позднее она успокоилась и к племяннице стала относиться с пониманием. Сейчас Нина Ивановна (по мужу Букаева) живёт в Лабинске, а со своей матерью в зрелом возрасте она почти не виделась, встречалась только несколько раз уже перед самой её смертью.

После отсидки Иван, разругавшись с родителями, сразу же уехал в Норильск, там сошёлся с Раисой Николаевной Меркуловой из города Грозного, приехавшей на заработки, как и он. Была она старшего его где-то лет на пять. Ивана привёз её к своим родителям в Лабинск. Как потом стало известно всем, она забеременела от него, родила дочку, назвали её Верой (18.11.1961 г.р.). После того, как они разошлись, Раиса Николаевна вернулась в г. Грозный. С ней потом он практически не общался и вообще старался не очень сильно афишировать перед родственниками про все их дела. Уже после смерти Ивана, его дочь Вера в возрасте 10-11 лет несколько раз приезжала на каникулы летом к бабушке в Лабинск. Я в это время учился в институте и с ней не встречался. Сейчас Вера Ивановна Макаренко проживает в Норильске, работает учителем.

Позднее Иван Петрович поженился на своей старой знакомой Любове Петровне Гончаровой из Майкопа, которую он знал ещё по-молодости. С ней и подался на освоение Голодной степи в Узбекистан. Работал там водителем на комбинате стройматериалов. Зарабатывал неплохо, что-то даже присылал на воспитание дочек, но особых накоплений не успел приобрести. В сентябре 1982 г. трагически погиб в результате лобовой аварии. Ехал на мотоцикле в четыре часа утра на рыбалку, в него влетела легковая «Волга», водитель которой заснул за рулём. Похоронен Иван Петрович в посёлке Янгир Сырдарьинской области Узбекистана.

Макаренко Николай Петрович
с дочкой Антониной. Фото 1955г.

Макаренко Иван Петрович
с дочкой Ниной. Фото 1960г.

Чемного о себе

Родился я 21 ноября 1951 года в г. Апшеронске, и называли меня по предложению матери – Вячеславом. «Славкой» звали их поросёнка. Крестили позднее в г. Лабинске. Крестная моя была Макаренко Мария Егоровна – жена Григория Макаренко племянника моего деда, а крестным – брат моей матери Николай Петрович Макаренко.

Детство и отрочество прошли во многих местах Советского Союза. В первый класс пошёл в г. Апшеронске. Родители потом много ездили по разным краям, но в конце концов зимой 1961 г. осели в г. Лабинске Краснодарского края. Окончив школу №29 в 1969 году, сразу поступил в Рязанский радиотехнический институт. Проучившись там пять лет, получил диплом инженера–конструктора радиоаппаратостроения. По окончании института сильно захотелось жить в родных краях и через Министерство просвещения сам добился персонального распределения в город Краснодар, где в то время остро ощущался дефицит специалистов такого направления. Трудовой путь начал в Краснодарском конструкторском бюро радиоаппаратуры, как молодой специалист, прибывший по распределению. Через несколько лет стал ведущим инженером. Женился в 1976 году на Людмиле Сергеевне Антоненковой (13.09.1951 г.р.), родом из станицы Павловской, с которой работал вместе в конструкторском бюро. С 1978 перешёл на работу в геофизику, где создавал сейсмические приборы для поиска нефти и газа. Вёл активную творческую жизнь, создавал новую технику со своими изобретениями. Имел более 20 научных статей и трудов, ряд изобретений, подтверждённых патентами. Был неоднократным участником ВДНХ. Получал награды и медали. Проработал в этой сфере двенадцать лет и дослужился до главного конструктора завода по производству геофизического оборудования, одного из ведущих в мире производителей сейсмических приборов. Оборудование завода поставлялось во многие страны Европы и Азии, куда я ездил по командировкам. Далее трудился главным инженером института и в различных федеральных спецгосучреждениях. С начала развала госструктур и по сей день – директор собственной фирмы, занимающейся спутниковым телевидением и интернетом.

* * *

Вот пока, собственно, и все. Это лишь небольшие записи того, что я услышал от своих отцов и дедов или же запомнил сам. Подробнее кое-что можно ещё почитать в моей книге: «Кубанский хутор Братский». В электронном виде всё в Интернет выложено.

Список использованных материалов из краевых и районных архивов:

1. ГАКК Ф.1. О.1. Станичные, куренные, хуторские, аульские и волостные правления Кубанской области с 1815 по 1920 гг.
2. РГВИА Ф.14877, О.1, Д.4254. Исповедные росписи 6-й бригады Кубанского казачьего войска за 1863 г, ст. Некрасовская.
3. ГАСК Ф. 135; О. 57, Д. 289; О. 58, Д. 479з; О. 59, Д. 332; О. 60, Д. 507; О. 62, Д. 645; О. 65, Д. 579; О. 66, Д. 671; О. 67 доп., Д. 195; О. 68, Д. 587; О. 71, Д. 1155; О. 72, Д. 1263; О. 74, Д. 1045. Ставропольская (Кавказская) духовная консистория. Кубанская область. Кавказский отдел. Клировые ведомости и метрические книги Петропавловского молитвенного дома хутора Братского. 1886-1916 гг.
4. АОУЛРА Ф.331. О.1. Метрические книги церкви Петра и Павла хутора Братского Ставропольской Духовной консистории. 1897-1916 гг.
5. АОУЛРА Ф.331, О.1. Метрические книги церкви Николая Угодника ст. Некрасовской Ставропольской Духовной консистории. 1876-1900 гг.
6. ГАКК Ф.330. О.55. Д.1092; Д.1751. Главное управление казачьих войск. Полные послужные списки Штаб и Обер-офицеров 25-го конного полка войска Кубанского за 1863-1869 гг. Полковник Макаров О.Т.
7. ГАКК Ф.330. О.64. Главное управление казачьих войск. Карты и планы земель казачьих войск 1770-1913 гг.
8. ГАКК Ф.574. О.1. Д.506. Об отводе участков земли в частную собственность закубанским переселенцам, чиновникам, генералам, штаб и обер-офицерам, состоящим в 6 бригадах и отдельных закубанских полках. С 03.05.1865 по 05.03.1869, 313 стр.
9. ГАКК Ф.574, О.1. Д.401. Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Кубанская областная чертёжная (межевая комиссия) Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. Дело межевой части полковника Макарова Кубанской области Кавказского (с 1870 Екатеринодарского) отдела в отведённых ему юртах. Начато 24.06.1869.
10. ГАКК Ф.353. Полковое правление 1-й бригады Кубанского казачьего войска Кубанской области. Посемейные списки жителей хуторов. 1870 г.
11. ГАКК Ф.354. Полковое правление 2-й бригады Кубанского казачьего войска Кубанской области. 1-й Лабинский полк. Список способных отбывать воинскую повинность. 1876 г.
12. ГАКК Ф.738. Д.9. Управление атамана Лабинского отдела Кубанского казачьего войска. Сведения о народонаселении Лабинского отдела Кубанской области. Списки немецких колонистов. 1888-1918 гг.
13. ГАКК Ф.740. Д.3, Д.11. Управление атамана Кавказского отдела Кубанского казачьего войска. Послужные списки старших воинских чинов управления Кавказского отдела Кубанской области, послужные списки казаков Кавказского отдела. 1891-1919 гг.

14. ГАКК Ф.742. Управление атамана Майкопского отдела Кубанского казачьего войска. Список населённых мест Майкопского отдела. 1898-1918 гг.
15. ГАКК Ф.1. О.1. Д.79. Циркуляры атамана Кавказского отдела, приговоры станичного и хуторских сборов, другие документы по выборам делегатов в Войсковую Раду. Списки избранных лиц. 1917 г.- 1918 гг.
16. ГАКК Ф. 467. Кубанская областная комиссия по выборам в Государственную Думу. Списки избирателей и выборщиков. Баллотировочные листы. 1906-1917 гг.
17. ГАКК Ф.Р-1542 Кубанская законодательная Рада. г. Екатеринодар, Кубанской обл. 1918-1920 гг. Списки членов Рады по отделам Кубанского края по состоянию на 20 августа 1919 года. 116 стр.
18. ГАКК Ф.Р-234. О.1. Д.203. Кубано-Черноморское областное статистическое бюро Исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Поселенные списки домохозяев селения Братского Кавказского отдела по итогам переписи 1920 г. Стат. форма №2. 17 стр.
19. ГАКК Ф.Р-1599. Усть-Лабинское районное земельное управление исполнительного комитета районного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1924-1931 гг.
20. ГАКК Ф.Р-779. Усть-Лабинская районная комиссия по делам бывших красноармейцев и красных партизан. Личные дела и списки красных партизан по х. Братскому. 1930-1935 гг.
21. ГАКК Ф.Р-392, Р-570. Исполнительные комитеты рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих советов депутатов. Списки лиц, лишённых избирательных прав, кулацких хозяйств, раскулаченных домовладельцев. 1930-1935 гг.
22. ГАКК Ф.Р-819. О.1. Д.1, 10. Ладожская районная комиссия по рассмотрению жалоб лиц, лишённых избирательных прав. Избирательная компания 1930 года. Списки лиц, лишённых избирательных прав по Братскому с/с, Усть-Лабинского района Северо-Кавказского края. Личные дела лишенцев по алфавиту. 1927-1936 гг. Апанасенко И.К., Апанасенко А.П.
23. АОУЛРА Ф.105, О.1. Протоколы заседаний Сельсовета хутора Братского, Ладожского района (ныне Усть-Лабинского района) 1921-1943г.г.
24. ЦДНИКК Ф.1035. Первичная организация ВКП(б) Братского сельского Совета, Ладожский район, Краснодарский край. 1922-1945 гг.
25. ЦДНИКК Ф.1054. Первичная организация ВКП(б) колхоза "Красный Восток", Ладожский район, Краснодарский край. 1934-1950 гг.
26. Личные дела репрессированных лиц из Архива Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю.

Содержание

1. *По поводу моей родословной* – стр.5
2. *Экскурс в историю* – стр.12
3. *Переселение предков на Кубань* – стр.21
4. *Хутор Братский. История* – стр.27
5. *Прадеды* – стр.47
6. *Про жизнь прадедов после революции* – стр.83
7. *О сыновьях прадедов* – стр.105
8. *Про деда Ивана и бабушку Саню* – стр.135
9. *Родственники Хоружевские* – стр.138
10. *Про жизнь родителей отца* – стр.149
11. *Война* – стр.157
12. *Оккупация и послевоенные годы* – стр.175
13. *О братьях отца* – стр.189
14. *Об отце и матери* – стр.191
15. *По поводу родственников матери из станицы
Костромской* – стр.227
16. *Про деда и бабушку Макаренко* – стр.237
17. *Немного о себе* – стр.258
18. *Список использованных материалов* – стр.259
19. *Мой семейный фотоальбом* – стр.261

УДК 74 (470.620)
А-2.3

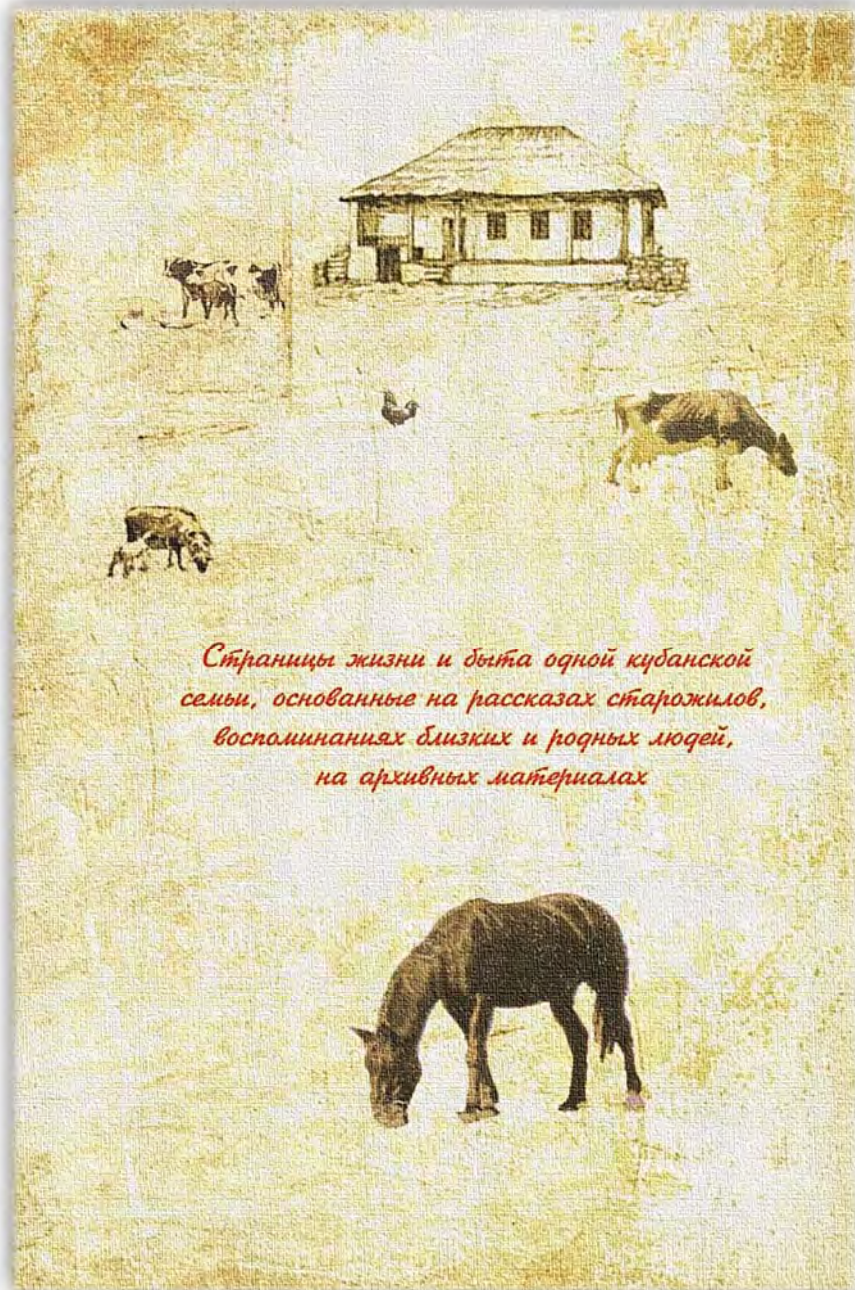
Апанасенко В.А.

Семья Апанасенко из кубанского хутора Братского.
2008 г. - 280 стр. с ил.

Авторская редакция.
Печать цифровая на оборудовании ПКФ «Горизонт-сервис»
Россия, г. Краснодар, ул. Коммунаров д.296. Тел. (861) 259 35 56
E-mail: gorizser@inbox.ru
Репринт 2012 г. 99 экз.

г. Краснодар

*Страницы жизни и быта одной кубанской
семьи, основанные на рассказах старожилов,
воспоминаниях близких и родных людей,
на архивных материалах*

